
ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Екатерина Лещева, передовая доярка Пицундского молочно-овощного совхоза (Абхазская АССР). За полугодие она получила от каждой из закрепленных за ней 11 коров по 2 895 килограммов молока.

Фото С. Короткова.

На первой странице обложки: Махмуд Эйвазов. Старейшему колхознику Азербайджана Махмуду Багир оглы Эйвазову исполнилось 148 лет. Недавно ему был вручен орден Трудового Красного Знамени. «Больше века счастье обходило мой дом,— сказал он, получая награду,— и пришло оно ко мне вместе с Октябрем». М. Эйвазов участвует в производственной жизни колхоза. Он утвержден участником ВСХВ 1956 года.

Фото М. Фришмана.

На последней странице обложки: На Пестовском водохранилище канала имени Москвы.

Фото Е. Тиханова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 24 (1513) 10 ИЮНЯ 1956

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

«Наши судьбы неотделимы»

2 июня в Москву по приглашению Советского правительства приехал с официальным визитом Президент Федеративной Народной Республики Югославии Маршал Иосип Броз Тито. Вместе с Президентом и его супругой прибыли заместитель Председателя Союзного исполнительного веча Эдвард Кардель, Государственный секретарь по иностранным делам Коча Попович и другие.

На Киевском вокзале Маршала Тито тепло встретили руководители Коммунистической партии и Советского правительства. Отвечая на приветственную речь Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища К. Е. Ворошилова, Маршал Тито заявил: «Я уверен в том, что это посещение еще больше содействует не только усилению доверия между Советским Союзом и Югославией, а также и усилению доверия в международных масштабах». «Наши судьбы,— отметил в своей речи товарищ Тито,— неотделимы».

Советские люди горячо приветствуют приезд товарища Тито в нашу страну.

Маршал Иосип Броз Тито на перроне Киевского вокзала. →

Фото Дм. Бальтерманца.

Товарищи Тито, Ворошилов и Хрущев отбывают с вокзала.

ГОСТИ ИЗ БРАТСКОЙ СТРАНЫ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Иосип Броз Тито и Эдвард Кардель на приеме у К. Е. Ворошилова.

Во время визита Иосипа Броз Тито к Н. А. Булганину.

4 июня Иосип Броз Тито нанес визит Н. С. Хрущеву.

↑ 5 июня. Кремль. В первый день переговоров между правительственными делегациями Советского Союза и Федеративной Народной Республики Югославии.

↓ Иосип Броз Тито, его супруга и К. Е. Ворошилов среди артистов

↓ На завтраке у К. Е. Ворошилова. Слева направо: товарищи В. М. Молотов, Эдвард Кардель, Н. А. Булганин, Иосип Броз Тито, К. Е. Ворошилов, Д. Т. Шепилов, Н. С. Хрущев.

балета Большого театра после окончания спектакля «Лауренсия».

Товарищ Иосип Броз Тито и Йованка Броз в кабинете В. И. Ленина в Кремле.

В воскресенье вечером. Товарищ Тито, его супруга Йованка Броз и Никита Сергеевич Хрущев на улице Горького. Снимок сделан возле магазина «Гастроном» № 1.

Фото В. Володкина и Б. Светланова.

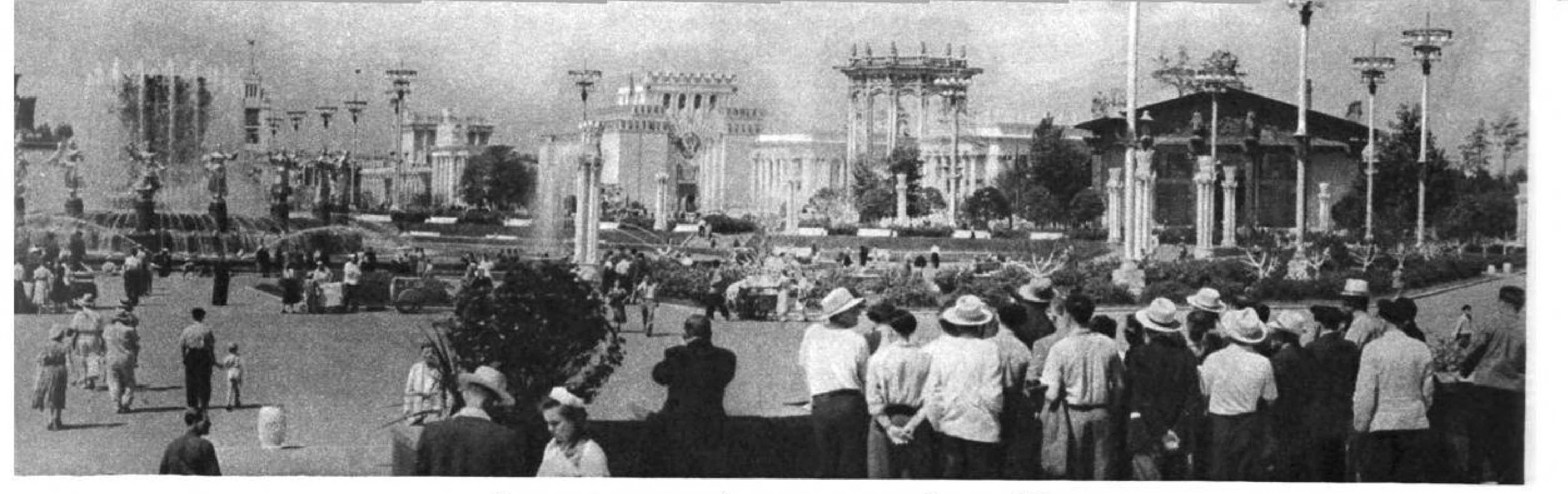

В тот же вечер гости побывали в кафе «Прохлада».

Фото В. Володкина и Б. Светланова.

Иосип Броз Тито и Йованка Броз.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. 4 июня 1956 года.

Фото Е. Умнова.

На выставке индустрии и сельского хозяйства

В павильоне Украинской ССР Н. С. Хрущев представил товарищу Тито председателя колхоза «Здобуток Жовтня» Черкасской области Героя Социалистического Труда Федора Ивановича Дубковецкого.

4 июня открылись для всеобщего обозрения Всесоюзная сельскохозяйственная выставка и Всесоюзная промышленная выставка. Во множестве павильонов выставочного городка размещены сельскохозяйственные и промышленные экспонаты, наглядно демонстрирующие торжество ленинской политики, направленной на развитие всех отраслей народного хозяйства страны, показывающие успехи в индустрии и сельском хозяйстве.

За день до официального открытия выставок их посетили Иосип Броз Тито и сопровождающие его лица. Югославских гостей встретили руководители Советского государства и КПСС. Их приветствовали москвичи и первые экскурсанты, прибывшие из других городов страны. После посещения павильона «Машиностроение» товарищ Тито сказал:

— Это один из самых интересных павильонов выставки.

Фото Дм. Бальтерманца.

Товарищи Тито, Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев в павильоне «Машиностроение».

На Всесоюзной промышленной выставке. Товарищ Тито, сопровождающие его лица и руководители Советского государства и КПСС в Павильоне использования атомной энергии в мирных целях. У действующей реакторной установки.

ОБ ЭТОМ Я СООБЩАЮ...

В эти дни на пресс-конференциях в Доме журналиста постоянно встречаешь большую группу корреспондентов, которые говорят на языке, очень похожем на наш. Это югославские журналисты.

Как все журналисты, они всегда торопятся: собрать материал для корреспонденции, написать ее и, главное, во-время передать в свои редакции. Об этих корреспонденциях из Москвы мы и повели разговор с югославскими коллегами.

— Что вы передаете в эти дни в Югославию? — таков был наш вопрос.

— Я хочу донести до моих читателей атмосферу теплого гостеприимства, которая нас окружает в Москве,— сказал внешнеполитический обозреватель газеты «Политика» товарищ Джука Юлиус.— Как журналист, я на своем веку был свидетелем многих встреч. И я знаю, что нельзя «организовать» столь яркое и искреннее выражение симпатии и дружбы на лицах тысяч людей. Это — первое. Второе: я пытаюсь передать своим читателям, что советские люди хотят укрепления связей с Югославией на основе равноправия и независимости, то есть того же, чего желает югославский народ. Третье: я хочу, чтобы мои читатели знали, что я наблюдаю в вашей стране огромный интерес к Югославии; это я видел и на фотовыставке, на фестивале югославских фильмов, на спектаклях Белградского театра, да и просто в ежедневных встречах и разговорах. Правда, знают у вас о Югославии, как мне кажется, еще недостаточно, но это — дело поправимое. И, наконец, четвертое: я поражен — и об этом пишу в свою газету — фантастическим индустриальным ростом Советского Союза. СССР сейчас — одна из величайших индустриальных держав мира.

Если я не наговорил уже слишком много,— продолжал Джука Юлиус,— расскажу еще об одном. Это было в воскресенье вечером. Я бежал на телеграф передать очередную корреспонденцию. Вдруг вижу на улице Горького возле кафе-мороженое большую толпу. «Что случилось?» — спросил я. «Тито!» — был ответ.

Вижу, пробиться к кафе невозможно. Тогда я закричал: «Товарищи, я югославский корреспондент!» Слова оказались магическими. Меня немедленно протолкнули к дверям кафе. Я зашел туда. Товарищ Тито, Йованка Броз, Никита Сергеевич и наш посол Мичунович сидели за столиком, ели мороженое. Когда Тито и Хрущев вышли из кафе, им пришлось буквально пробивать себе дорогу. Отовсюду неслись приветственные возгласы в честь югославо-советской дружбы.

На Пушкинской улице товарищ Тито показал своей жене дом, недалеко от здания филиала Большого театра, где он жил в 30-х годах.

Людей вокруг прибывало все больше и больше. Один шофер остановил свою машину посреди улицы и выскочил из нее. Милиционер потребовал у него права. Шофер без разговоров подчинился и с улыбкой попросил милиционера последить за машиной, пока он пойдет посмотреть на югославских гостей.

Я страшно жалел, что у меня не было фотоаппарата. Люди вокруг были так веселы, естественны! Все это просилось на пленку. И тут я заметил, что двое русских фотографируют эту волнующую картину. Мне повезло. «Политика» на другой день была единственной газетой в Югославии, которая напечатала интереснейший снимок.

Вторым нашим собеседником был корреспондент радио Белграда Влада Митрович. Он сказал, что будет кратким, как этого требует специфика его работы.

— Я делал репортаж из Унген, из Кишинева, вел прямой радиорепортаж с Киевского вокзала, сделал записи на пленку в Большом театре. Тон моих передач — теплота официальных и неофициальных встреч югославских и советских руководителей. Самая большая моя неудача здесь: я не смог записать на пленку то, о чем вам только что рассказывал Юлиус.

Корреспондент агентства ТАНЮГ Божа Рафайлович приехал в Москву помогать постоянному корреспонденту агентства в Москве. Он назвал нам одну цифру: ежедневно с 1 июня они передают в Югославию 3 тысячи слов.

Наши гости, югославские журналисты, заняты важной и благородной работой. Пожелаем им успеха!..

Г. БОРОВИК,
А. СЕРБИН

В Кремле, в Свердловском зале, состоялось вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» выдающейся японской общественной деятельнице и борцу за мир г-же Акико Сэки. На снимке: поэтесса Екатерина Шевелева прикрепляет г-же Акико Сэки медаль лауреата.

Фото А. Гостева.

Комсомольцы выехали на Восток

В прошлое воскресенье первый отряд московских комсомольцев выехал на стройки Востока. На Ярославском вокзале друзья и знакомые, юноши и девушки со столичных предприятий устроили своим товарищам сердечные проводы.

— Счастливого пути! — напутствовали отъезжающих москвичи.

Фото М. Озерского.

МАГИСТРАЛЬ НА ЦЕЛИНУ

В небольшом уральском поселке Шильда две железнодорожные станции. Одна старая, существующая уже многие десятилетия, другая появилась всего несколько месяцев назад — Шильда-новая. Эта станция выглядит несколько необычно. Железнодорожная колея здесь уже нормальной, а вагоны и паровозы кажутся слишком миниатюрными...

В Директивах XX съезда КПСС предусмотрено в течение шестой пятилетки построить 935 километров железных дорог узкой колеи в районах освоения целинных и залежных земель. Станция Шильда-новая является началом строящейся 170-километровой узкоколейной магистрали, выходящей к группе глубинных совхозов Чкаловской, Кустанайской и Актюбинской областей.

По новой дороге уже идут грузы для совхозов. Особенно много их было весной, когда из-за распутицы почти на целых два месяца прекратилось автомобильное движение.

Немал и поток пассажиров. Регулярно, два раза в сутки, от Шильды-новой отходят пассажирские поезда. Правда, пока что они состоят из товарных вагонов с устроенными внутри сиденьями. Но в ближайшие недели сюда прибудут настоящие пассажирские вагоны.

Почти все пассажиры — молодежь, юноши и девушки, прибывшие по комсомольским путевкам. Многие из них возвращаются из отпусков, с различных курсов. Есть и такие, которые впервые едут на целину...

Наше внимание привлекла семья с большим количеством багажа, расположившаяся в углу вагона. Высокий, плечистый парень лет двадцати семи расспрашивает попутчиков о совхозе Озерный. Это Петр Бондарь — плотник. Восемь лет он трудился в Чкалове на паровозоремонтном заводе. Недавно списался с товарищами, уехавшими на работу в новые совхозы, и вот теперь сам получил путевку на целину. Решил ехать сразу со всем семейством: женой, трехлетним Валерием и матерью.

— Жена моя — штукатур, работать будем вместе, а бабушка за сыном присмотрит...

...Рады неожиданной встрече Насып Хананов и Надя Шарфутдинова. Два года назад они познакомились в Адамовском совхозе. Насып из Литвы, а Надежда — из Куйбышева. Оба работали на заводах. Теперь Насып — тракторист и недавно закончил курсы комбайнеров. Надя вначале была в совхозе поваром, а сейчас возвращается после окончания шестимесячных курсов с новой специальностью — ветеринарного санитара. Она с увлечением рассказывает, как в новом совхозе, помимо зернового, создается большое животноводческое хозяйство.

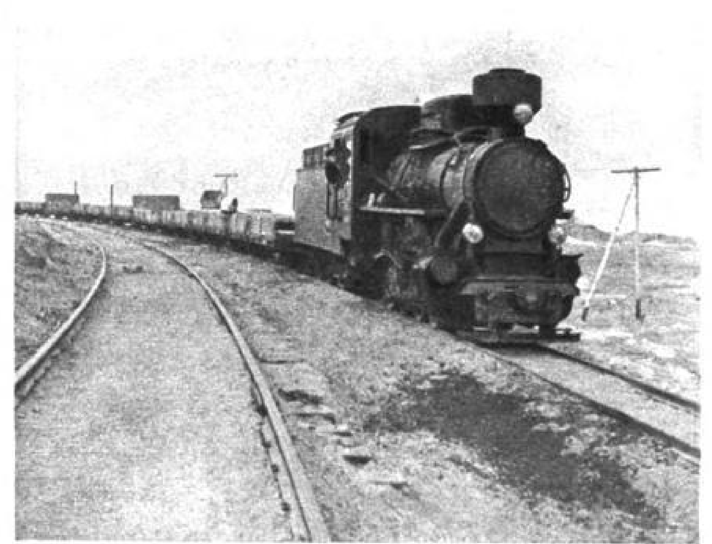
Много встретишь интересных людей, услышишь любопытных разговоров в маленьком вагончике, идущем на целину. Узнаешь, как хорошо ловится рыба в озере Жеты-Коль и на реке Тобол; что за год в Восточном новоселы сами построили пятьдесят типовых домов; что в Адамовском подняли 92 тысячи гектаров целины; что на новых железнодорожных станциях некоторые совхозы будут строить большие бензохранилища.

...Последняя остановка у Джасая. Пассажиры торопливо сгружают багаж, останавливают попутные машины. Кооператоры перегружают тюки и ящики на грузовики. Дальше узкоколейная железнодорожная ветка еще строится. Подготовлены насыпи, строители прокладывают рельсы. Скоро здесь появятся разъезды и железнодорожные станции — Новосовхозная, совхоз Озерный и, наконец, конечная станция на стосемидесятом километре — Целинная.

А пока непрерывно пополняются вагонный и локомотивный парки. На запасных путях Шильды-новой уже стоят почти два десятка сверкающих белизной специально оборудованных вагонов-холодильников. Бригада железнодорожников выехала за получением четырех тепловозов. Возводятся тепловозное и паровозное депо, жилые дома, школы, складские помещения.

Осенью по новой узкоколейной дороге пойдут первые эшелоны с зерном.

А. ГОРЕВ

Здесь начинается узкоколейная дорога на целину.

Фото Б. Клипиницера.

С аттестатом — на заводы, на стройки

Бор. **МИХАЙЛОВ**

Фото Е. Умнова.

Валя Сухова сдает экзамен.

На этот раз все ребята оказались удивительно учтивыми: первой пропустили экзаменоваться Валю Сухову.

— Ты у нас одна в группе,— рассыпались они,— да и по алфавиту тебе начинать: из десятого «А»...

— Первой, так первой. Напугали!..— тряхнула косами девушка и направилась в пролет цеха.

Да, Валя Сухова направилась не в экзаменационную комнату, а именно в пролет механического цеха. В предмайские дни девять выпускников 568-й московской школы держали испытания на электромеханическом инструментальном заводе. За столом возле станка сидели члены квалификационной комиссии: главный технолог завода Н. Н. Гришин, начальник цеха Н. А. Родионов, преподаватель физики и руководитель практики В. А. Костюшин.

Стоя около токарно-винторезного станка, Валя уверенно объясняла назначение нижней плиты суппорта, называя ее по-рабочему то кареткой, то продольными салазками. Школьница произносила слова «ходовой винт», «глубина подачи», «высота центров» так же привычно, как «косинус», «параллелограмм», «извлечение квадратного корня».

Затем, подобрав волосы под платок, она зажала в центрах заготовку, запустила станок и подвела резец к вращающейся детали. Инструмент легко врезался в металл. Звонким ручейком текла стружка. Гришин посмотрел на часы, когда ученица подала деталь, сверкающую, еще теплую. Председатель комиссии подержал валик на ладони, осмотрел со всех сторон и улыбнулся:

— Комар носа не подточит... Быстро, хорошо.— Он обратился к членам комиссии: — Законченный токарь! — И уже официальным тоном добавил: — Ученице десятого класса товарищу Суховой присваивается третий тарифный разряд...

Так Валя Сухова и еще восемь выпускников 568-й школы получили профессиональную квалификацию, сдали, как здесь говорят, на аттестат рабочей зрелости.

— Нравится мне на заводе,— говорила Валя Сухова, когда, с трудом втиснувшись за парту, мы сидели с ней в опустевшем классе.— Иначе чего бы я пошла в токари! Отец зарабатывает хорошо — директор магазина. Искусство люблю, в драмкружке играла. Говорили, талант. А вот кончаю школу — и на производство.

— И место, наверно, уже облюбовали?

— Токарь со средним образованием... Да ему везде работа найдется! В Сибирь собираюсь поехать. Мне в Сибирь дорога проложена Владимиром, старшим братом. Он с комсомольцами уехал на целину. В совхозе «Интернационал» выучился на тракториста. Знаю, трудно там: морозы, неустроенность; напряженная работа. Но зато ново, необыкновенно! По-моему так: если ты не рохля, не маменькина дочка, твое место там, со строителями.

Простую и человеческую радость — видеть вещи, сделанные своими руками,— Валя Сухова и ее одноклассники впервые испытали не в цехах завода. В школе, на первом этаже, есть комнаты, за дверями которых никогда не раздается голос учителя: «Тише, ребята!» Оттуда доносятся гул станков, посвист электрофуганка, запах столярного клея и разогретого машинного масла.

В мастерских все, как на заводе: свои начальники участков, свой технический контроль. Электромеханическому инструментальному заводу школьники взялись поставить одиннадцать тысяч мелких деталей. Заказы сулят доходы, и с нового года мастерские решено перевести на полный хозрасчет.

Никого не удивило, что в анкете, проведенной в десятых классах, на вопрос «Ваша мечта?» появились ответы: «С аттестатом — на завод!», «Строить!»

У многих выпускников 568-й школы за плечами уже производственный стаж. Пусть небольшой, но достаточный, чтобы почувствовать, как интересно плавить металл, собирать из железобетонных деталей дом, монтировать гигантские турбины.

Смущенные, ходили они два года назад по цехам завода. Им открывался новый мир. Литье под давлением, горячая штамповка, станки-автоматы... В разумной работе машин оживали отвлеченные формулы и законы, слышанные на уроках. Учиться дальше можно и в заочном институте. Не помешала же работа в цехе слесарю Ирине Свинолуповой закончить вечерний станкостроительный техникум, а затем — и машиностроительный институт. Теперь она конструктор технического отдела.

С самого начала обучения в механическом цехе за практикантами закрепили несколько токарных, строгальных и фрезерных станков. «На убой отдали»,— мрачно пошутил кто-то. Но со станками ничего не случилось.

М. А. Гордеев, токарь первой руки, в каждом ученике старался увидеть рабочую «живинку». Он с первого дня обратил особое внимание на чубатого, разбитного Славу Кулакова. Заводская наука давалась ему просто, без напряжения, но эта легкость рождала самоуверенность. Пареньку ничего не стоило затормозить рукой патрон выключенного станка, попытаться замерить обрабатываемую деталь на ходу, когда она вращается. После очередного лихачества старший мастер позвал Кулакова в конторку.

— Кулаковым будешь?

— Кулаков...

— Из Черемушек?.. Наверно, сын Кулакова?..

На заводской окраине, именуемой иногда по старинке Верхними Котлами, многие знают Кулаковых. Глава этой большой рабочей **семьи, Николай Николаевич, четверть века трудится на втором кирпичном заводе.**

Можно только догадываться, о чем толковал с парнем в конторке старший мастер. Но с того дня Слава Кулаков по-иному относился к практическим занятиям в цехе.

С хороших трудовых дел начинают самостоятельную жизнь десятиклассники с московской окраины.

И естественно, что многие из них с готовностью отозвались на зов партии и правительства поехать на стройки и предприятия восточных и северных районов страны. Выпускники Анатолий Кондрашев, Виктор Матросов и Анатолий Кауфман в заявлении, адресованном Москворецкому райкому комсомола, написали:

«Мы знаем: где трудности, где проходит главный фронт социалистического строительства, там нужны молодые, сильные руки, способные все одолеть и строить новое. Просим райком направить нас на строительство Красноярской ГЭС, обязуемся с честью оправдать доверие партии и правительства».

Вот где строится Красноярская ГЭС! Над картой — Анатолий Кауфман, Анатолий Кондрашев и Виктор Матросов.

Всему научились школьники Рудольф Винницковский, Лев Шевырев, Анатолий Гущин.

Опасная диагональ

Форма № 3-40
Доплатной листок № 9
Дата 14.II-56 Цех № 13
К наряду маршрута, карте №
Спецификация № | Чертеж № | Позиция № | Техкарта № | Плавка №
Деталь № Операция №
Описание дополнительных работ: Резка насадок 0/51
Причина доплаты: Отсутствие приспособления 06
Виновник доплаты
Фамилия, и., о. рабочего: Нефёдова А. Н.
Шифр оборудования | Разряд работы | Вид оплаты | Шифр доплаты | № участка, бригады | Категория работы | Профессия | Табельн. № | Разряд рабочего | Время по норме | Сумма
Годных
Утверждаю
К доплатному листу № | Цех №
Заказ №
Расписка за единицу
Фамилия, и., о. | Таб. №
Принято годных
Дата
Контролер ОТК

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Фото О. Кнорринга.

Бывает, залетит в память случайно услышанная фраза, обрывок непонятного разговора — и не дает покоя. В сутолоке дня нахлынут дела, заботы, кажется, голова занята чем-то важным, неотложным, но вдруг опять начинают звучать в сознании мимолетно уловленные слова, звучать и тревожить.

Так случилось с нами в Таганроге, на заводе «Красный котельщик».

...Однажды, зайдя в цех вместе с заместителем секретаря парткома завода товарищем Зинченко, я услышал его разговор со станочником:

— Доколе ж так будет, Александр Артемович? Опять красная полоса.

— Технолог подписал?

— Подписал, так что ж с того? Ту неделю работал на бугая и эту — тоже.

— Разберемся...

Разговор для нового на заводе человека был непонятен.

«Красная полоса»...

Казалось бы, торжественные, праздничные слова,— чудилось нечто вроде вымпела победителей соревнования, флага над станками. Но с этим образом никак не вязались ни сердитый тон рабочего, ни озабоченное выражение лица Зинченко.

Назавтра собрался пленум заводского комитета профсоюза. Обсуждались результаты соревнования. Заседание уныло плелось по старой традиции: монотонно назывались фамилии передовиков, поднимались руки, голосуя за присуждение почетных званий: «лучший токарь завода», «лучший сварщик» и так далее. Не разгоралось никаких споров. И хотя с выполнением плана, особенно по разделу экономии металла и рабочего времени, дело на заводе обстояло неблагополучно, никто не поднимал этих острых вопросов. Только Зинченко да еще один — два товарища покритиковали дирекцию за невнимание к нуждам цехов.

— Если смотреть по бумажкам, то у нас все в порядке. «Условная экономия» такаято. А на деле — пшик... На «красной полосе» едем!

Опять!

— Что это за «красная полоса»? — спросил я после заседания Зинченко.

Его широкое, открытое, с крупными чертами лицо нахмурилось, брови сдвинулись.

— Беда наша... И позор наш.

И тут мне раскрылась одна заводская «тайна», про которую все в коллективе знают, но которой стыдятся, как в честной трудовой семье, где все работают, стыдятся непутевого сынка-шалопая.

...Современный паровой котел высокого давления — сложное инженерное сооружение. Это тщательно рассчитанная система множества стальных труб и трубок разного диаметра, топочных и перегревательных камер, всевозможных регулирующих и контролирующих устройств. Здесь требуются творческий полет мысли конструкторов-проектировщиков, точнейшие расчеты технологов, высокое мастерство рабочих.

Мы видели в цехах высокопроизводительный сварочный аппарат, созданный для завода в научно-исследовательском институте. За один проход электроды аппарата сваривают листы стали толщиной до двухсот миллиметров. Аппарат дает возможность сварщикам работать в восемь раз быстрее, чем раньше.

Здесь один из арсеналов шестой пятилетки, пятилетки огромного роста энергетических мощностей.

Можно было бы подробно описать, как в гулких цехах, озаряемых холодными искрами электросварки, изгибают и соединяют трубы будущей котельной установки; как атомом и ультразвуком проверяют прочность сварных швов; как новаторы сборки, стремясь ускорить ввод в действие новых электростанций, предложили отправлять котлы на строительные площадки не разрозненными частями, а крупными собранными блоками...

Все это просилось в очерк, но «красная полоса» повернула наши мысли к некоторым весьма прозаическим и не очень веселым вопросам заводской жизни.

Труд рабочих оплачивается сдельно, по обычным нарядам, их подписывают нормировщик и мастер. Если станок твой оснащен всеми необходимыми приспособлениями, если дали тебе металл нужного сорта и профиля, то подписанный в цехе наряд беспрепятственно пойдет в бухгалтерию и ты во-время и сполна получишь то, что заработал. Так и должно быть. Но в жизни, увы, часто случается совсем по-другому...

Вот тогда и возникает «красная полоса».

Это уже другой наряд. На листке отпечатана диагональ вишневого цвета. Она означает, что рабочему на каком-то участке производства не были созданы предусмотренные технологией условия работы. Значит, рабочий не виноват, если затрачивает на операции добавочные усилия. И этот добавочный, с точки зрения плана, труд оплачивается из средств завода — тех самых, что обычно идут на социалистическое накопление. Наряд с диагональю завизировать к оплате могут только главный инженер или главный технолог.

«Красная полоса» — сигнал опасности, как и красный свет светофора: где-то опять нарушена технология; углеродистая сталь вопреки нормативам заменена легированной; какой-то рабочий или целая бригада остались без инструмента, оснастки; поковки поступают с чрезмерными припусками... И так далее, и тому подобное. Сотни рабочих часов летят в трубу: работа по «красной полосе» не засчитывается в план валовой выработки.

— «Полоса» бьет нас по голове,— говорят на заводе.— Это такая же беда, как штурмовщина.

На машиносчетной станции заводской бухгалтерии, куда из цехов стекается вся документация по заработной плате, нам показали толстые пачки нарядов с характерной броской чертой. В графе «причина доплаты» равнодушно значилось:

«Отсутствие приспособления...»

«Нет мерного листа...»

«Автомат бездействует...»

— Прямой убыток заводу,— с горечью сказала комсомолка Валерия Полетаева, инженер машиносчетной станции.— Мы ж тут не просто считаем, у нас тоже душа болит за производственные дела. Как принесут из цеха... с «полосой», так даже настроение, знаете, портится. За первый квартал 130 тысяч рублей уже доплатили.

Что крылось за лаконичными записями, за цифрами, проставленными в клетках нарядов, за номерами деталей, закорючками подписей?

Выписав из нескольких документов сведения и фамилии, мы снова отправились в цехи. Следы «полосы» вели к живым людям, к их тревогам и заботам.

Поучительную историю рассказала нам работница Вера Морозова из котельного цеха.

Помните ли вы эту работницу, товарищ главный инженер Шамраевский?

Вера Морозова — юная девушка с худощавым миловидным лицом, комсомолка. Светлые волосы аккуратно упрятаны под платок, на руках толстые рукавицы: заготовку в патрон станка приходится вставлять руками, а у заготовки острые края.

Вместе со своими подругами Вера трудится в самом конце корпуса, на участке, где всегда громоздятся сотни насадок для труб котла. Это и есть продукция бригады.

Насадки нужны заводу в огромных количествах. А операции по их изготовлению трудоемкие. Сначала обрежь трубку. Хорошо, если на твоем станке прилажен пневматический зажим, но пневматикой обеспечены далеко не все станки. Чаще приходится вставлять труб-

Работник бухгалтерии «Красного котельщика» Валерия Полетаева возмущена:
— Прямой убыток заводу!

— Пусть поставят автомат — обойдемся без «полосы»,— говорит станочница котельного цеха Вера Морозова.

ку руками, с трудом зажимать ключом. С напряжением делаешь и другие операции: развальцовку, протяжку, обжимку насадок.

Некоторое время назад на участке был поставлен автомат, сконструированный заводским инженером Гавриловым. Автомат производил все операции сразу. Вера и ее подруги от души радовались появлению умной машины. Еще бы! Росла производительность — рос и заработок. Теперь два человека делали за смену то, что раньше требовало труда шести человек. К тому же автомат замещал и технического контролера: не пропускал брака.

Главный инженер незамедлительно сообщил министерству о новом успехе завода в механизации трудоемких процессов, не поленился позвонить в редакцию многотиражки и попросил дать заметку об автомате. И, конечно, санкционировал повышение норм на насадки.

А что же произошло потом?

Автомат закапризничал. Его, как говорят рабочие, «еще не довели до ума». Какие-то детали в механизме требовали замены, переналадки. Но вам, товарищ Шамраевский, было уже не до этого. С вас было достаточно, что в показателях завода по внедрению новой техники уже прибавилась какая-то лестная для вас доля процента.

О людях же, об их труде, об их справедливых претензиях не подумали.

Ни Вера, ни ее подруги, которых снова поставили на старые станки, уже не могли давать насадки по нормам, рассчитанным на автомат. Сознаться в ошибке, отменить нереальные нормы помешала честь мундира. И поэтому Морозовой и другим работницам участка долгое время доплачивали по «красной полосе». Вот как об этом говорили девушки:

— А зачем нам подачки? Пусть поставят автомат — обойдемся и без «красной полосы».

Почему-то у многих хозяйственников под культурой производства принято понимать лишь подметенный у станка пол и зелень между колоннами цеха. Все это нужно и хорошо. Но посмотрим на проблему шире. Что толку от цветов на рабочих тумбочках, если в тумбочках нет инструментов?

Источник многих доплат по «красной полосе» — плохое материально-техническое снабжение.

Цепочка, к сожалению, начинается в министерстве. Для культурной и ритмичной работы заводу необходимо еще в августе, за пять месяцев до начала осуществления годовой программы, получить из министерства так называемый «именник» — точный, подробный перечень тех агрегатов, механизмов, которые должны выпустить цехи. Только тогда заводской отдел снабжения в состоянии своевременно заказать заводам-поставщикам металл определенного профиля. Но... «именник» приходит только к январю, а то и позже. К опозданию министерства плюсуется опоздание с заказами заводского отдела снабжения. И начинается карусель. Из цехов — нервные звонки в заводоуправление: «Когда будет швеллер?», «Когда будет нержавейка?» Едва прибудет партия металла, как она прямо с колес идет к станкам. Где уж там учитывать, контролировать, экономить! Были дни, когда тяжелые стальные трубы доставлялись в Таганрог... рейсовыми самолетами из Свердловска. Пусть это стоило десятки тысяч рублей, лишь бы формально не сорвали план!

«Позвольте, но ведь завод не планирует работу главка, министерства»,— слышим мы возражения директора «Красного котельщика» Всеволода Ивановича Орлова, начальника снабжения Георгия Николаевича Доруха.

Но почему же, спросим мы, рядовые рабочие считают себя внутренне обязанными протестовать против негодного стиля работы, рождающего «полосу», а руководители предприятия мирятся с рутиной? И разве от министерства зависит, что на заводских складах нет учета и порядка, что зачастую заготовки со склада до цехов идут дольше, чем поезд из Магнитогорска до Таганрога?

...Строчка из другого наряда на доплатную работу с техническим обозначением: «Фланец подогревателя воды высокого давления» — свела нас с токарем Яковом Федоровичем Вербицким. Это смуглый, голубоглазый, резковатый человек, бывший солдат.

Он стоял возле карусельного станка, на котором неторопливо кружилась массивная рыжая заготовка, обдираемая резцом.

Услышав насчет «красной полосы», Вербицкий подвел нас к большой куче стружки, нагнулся, извлек из нее змееобразную ленту стали.

— Разве это дело!

Бросил стружку, подошел к станку.

— А резцов сколько гробим! Да еще две уборщицы крутятся целый день — не успевают убирать.

В обеденный перерыв мы сидели с Вербицким и с его товарищами по цеху сварных барабанов и подсчитывали, во сколько же обходятся государству чрезмерные припуски на заготовках для фланца.

Поковка весит две тонны двести килограммов. А выделанный из нее фланец — восемьсот пятьдесят килограммов.

Где ж тут быть экономии?

За месяц по одному лишь станку Вербицкого из сорока семи тонн металла только двадцать одна идет на детали, а двадцать шесть — в стружку.

— Дай поковку с нормальным припуском,— сказал Вербицкий,— я тебе за семь часов обработаю. А с такой дурой и шестнадцати не хватит.

— Доплатят тебе по «красной», чего плачешься? — заметил нормировщик.

— Так разве я про себя говорю? — обиделся токарь.— За весь завод обидно! Прошлый год три раза знамя присуждали, а теперь, смотри, как бы не отобрали совсем. Хоть бы на май дождик пошел,— неожиданно закончил он.

Потом нам разъяснили смысл этой фразы.

Каждый год накануне первомайского праздника завод рапортовал о больших успехах, и заводскую колонну ставили впереди всех колонн демонстрации. А нынче такой надежды не было. Почему? В морозный день начала года на многотысячном заводском собрании котлостроители дали слово стране, партии, готовившейся тогда к своему Двадцатому съезду: план выполним досрочно, себестоимость снизим... Не снизили. А может, даже и подскочила себестоимость. О чем же тогда рапортовать? И понятно, почему люди думали о дождике: им не хотелось идти на демонстрации позади других.

Дня через два мы снова зашли в цех сварных барабанов.

Возле карусельного станка нас окликнули. Вербицкий — в потемневшей, заношенной солдатской гимнастерке, в кепочке блином,— оторвавшись на минуту от работы, вытер концами пальцы. Пиджак его висел неподалеку. Он достал из кармана исписанные листки и протянул нам.

— Сидел дома, думал-думал да вдруг написал. Посмотрите.

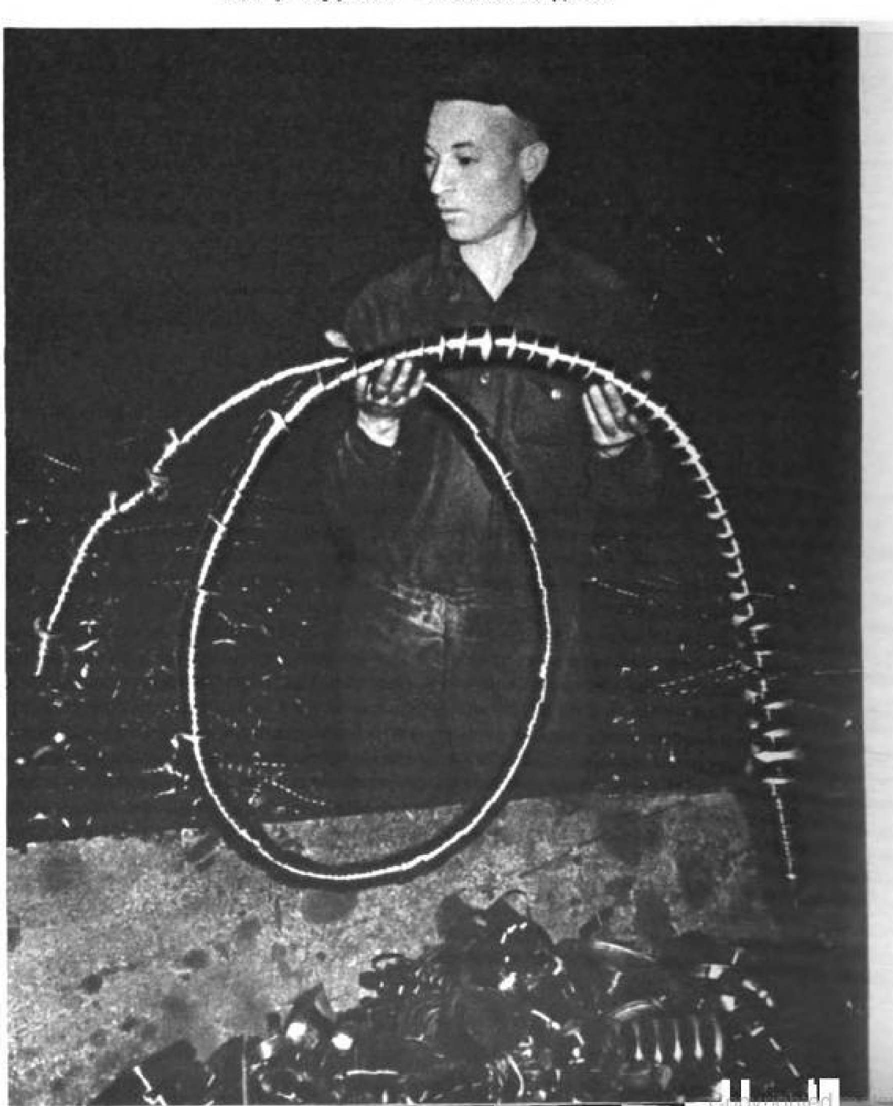
Это было личное письмо токаря Якова Вербицкого рабочим и инженерно-техническому персоналу Ново-Краматорского завода — того самого завода, который поставляет «Красному котельщику» поковки с безобразно завышенными припусками.

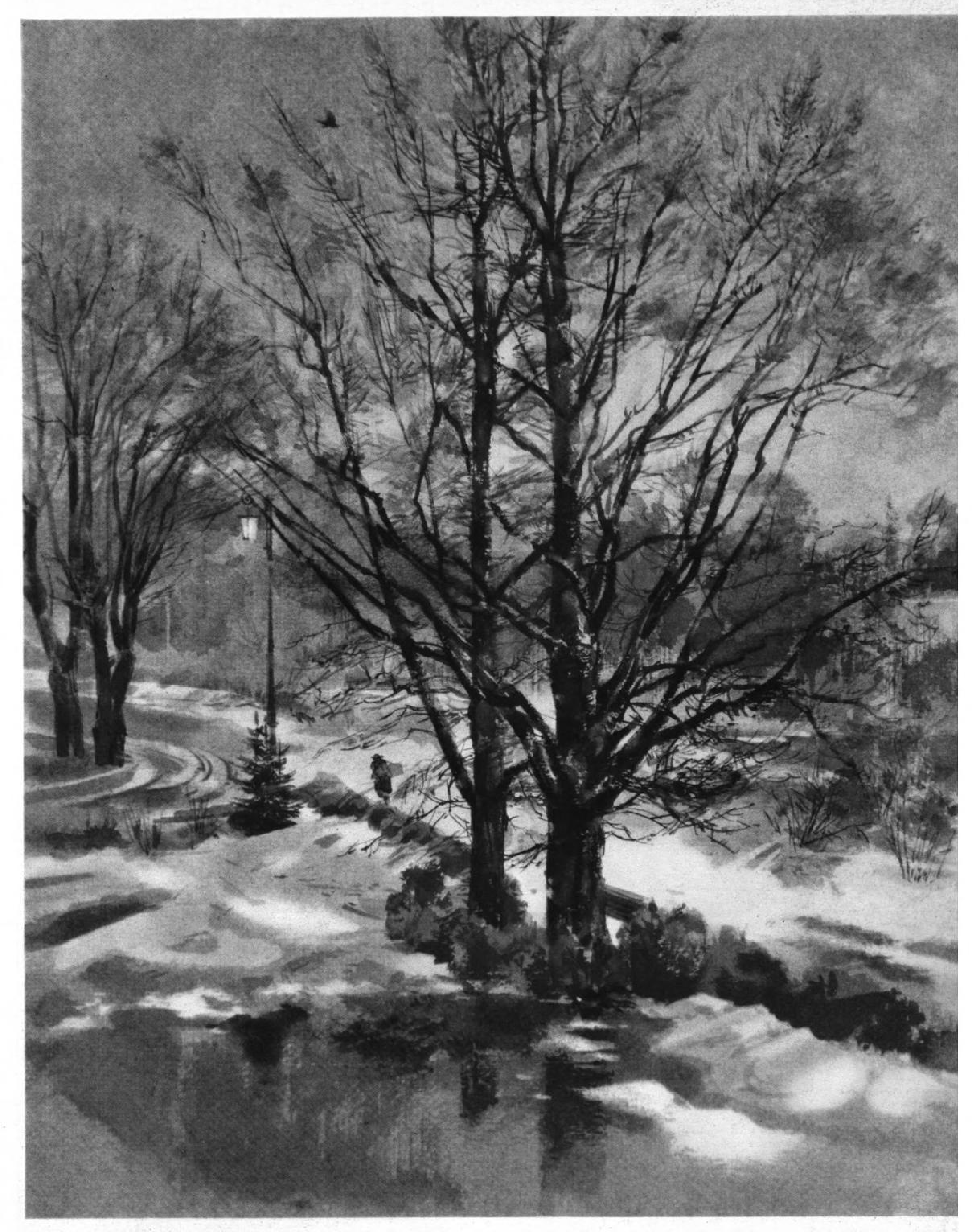
Приведем только маленький отрывок из этого горячего письма:

«...Давайте же вместе, товарищи краматорцы, бороться за снижение себестоимости продукции и за экономию металла. Я предлагаю вам пересмотреть технологический процесс по изготовлению заготовок для сосудов ПВСС, а также и для других изделий, обеспечить наименьшие припуски. А именно я предлагаю такие размеры поковок...» Дальше шли столбики цифр: наружный диаметр, внутренний диаметр, высота фланца в миллиметрах. Письмо заканчивалось чертежиком, старательно выведенным чернилами на вырванном из тетрадки листке: «Если вы усовершенствуете изготовление поковок по предлагаемому мною эскизу, то еще больше сэкономите металла».

Этот рабочий-хозяин думал, искал, как сделать, чтобы с наряда на изделие была стерта опасная диагональ. Не так ли должны думать, жить, работать все люди завода — от любого станочника до директора?

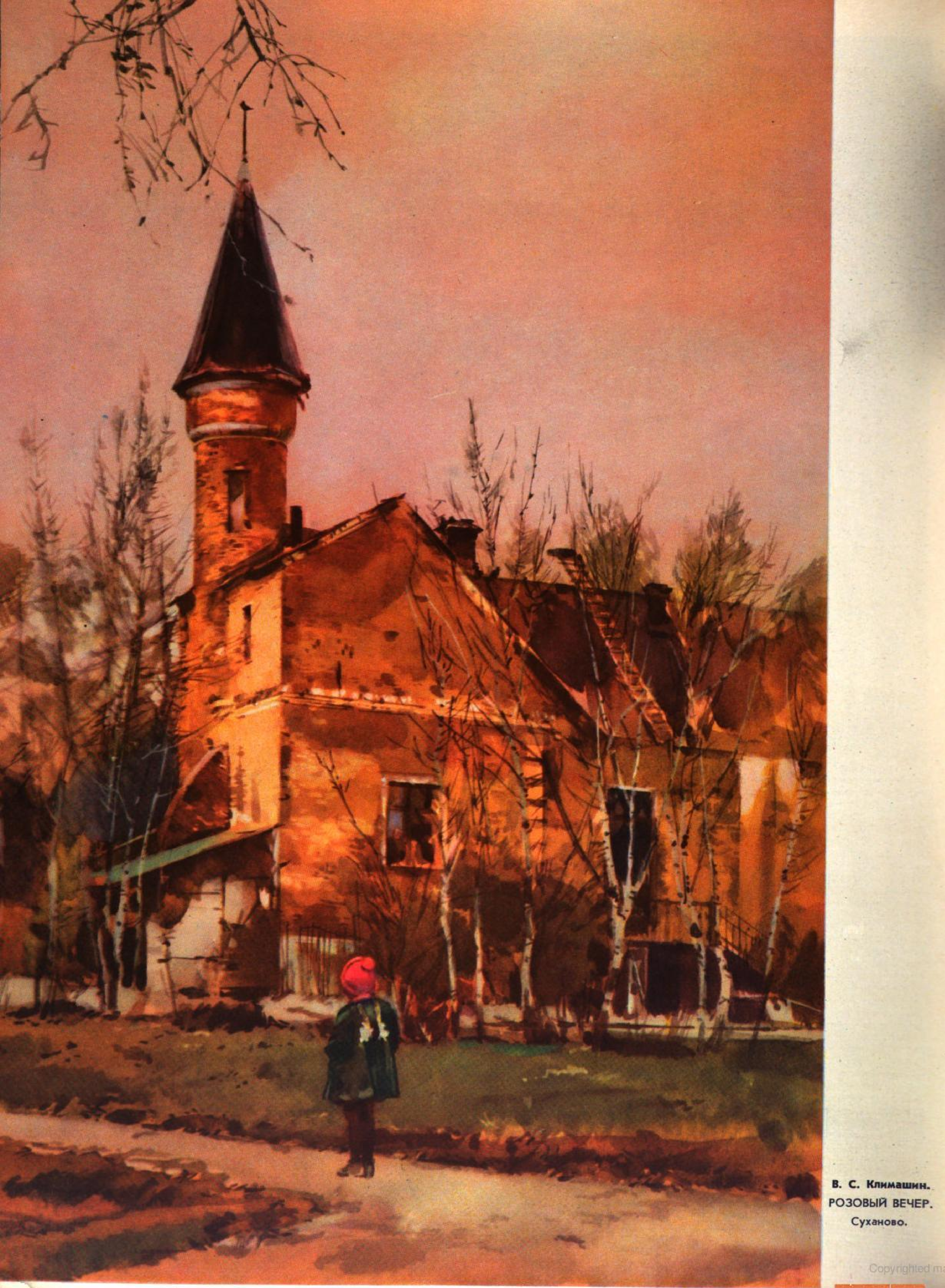
Токарь Яков Федорович Вербицкий приподнял длинную витую ленту стружки: — Разве это дело?

В. С. Климашин. СКОРО ГРАЧИ.

«Огонек». 1956.

В. С. Климашин.
РОЗОВЫЙ ВЕЧЕР.
Суханово.

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Фазлур сидел в «додже» рядом с Умар-Али и наслаждался ранним, свежим утром. Он жадно вдыхал тончайшие запахи, какие посылала земля. В это переходное время зной еще не завладел Пенджабской равниной, и ветерок, который, как хотелось думать Фазлуру, веял с его родных гор; этот чистый и освежающий ветерок, рожденный на ледниках, проносился над дорогой и заставлял чуть шелестеть старые тамаринды, чинары и тополи, росшие вдоль дороги, шевелил траву, и цветы начинали пахнуть как-то особенно ароматно.

Путники то въезжали в глубокую котловину, где их обдавало теплое дыхание, в котором чувствовалось приближение невыносимо жарких дней, то снова выносились на ровный простор дороги. По ней, несмотря на ранний час, двигались крестьянские повозки, проносились грузовики, набитые тюками, оплетенными проволокой, и ящиками в три этажа; шли полусонные пешеходы, и, легко перебирая тонкими ногами, шагали вьючные ослы; ехали закрывшиеся с головой всадники. Дорога жила своей пестрой жизнью, и те, кто заночевал на ее обочине, вставали, разминали руки и ноги и, поеживаясь от утренней прохлады, грелись у маленьких костров, на которых догорали сухие ветки и палые листья, испуская голубоватый дымок, вившийся в воздухе, как знаки неведомого алфавита.

Фазлур необычайно хорошо чувствовал себя в утреннем, обновленном мире. Он ехал в родные горы, домой. Он смотрел на бегущий по сторонам знакомый пейзаж, и ему хотелось кричать и петь от избытка молодых сил.

Ему нравилось все: безоблачное, уже начинающее бледнеть от зноя небо, в котором плавали коршуны; поля и холмы; тяжелые, высокие деревья у дороги с их густыми навесами листьев. Из глубины этих зеленых пещер порой вырывались, блеснув на солнце гладкими, скользкими крылышками, светлые зеленые попугайчики, с тонким криком пересекавшие дорогу от дерева к дереву. Сидевшие у дороги маленькие, серые с черными полосами на спинах тупайи — зверьки, похожие на больших белок,— загнув пушистый хвост, грызли орешки, смотря на дорогу своими темными выпуклыми глазами.

А главное — ощущение пути.

«Почему я люблю дороги? — думал Фазлур.— Я люблю эти прямо направленные дороги Пенджаба, пересекающие великую равнину, среди полей и рощ; и дороги, идущие к горным перевалам, где пахнет сухими травами, и камни — голые, как в пустыне; и дороги, вьющиеся по скалам, уводящие все выше и выше, через луга, где трава достигает человеческого роста, где видны снега, лежащие на плечах серых громад, где все радует глаз и сердце, а переброшенные через гремящие реки шаткие мосты привычны с детства.

Это не простые дороги. Куда они ведут людей? Останови и спроси каждого, кто в пути, и ты услышишь разные рассказы, такие же разные, как характеры и судьбы этих людей. В этот день, напоенный всеми ароматами мира, когда цветы похожи на царские драгоценности, а небо — на верх голубого шатра, покрывшего зелень лугов, молодость имеет свое особое право остро чувствовать, что цветущий мир говорит с ней на понятном и чудном языке».

День расцветал, как большой, пышный, душистый цветок, и Фазлур вспомнил рассвет, вернее, тот сумеречный, шафранно-серый час, когда птицы еще не поют, а люди не проснулись. Он уговорился, что Умар-Али заедет за бензином и, пока он будет брать его, Фазлур встретится с Нигяр в тени старого орехового дерева.

Нежная и безумная в своей смелости Нигяр! Она пришла, и они простились. Им были видны стоявший на дороге «додж» и американцы, расхаживавшие по краю канавы; над ними склонялись темные ветви старого ореха, которые их закрывали от дороги, и жасминовые кусты полны были одуряющего и колдовского запаха. Щеки Нигяр и ее душистые волосы пахли жасмином, так же, как и серебряные подвески ожерелья на теплой шее. Глаза ее, сиявшие в полумраке, давали такую силу, что он мог перевернуть машину вверх колесами, если бы она приказала ему это сделать.

Нет, жизнь прекрасна, и начинать так день — счастье! Он вспомнил сразу же и того человека, ради которого он не пожалел бы своей жизни,— Арифа Захура. Захур в безопасном месте, ушел от своих преследователей. И сразу же перед ним мелькнули широкие темноскулые лица братьев-железнодорожников Али и Кадыра и неугомонной тетушки Мазефы.

В это время Фазлур прочел надпись на столбе, гласившую, что они уже приехали на родину славного Ранджита Сингха[1] — в город Гуджранвалу.

Тут Фазлуром овладел демон смеха. Он фыркал, как шакал, проглотивший кусок мяса с перцем, и было отчего смеяться. Он представил себе, как шпион, в женском платье, избитый и исцарапанный, связанный по рукам и ногам, ничего не понимая, лежа на угольной платформе, оказывается в Гуджранвале. Он не удержался: смех молодого горца был звучен и искренен.

Гифт сказал ему:

— Что ты смеешься? Скажи, и мы хотим смеяться, если это действительно смешно...

Фазлур неожиданно для себя понял, что отныне он не может быть искренен с этими чужими ему людьми, потому что не может же он им рассказать, что произошло перед отъездом, про шпиона, смотревшего на звезды, барахтаясь на своем неуютном ложе.

Рассказать можно про звезды, но не про него. И Фазлур рассказал им совсем другое, напустив на себя вид глуповатого горского парня, который слышал в детстве много удивительных историй от своих дяди и тети или от старого деда.

— Я сейчас увидел медвежью шкуру, лежавшую на земле, ее, видно, продают, и вспомнил, как у нас в горах лисица надула медведя. Раз он сказал лисе: «Как бы так близко увидеть звезды, чтобы можно было их хорошо рассмотреть?» «Стой внизу,— сказала лиса,— а я попробую достать их». И он ждал под скалой, а она влезла на скалу, выбрала здоровый камень и бросила его медведю в голову. Он упал и чуть не умер от боли и страха. Она опустилась вниз и стала хлопотать около него. Когда он пришел в себя, лиса притворно захныкала: «Ох, и трудно мне было сорвать звезду. Вот всю лапу обожгла. Ну, рассмотрел ли ты ее вблизи?» «Я видел столько звезд сразу перед собой,— сказал, охая, медведь,— и скажу тебе только одно: они очень тяжелые и крупные. Когда звезда ударилась о мою голову, она разбилась на множество звезд, но их невозможно было рассмотреть подробно, так быстро они погасли...» И он поблагодарил лису, что она по-дружески исполнила его желание... Она же сказала: «Ты теперь единственный в мире медведь, который видел звезды близко». И он всем потом с гордостью хвастал, потому что наши горные медведи глупые.

Гифт посмеялся и ничего не сказал. Тут Фазлур вспомнил, как Нигяр говорила о том, что по слову Фуста должны были немедленно арестовать Арифа Захура. Но какая связь между писателем и поэтом, пакистанцем, и этим путешествующим для своего удовольствия американцем? Почему Фуст заинтересован в том, чтобы Захура посадили в тюрьму?

Фазлур не мог найти этому объяснение. С ним ехали два человека — туристы, каких много видел Фазлур в Пакистане, у чьих палаток он не раз сидел, разговаривая с их проводниками. Эти люди, имевшие деньги, палатки, много ящиков с консервами и много слуг, ухаживавших за ними, за их лошадьми и ослами, тащившими вьюки, были все похожи друг на друга. Эти были такие же, как и все. Они курили свои трубки, говорили о пустяках, останавливали часто машину там, где им нравилось. Один фотографировал, другой записывал все, что им казалось интересным. Это были не осы — это были пчелы, собиравшие свой ученый мед по капле. Пчела не может убивать — она собирает мед. Так они собирали научные сведения, чтобы потом люди подробно узнали про страну, по которой они путешествовали. И лица у них были серьезные, у Фуста даже чуть грустное, а у Гифта беглый, не очень хороший взгляд, но это, может быть, от излишней нервности.

Нет, Нигяр ошиблась! И лучше не думать сейчас об этом. Вот жаль только, что с ним нет Азлама. Ах, как он рвется к знанию! Сколько он читал, как он понимает все в свои четырнадцать лет! Вот ему бы понравилась эта дорога, так плавно уносящая на север. Надо дышать этими последними днями перед наступлением жаркой и душной погоды, которая иссушит поля и вместо голубого неба повесит ржавые, дымные завесы зноя и приведет пыльные бури.

Хорошо ехать по этой длинной дороге; конец ее потерялся где-то, а на душе такое спокойствие, какого нельзя приобрести ни за какие богатства.

Правы эти любопытные иностранцы, которые вылезают из машины и хотят все заснять, чтобы потом у себя дома вспоминать этот солнечный день и эту неповторимую дорогу!

Все на ней так интересно, так запоминается! Хорошо постоять у деревенского колодца, где работяга-буйвол, темнофиолетовый, как будто сделанный из старой замши, все тащит и тащит из черного мрака колодца сосуды, откуда льется холодная и прозрачная вода... Сидит женщина с тыквообразной металлической посудой. Другая держит на плечах медный кувшин, разговаривает с первой о том, что она видела сегодня во сне. Дети полощутся рядом в лужах, крича пронзительно, как попугайчики, что перелетают через дорогу из одной зеленой кущи в другую. Небо нежноголубое, земля зеленая, все люди в белом. Тепло и привольно. Хорошо у колодца!

Проехали дома, светлые и чистые. У их стен растут тополи и кипарисы; видны цветы на лужайках, дорожки, по краям которых в кирпичных загородках новые посадки, откуда уже торчат бледные пока, тонкие, как хворостинки, деревца.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18, 19, 20, 21, 22, 23.

[1] Ранджит Сингх (1780—1839) — один из правителей Пенджаба, способствовавший укреплению сикхской монархии, талантливый полководец и организатор.

Пробегает вода канала. Над ним ивы и тополи, и даже пальма распушила свои узкие и тонкие зеленые молодые листья. В воде стоят цапли; другие стоят над ними на тонкой бамбуковой жердочке, и их безголовые отражения, одноногие, повисшие в воде, очень забавны.

Проезжает крестьянин в таком экипаже, которому, наверное, пять тысяч лет,— ни в одной стране подобного не найдешь! Два тяжелых маленьких деревянных колеса. Через среднюю часть их проходит ось, скрепленная железными болтами. Возница сидит на маленьком круглом сиденье, подобрав ноги под себя. Два быка везут это сооружение, которое со скрипом движется меж грузовиков и легко бегущих тонг.

— Это я видел в музее,— говорит Фуст,— это из эпохи Мохенджо-Даро... Дайте, я его сниму...

И он снимает не пошевелившегося даже крестьянина, точно приклепанного к своему месту. Быки трясут головами, отгоняя больших оранжевых мух.

Сколько людей на дороге! Идут гуськом девушки, неся на голове круглые узлы, идут старые крестьяне, споря о чем-то и размахивая на ходу руками, бредут толпы рабочих, переходящих на новую работу, и проезжает в шарабане помещик или управляющий богатого имения, и его заспанные глазки лениво окидывают дорогу, не находя ничего, что привлекло бы его внимание.

Бродячие торговцы и их слуги, гоня перед собой тяжело нагруженных ишаков, деловито обмениваются торговыми новостями. Перед группой крестьян, сидящих у дороги, фокусник показывает свое искусство. Женщины, стоя позади мужчин, жадно следят за веселым и живым фокусником и его ловко взлетающими руками.

Длится день, и показываются все новые прохожие, как будто где-то прорвался мешок и оттуда высыпались все эти маленькие фигурки, которые, появляясь на горизонте, растут, равняются с машиной и снова становятся маленькими. И уже невозможно рассматривать их каждого отдельно, уже невозможно думать о каждом.

Теперь только случайные, вырванные из этой бесконечности впечатления останутся в памяти, все остальное сотрется, превратится в клочок облака и исчезнет, как исчезнет из памяти этот день, такой же, как был вчера и как будет завтра.

Мелькают, возникая в более густой зелени, небольшие городки. Квадратные белые постройки, стены садов, плоские крыши. То, что дома стоят на холмах и возвышаются друг над другом, наводит на мысль, что их нарочно строили так, чтобы не было унылого однообразия вытянутых в струнку маленьких, скучных зданий. Так, перемешавшись, они кажутся живописными и чистенькими. Зелень деревьев очень идет к их белым стенам.

Глаз вырвет из пестрой светотени то совсем молодую женщину с черным лицом, волосами, жесткими и смоляными, прижавшую к груди голого маленького ребенка, о чем-то горько плачущего; то мальчика, одетого в желтую рубашку, держащего цветок и попирающего черепаху, которая равнодушно посматривает из-под его ноги на все окружающее; то двух девочек в розовых длинных штанах и белых рубашках, держащих маленького мальчика, обняв его с двух сторон; то яркое видение базара.

Базар обдает всеми своими запахами. Брызжет горячий жир на сковородках, зеленые и желтые резко пахнущие сласти лежат на блюдцах, пахнет поджаренным луком, и чесноком, и кизячным дымом, и всеми соблазнами плова и шашлыка, струящимися в жарком воздухе. Какие-то непонятные клейкие запахи присоединяются к другим и останавливают людей, невольно направляя их мысли в одну сторону: не пришло ли время подумать о своем желудке?

Посреди такого базарного оживления шел совершенно голый человек. Фуст остановил машину.

— Он, как реклама шоколадной фабрики,— сказал Гифт.— Что это может быть? Охотник,— он так называл Фазлура,— ты не знаешь, почему он разгуливает таким красавцем?

Фазлур сказал:

— Есть такая секта. Они дают клятву не носить одежды. Они здорово экономят на этом, но ночью ему должно быть прохладно.

Фуст подошел к голому человеку, глаза которого не смотрели по сторонам, а были устремлены куда-то вдаль, и сфотографировал его дважды. Голый человек прошел мимо, не обращая никакого внимания на Фуста. Фуст уже хотел садиться в машину, но тут увидел большой, пестро раскрашенный автобус, где пассажиры торчали из всех окон, и на крыше его сидели люди поверх свернутых войлоков, ящиков, маленьких сундуков и тюков.

Пассажиры ждали отъезда и кричали шоферу. Он появился на пороге ашханы и, жуя лепешку, прошел через улицу, сел на свое место и сразу так резко повернул, что автобус занесло, и его край повис над арыком, куда он мог немедленно свалиться.

Пассажиры — и те, которые видели опасность, и те, которые сидели глубоко внутри и не видели ее,— все кричали громко и разное, и только шофер сохранял полное спокойствие.

— Сейчас будет авария,— сказал Фуст,— мы получим эффектный снимок.

Он зашел с той стороны, с которой автобус должен был рухнуть в арык. Пассажиры продолжали кричать, но никто не делал попытки покинуть автобус. Люди, наблюдавшие со стороны, тоже не предпринимали ничего и стояли, как незаинтересованные посторонние.

Шофер сделал еще усилие, автобус накренился, весь затрещав, потом переднее колесо вышло из опасного положения, и он со скрежетом, так что в нем содрогнулась каждая гайка, выровнялся. Теперь все кричали от радости.

Фуст сказал разочарованно:

— Жаль, я приготовился к интересному снимку. Но, может быть, теперь занесет задние колеса...

Но задние колеса не занесло. Автобус тронулся в путь, и шум, который производили его пассажиры, шел впереди него. Да и сам он трещал и скрежетал достаточно.

Снова струилась дорога. Странники сидели под смоковницами, пережидая полдневный зной, собаки лежали, высунув языки.

Проезжала длинная свадебная процессия. Шоссе шло вдоль железнодорожной насыпи, и, когда поезд нагонял машину, чувствовалось, как там, в душных, нагретых вагонах, нечем дышать, как волна горячего ветра врывается сквозь решетчатые ставни окон, пыль садится повсюду.

Проезжали маленькие станции, обставленные глухими стенками; на платформах толпились в ожидании поезда люди с мешками, с железными сундуками, раскрашенными большими, яркими цветами, связками старых одеял и тюками с неизвестным содержимым.

Две красивые девушки долго смотрели вслед Фазлуру. Одна была в очках от солнца, в черном сари, другая в белом. Фазлур сказал себе: «Как день и ночь, эти девушки. Они, наверно, нарочно оделись так, чтобы на них смотрели...» Но спросить их об этом уже было нельзя. Машина шла дальше, и скоро маленькая станция исчезла на горизонте, как и многое, что они встретили в пути.

Теперь было уже время, чтобы где-нибудь закусить, и американцы выбрали место в роще, где стояли старые, длинноволосые ивы; там, на траве, они сидели и ели. Чуть выше них, на склоне зеленого холма, устроились Умар-Али и Фазлур. Сидели долго, ели не торопясь, пили чай из термоса, курили и разговаривали, наслаждаясь отдыхом и великолепным местом. Фуст с трубкой, полулежа, внимательно смотрел, как Фазлур разговаривает и смеется с Умар-Али. Он спросил:

— Фазлур, из какой ты семьи на севере?

Фазлур ответил, не задумываясь:

— Мой отец служит управляющим у богатого помещика. Кроме того, он всегда сопровождает в горы знатных путешественников, так как он служит гидом, знает хорошо горы и превосходный охотник. Он знает не только Читрал, но и Сват, и все места до Хунзы, и даже дальше.

— Значит, ты богат, Фазлур?

— Я живу,— сказал Фазлур,— мое богатство при мне. Я молод, значит, я богат.

— А что ты хочешь от молодости? — спросил Гифт, хитро смотря на Фазлура.

— Что я хочу от молодости? Я хочу хорошо, весело жить, любить девушек, петь песни, много видеть...

— Молодость везде одинакова,— сказал Гифт.— А вера? Ты веришь во что-нибудь?

— Во что мне верить? Мне и так хорошо...

— А что такое твоя страна?

— Моя страна — Пакистан, вы же видите ее... Вот она — кругом...

— Нет,— сказал Фуст,— я говорю не о всем Пакистане, я спрашиваю о Читрале.

— Читрал... Там я родился. Это хороший край. Там очень красиво. Большие горы. На них снег и лед. Много ручьев. Сосновые леса есть внизу, вверху нет. Очень хорошо у нас в горах. Вот вы увидите...

— А какая у вас там охота?

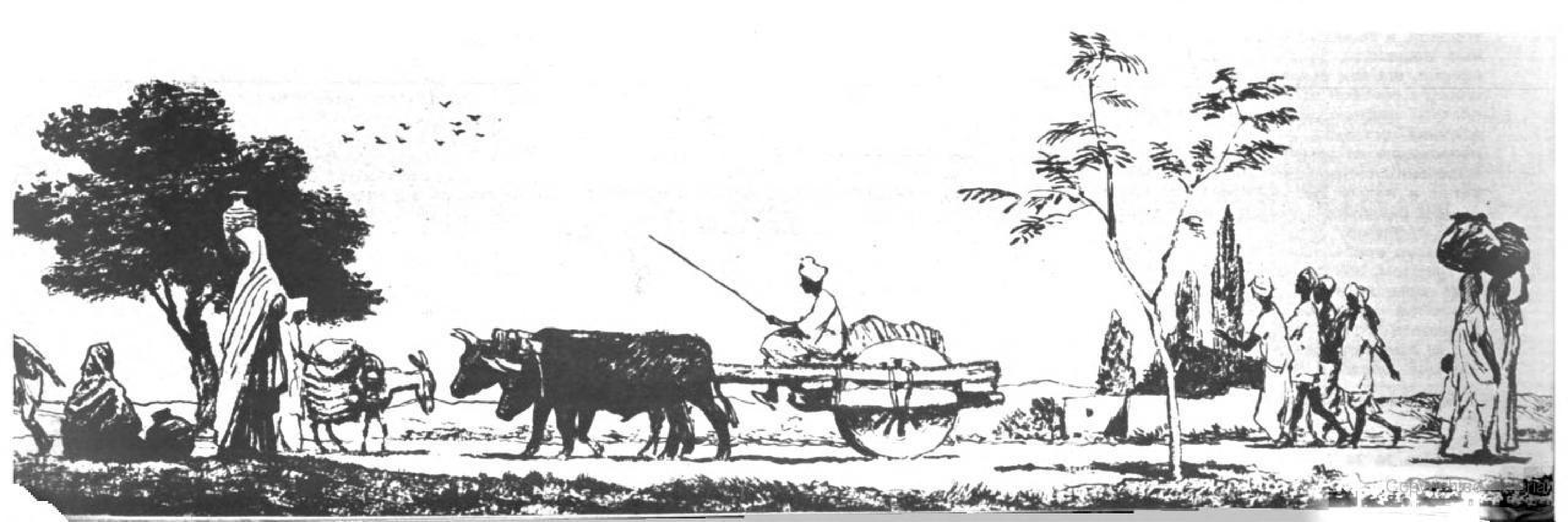
— У нас есть шану — горный козел, козы, горные индейки... медведи есть, волки, олени.

— А девушки хорошие у вас? — спросил Гифт.— Ты женат, охотник?

— Я не женат. А девушки и женщины у нас такие красивые, что в другом месте не увидите. Волосы у них длинные, мягкие, как шелк. По горам бегают, как козы. Храбрые и сильные. Очень хорошие девушки.

— А кто же вами правит?

— У нас свой управитель — мехтар; он сейчас совсем молодой. Титул мехтара у нас давно, я даже не знаю, с какого времени. Но мы входим в Малакандское агентство. И, кроме

мехтара, есть вазир, который приезжает из Карачи, чтобы все вопросы разрешать вместе.

— А вы богато живете? — спросил Фуст.

— Наша семья — богато. У нас есть и скот, и земля, и сады фруктовые, а вообще народ живет не очень богато, потому что горы кругом. Земли мало. Яблоки разводят, абрикосы, тутовые деревья. Пшеница растет и просо, у кого и ячмень. Горох еще выращивают. Как придется — год на год не похож бывает.

— А лошади есть? — Гифт спрашивал очень обдуманно и всякий раз смотрел в лицо Фазлуру.

— Лошадей в Читрале очень мало. Ишаков много. Их везде много,— добавил он, улыбаясь.

— А народ добрый, гостей любит? — снова задал вопрос Гифт.

— Народ наш очень гостеприимный. Вот вы увидите. К нам ездят многие. Танцы наши смотреть, песни слушать. У нас поют хорошо, вот вы услышите...

— Надо ехать,— сказал Фуст, вставая, и все отправились к машине.

Американцы ушли вперед, и Фазлур не слышал, о чем они быстро говорили, причем Фуст смеялся, а Гифт что-то серьезно доказывал. Фазлур шел с Умар-Али, который всю дорогу был молчалив, как глухонемой. Он молча откупоривал бутылки, молча открывал консервы, резал хлеб и холодное мясо. Он отвечал: «Я сейчас сделаю!»; или: «Все сделано!»

Фазлур поглядывал на него, заинтересованный его нарочитой молчаливостью, потому что и в машине они не разговаривали.

Дорога стала уже вечерней. День прошел в пути как-то незаметно, тем более, что было много мелких остановок. Из того, что услышал Фазлур, было ясно, что Фуст собирает свой этнографический и географический материал для статей и книги, и все, что встречалось по пути, что стоило сфотографировать, нужно было для этого ученого труда.

Машина остановилась в удивительном месте. Даже Фазлур, хотя видел это не впервые, вышел на дорогу и оглядывался с большим любопытством. Это были знаменитые красные холмы, их виду не может не поразиться человек, проезжающий тут, особенно в первый раз. Местность походила на красное море, волны которого взлетели к небу и в силу какого-то колдовства окаменели и остались навеки багрово-красными холмами с множеством впадин, ям и оврагов.

Красный каменный ад окружал сейчас путников. Солнце освещало своими вечерними лучами вершины диких холмов, тени между ними становились все гуще, все тревожнее, и что-то очень враждебное поднималось из глубин этих расщелин.

— Не хотел бы я ночевать здесь,— сказал Фуст, но Гифт сейчас же откликнулся на его слова:

— В лунную ночь здесь ночевать с читральской красавицей в палатке — просто феерия. Что скажет охотник?

Фазлур сказал просто:

— Не нравятся мне эти места. Точно черт играл здесь,— нарыл, нарыл и ушел.

Иные острые конусы, поднимавшиеся из красного лабиринта, горели, как облитые кровью. Фуст фотографировал это необычное зрелище. И хотя все пространство, изрытое вулканическими силами, было чем-то действительно неприятно, но в то же время глаза не могли оторваться от этих полого, высоких, полукруглых, как основания башен, и острых, как горные пики, холмов, которые под лучами вечернего солнца ежеминутно меняли окраску, и казалось, что близок момент, когда они снова расплавятся и станут красными неистовыми волнами, которые сшибутся в ярости, сдерживавшейся тысячелетиями.

Когда машина тронулась, Фуст и Гифт долго оглядывались на них. И холмы долго шли по сторонам, как бы не желая отпускать проезжающих. Но наконец все-таки исчезли за поворотом.

Неожиданно они увидели танки, стоявшие у дороги. Люки были открыты, и танкисты сидели и курили. В башне стоял офицер и шутливо приветствовал американцев.

Фуст что-то сказал так быстро Гифту, что всю фразу Фазлур не расслышал. Он уловил только слово «Кашмир».

Гифт подмигнул Фусту и ничего не ответил.

Рядом с дорогой, на поляне, грифы терзали тело павшего осла. Они, повидимому, уже насытились и теперь лениво мотали головами и шаркали крыльями, похожими на грязные, бурые одеяла, угрожая прилетевшим позже хищникам. Их противный, лязгающий крик далеко разносился по дороге.

И тут Фуст почувствовал приближение томящей, глухой тоски. Грифы вернули его к погребальному костру в Дели и к сегодняшнему отъезду из Лахора. В сумерках раннего утра, когда они подъехали заправляться, Фуст вышел из машины прогуляться по дороге и увидел Фазлура с девушкой в тени большого дерева. Он засмеялся про себя, и ему даже понравилось, что горец так сентиментально прощается с какой-то лахорской девчонкой, с которой провел эту прощальную ночь, но потом, когда девушка вышла на более светлое место, она напомнила ему ту, что собирала подписи и так была похожа на племянницу Аюба Хуссейна. Это ему не могло понравиться. Может быть, он ошибся снова? Какое дело этому молодому дикарю до блестящей красавицы, воспоминание о которой так живо в памяти Фуста? Нет, это все чепуха, но какая-то тень сомнения осталась в нем, как неизгонимое чувство одиночества и тоски, которое вошло в него в час, когда горели костры и тот проклятый индиец вытащил зуб мертвеца и повесил его, как амулет, на шею Фуста. И ему нельзя порвать невидимую нитку, которая так крепко держит этот золотой зуб.

Чтобы прогнать это противное, гнетущее настроение, он велел Умар-Али пересесть на свое место, сам сел за руль, и это отвлекло его.

Быстрый ход машины хорошо успокаивал его нервы, и они летели, обгоняя возы с сеном, тонги, грузовики, велосипедистов...

Как это случилось, трудно было потом установить, так мгновенно разыгралось это происшествие. Впереди из облака пыли вынырнул «джип», с такой же нелепой скоростью мчавшийся посередине дороги. Фуст мгновенно повернул вправо, и «джип» повернул вправо, как будто жест Фуста внушил ему повторить это движение. Фуст, не чувствуя холодного пота на лбу, повернул машину влево, и этот дьявол на «джипе» сделал то же. Ничего не оставалось, как свернуть с дороги в кювет, или машины разбились бы одна о другую.

Когда машина Фуста повернула в сторону кювета, он пустил в ход тормоза. Машина со скрежетом влетела в пространство между двумя громадными тамариндами. Если бы их не было, она бы скатилась в кювет. Огромный шершавый ствол великана преградил «доджу» дорогу к верной гибели. Он спас его своей могучей красно-коричневой грудью.

Все вышли из машин. Никто ничего не говорил. Фуст обнаружил, что все лицо его покрыто липким, холодным потом. Гифт закусил трубку так крепко, что казалось, он перекусит мундштук. В глазах Фазлура жили злые огоньки, Умар-Али смотрел, присев на корточки, под передние колеса.

Потом они молча ходили около тамариндов, пока Умар-Али убедился, что ничего не произошло опасного для механизмов. Все на месте, все движется, и он сел за руль и вывел «додж» из тамариндового тупика, поставил на дорогу и, такой же молчаливый, ждал приказаний.

Все уселись снова. Умар-Али только тем единственно нарушил правила подчинения, что, не спросив разрешения, снова сел за руль. Но Фуст промолчал, Гифт отрывисто бросил: «Поехали»,— и они тронулись, как будто ничего не произошло. Только Фуст мрачно сказал:

— Да, плохо, но лихо! Это наш. Наверно, из Аризоны: там любят так ездить.

Они остались ночевать в Равальпинди. «Осматривать здесь было нечего»,— сказал в начале этого столетия один путешественник. Это можно было подтвердить и сегодня.

В гостинице они получили, как просили, самые тихие номера в самом крайнем флигеле, за которым начиналась глухая стена, и немного в стороне за углом располагались шоферы и другая прислуга, и машины стояли прямо на дворе.

После ужина, за которым они, по принятому ими порядку, предпочитали не говорить о делах, в номере Фуста Гифт дал волю своей язвительной иронии:

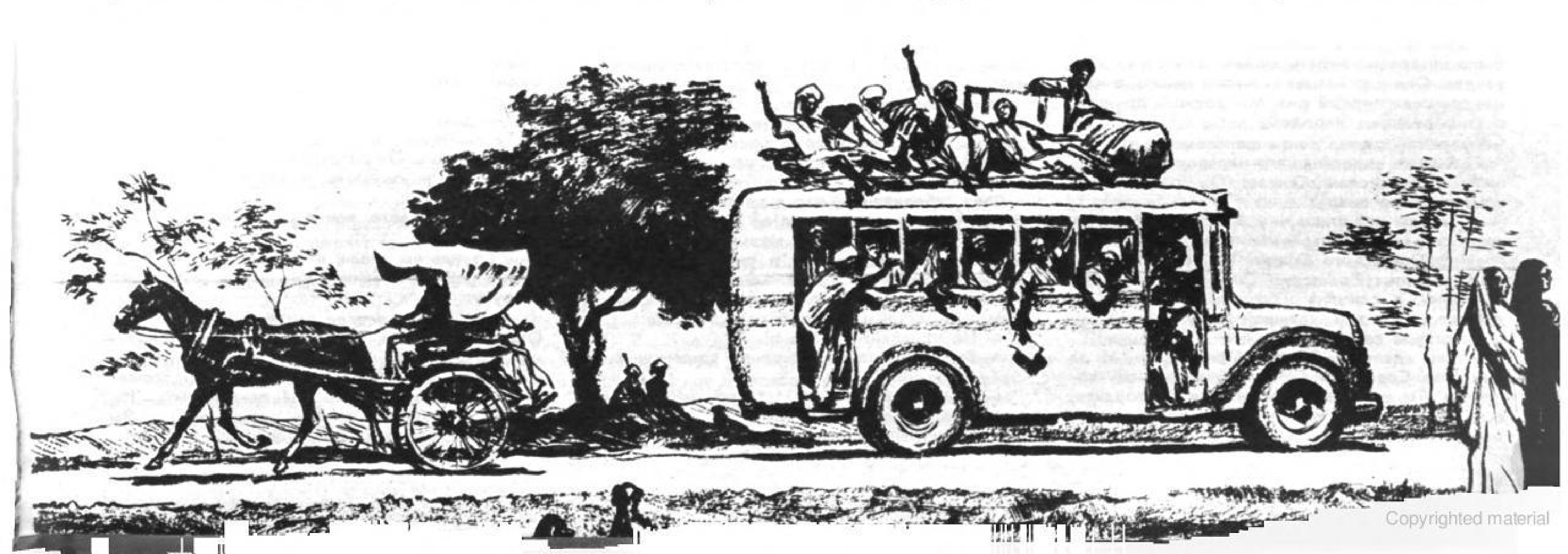
— Что на вас напало, Фуст, что вы решили меня и себя угробить так решительно?

— Но вы же видели, что я не виноват. Я не искал столкновения. Наоборот, я считаю, что я спас всех своим хладнокровием. Одно неверное мое движение — и мы бы ужинали с вами в другом месте...

— Я подумал, что на вас снова напал мрак...— сказал Гифт.— А как вам нравятся наши спутники? — спросил он после недолгой паузы.

— Шофер, по-моему, на месте. Он молчалив, исполнителен, строг к себе, я думаю, что он человек неболтливый. Что касается Фазлура, то он дитя природы, лирический субъект, и диковатый притом. Из таких легко делать полезных нам фанатиков, если направить их в нужную сторону. С ним стоит повозиться. У него больное самолюбие, и мне кажется, ему не нравится, что вы зовете его «охотник». «Охотник» в этих краях не имя для сына богатого отца. Заметьте, что он ведь не спрашивает никакого вознаграждения за эту поездку. Я предложу ему путешествовать с нами до Барогиля и совершить весь круговой маршрут. Он нам сможет очень пригодиться. А потом, как знать, одним нашим человеком в этой стране будет больше...

— В наше сложное время это не так плохо.

Они, его земляки, симпатизируют нам и не симпатизируют англичанам. Тем более, что мы дадим им хороший кусок Кашмира,— сказал Гифт.— Я помню, как трещали и корчились в огне эти маленькие городки. Пожары в Музаффарабаде, Домеле, Ури — это хорошая работа разбойников с гор. Их недаром тогда пригласили. Они хорошо попользовались всем. А помните Хейта, которым овладел дух разрушения? Он даже благодарил этих бандитов за «героизм и отвагу».

— Тсс, Гифт, вы говорите лишнее. Никогда не надо говорить лишнего. Хейт уже дома и пожинает лавры, а мы здесь и еще не свободны для отдыха.

— Я хочу только сказать, что это была хорошая охота на индийцев. Мы загоняли магараджу, как полумертвого от страха льва. Я не раскаиваюсь, что участвовал в этой охоте. Нам очень помогала тогда леди, о которой мы говорили с вами в Лахоре.

— Элен Ленсмонд?

— Да. Ее знают все от Катманду до дальнего Леха. Она знаток всего, и все знают ее тоже... Все знатоки...

— Вы, кажется, острите, Гифт. У вас это никогда не получалось.

— Нет, правда, все, кого судьба забросила в эти края, в эти горы, обязаны знать имя этой умницы, которой не клади пальца в рот.

— Класть пальцы в рот никому не надо,— сказал Фуст,— поговорим лучше о завтрашнем маршруте.

Пока они курили в комнате Фуста, Фазлур и Умар-Али в тесной компании шоферов разных машин, ночевавших в гостинице, сидели при луне, шутили и смеялись, перебирая случаи на дороге. Шоферы рассказывали о владельцах машин, своих хозяевах, всякое, большей частью нехорошее.

Умар-Али, как всегда молчаливый и осторожный, лежал рядом с Фазлуром на свернутой попоне, которую они достали у заведующего гаражом.

Фазлуру был интересен этот нравившийся ему быстрый и сдержанный, гибкий человек с тонким лицом и узким ртом хитреца.

Умар-Али неожиданно сказал, придвинувшись к нему вплотную, так, что никто не мог бы слышать его слов:

— Как ты себя чувствуешь?

— Я,— сказал Фазлур,— думаю, что если я решился на эту непонятную поездку, то только потому, что со мной рядом человек, которому я верю и Нигяр тоже верит.

Почему он сказал о Нигяр, он и сам не мог бы объяснить, но Умар-Али принял это как нечто вполне естественное.

— Что, по-твоему, хотят эти люди? — продолжал Фазлур.— Они только ученые, богатые люди, которые едут, куда хотят, и делают, что хотят, или за чем-нибудь другим они приходят в нашу страну?

Умар-Али оперся на локоть.

— По-моему, надо быть с ними осторожным. Они хотят быть поближе к границе Советского Союза. Они из тех, кого это интересует. Когда Аюб Хуссейн говорил со мной, он сказал: «Ты должен ехать очень спокойно, не торопясь, ехать бережно. Это большие люди, и с ними не должно быть никакого несчастья».

— Они нас сегодня хотели отправить на тот свет,— усмехнувшись, сказал Фазлур.— Ты назвал Советский Союз. Я об этом не подумал. Ты знаешь, я прошлый год был в Лахоре, когда там открылся конгресс писателей. Мне было интересно видеть людей о т т у д а. Я их увидел. Они рассказывали много такого, о чем мы слышали первый раз. Мы должны дружить с этим великим народом.

Умар-Али сказал почти шепотом:

— Я тоже видел нашего человека, побывавшего в Советском Союзе. Он рассказывал удивительные вещи.

— Так ты говоришь,— у Фазлура не выходило это из головы,— что они хотят видеть границу Советского Союза? Но ведь Пакистан не граничит с Советским Союзом...

— Они, я слышал, идут через Барогиль и дальше... Что там дальше? Я не бывал там, а ты оттуда сам...

— Там дальше Вахан, Афганистан. И за Пянджем Советский Союз. Об этом стоит подумать. Ты коммунист, Умар-Али? Признайся, если хочешь, если не хочешь, не говори...

— Я коммунист,— сказал шофер.— Об этом в доме знает одна Нигяр и теперь ты. Я знаю, что ты не коммунист, но ты борешься за мир. Я знаю твои песни по радио. Скажи мне, ты говорил правду про отца и свое семейство?

— Нет, я почему-то не мог сказать им правды. Я бедный студент. Отец у меня старый охотник, бедняк, а мать хорошо ткала ковры, но теперь почти слепая. Они живут, как крестьяне. Я помогаю им своим заработком, как могу. Но им очень трудно...

— А почему ты не сказал так, как есть на самом деле?

— Я им не верю. Не знаю, почему, но я им не верю. Помнишь, как он расстроился, что не произошло аварии с автобусом? А что у них на сердце, я тоже не знаю. И зачем они едут, не знаю!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Гифт сказал, что он очень устал, почему, и сам не знает, и пойдет спать. Фуст не стал его задерживать, он сидел еще некоторое время, делая записи в свой походный дневник, вспоминая отдельные удачные сцены, которые удалось ему заснять в дороге, думал о дальнейшем маршруте, потом долго мылся и хотел перед сном еще прочесть несколько страниц из книги Фрица Бехтольда «Немцы на Нанга Парбат». Он уже снял пиджак и тут услышал тихий стук, такой тихий, что сначала ему даже показалось,— стучат не у него.

Вдоль одноэтажного маленького дома шла крытая галерейка, как принято во всех гостиницах Северо-Запада. На нее и выходили двери номеров. Фуст прислушался. В дверь теперь даже не стучали, в дверь царапалась какая-то легкая рука.

Фуст подумал со злостью, что это новая шутка Гифта. Он был любитель всяких неожиданных шуток, которые временами ему вовсе не удавались, стоит только вспомнить случай с Гью Лэмом.

Фуст, убедившись, что в дверь все-таки царапаются, чуть приоткрыл ее и хотел сказать: «Уйдите к черту, Гифт, с вашими шутками!»,— как прямо перед собой в синем сумраке — на галерее не горел свет — он увидел женщину, на него пахнуло острыми, пряными, чуть горькими духами, и тихий голос сказал:

— Не удивляйтесь, это я!

— Вы? — сказал он, искренне удивившись.— Элен Ленсмонд?

— Она самая, да впустите же меня! Я не могу стоять перед дверью.

Она отстранила его легкой рукой и вошла в комнату. Он растерянно успел пробормотать:

— Я не одет...

— Вам придется одеться, Джон. Так повелевает обычай, ничего не поделаешь. Надевайте пиджак, вот так. Вы готовы для разговора? Я сажусь. Вы удивлены? Обрадованы?

— Удивлен? Да, очень. Обрадован? Да, обрадован. Я думал о вас в Лахоре, но мне казалось, что вы в Кабуле. Мне сказал кто-то из проезжавших наших...

— Я только что примчалась сюда, и я тоже рада, очень рада, что застала вас здесь, дорогой! Вы одни?

— Нет, со мной мой друг и спутник Гифт.

— О, Джон Гифт!

— Не Джон, а Генри...

— Да, конечно, Генри и Джон — братья. Ну, все равно. Я ненавижу их обоих, я ненавижу всех Гифтов. Они бездарны, и я удивляюсь, что вы ведете с ними дела. К черту Гифтов! Они все жалкие эгоисты и предатели. Где он?

— Он спит в соседнем номере, как убитый буйвол.

— Не будите его. Вы должны мне помочь, милый, милый Джон...

— В чем помочь? Как и что случилось с вами?

Она встала перед ним и скинула легкий плащ. Фуст слишком долго жил в Азии и видел многое, чего не увидишь ни в Европе, ни в Америке. Он привык ничему не удивляться. Но странность ее наряда в этот поздний час бросалась в глаза. Она была в золотистом богатом сари, по золотисто-теплому фону от плеч до низу блестели красноватые крапинки, придававшие особую остроту и изящество сари. Сильная и стройная Элен Ленсмонд выглядела в нем превосходно. Он видел ее босые ноги в золотых сандалиях, с ногтями, покрытыми красновато-золотым лаком. Он смотрел на ее голые руки с тяжелыми браслетами, в которые были вделаны большие, круглые, желтые, прозрачные сердолики. Кольцо с квадратной надставкой из мелких смарагдов переливалось на среднем пальце левой руки, соседствуя с давно знакомым Фусту кольцом, в которое был вделан кусок старой бирюзы. В ушах были круглые клипсы из мелких золотых цветов с кошачьим глазом посредине. Эти клипсы вызывающе сверкали. Она снова села, тряхнула своими темнокаштановыми волосами, вынула из сумочки сигареты. Он дал ей огня. Она пустила два кольца дыма и сказала приглушенным голосом:

— Вы понимаете, Джон, что мне надо было бежать. Не медля ни минуты. Бывают такие обстоятельства. Вы это отлично можете представить...

— Допустим,— сказал он, встал и опустил темные занавески на окнах.

При этом его жесте она улыбнулась:

— Я здесь свой человек, Джон. И ни единая душа не знает, что я у вас. Знают только друзья. Так слушайте. Бывают такие обстоятельства. Вы же не хотели бы прочесть в газете, что я арестована или выслана из Кашмира, потому что действовала методами,— она презрительно усмехнулась,— как пишут в колониальных газетах, не принятыми в стране и наносящими ущерб безопасности и спокойствию этого тихого, идиллического уголка, этого сказочного княжества. Фу! Как все глупо! Не правда ли, вы не хотели бы это увидеть в газете, а меня под стражей? Я улыбалась бы на снимке между двух сикхов вот с такими тюрбанами. Я спешила, как могла. Иногда мне казалось, что мы мчимся на сумасшедшей лошади, а не на этом затасканном «пикапе». Я пролетела, как стрела, через Домел, Мури, Трет — другого пути у меня не было.

Он смотрел на нее с чувством удивления и восхищения. Он раскурил свою трубку, и теперь дым ее сигареты и его трубки смешивался.

— Вы не знаете, как я рада, что встретила вас!

— Откуда вы знали, что я здесь?

Она пересела ближе к нему и взяла его за руку:

— Но мы же всегда узнаем друг о друге. Откуда вы знаете, что я думала о вас? А я думала о вас весь вчерашний день. Я думала о том, что если бы вы были со мной, может быть, все повернулось бы по-другому... Ну, ничего, вы мне поможете здесь, сейчас. Вы мне нужны. Мне и моему сердцу.

— Но как вам помочь? Устроить вам ночлег?

— Нет, я не нуждаюсь в нем. Сегодня я ночная перелетная птица. Я только присела на край вашего гнездышка.— Она оглядела комнату и сказала деловым тоном: — Вы знаете генерала Дембей?..

— Нет, я не знаю такого...

— Ну, это не важно. Он занимает место... В общем, он за чем-то наблюдает в Кашмире. Ему поручено это дело, он нейтральный наблюдатель.

— Там, кажется, много наблюдателей?—сказал Фуст.

— О, да, миллион!

— Чем же они занимаются?..

— Всем, чем хотите, но и хорошей спекуляцией тоже. Сначала они доставляли даже соль, да, простую соль — в ней была нужда — подумайте, в чем,— в футлярах от пишущих машинок! Они вывозят кашмирские ткани, отрезы на костюмы и сами доставляют контрабандой товары, подкупая население, как могут. Они не сидят без дела. Но хватит о них... Я потом могу вернуться к ним, если они вас интересуют. Сейчас я спешу, у меня нет времени...

Она закурила новую сигарету об остаток старой и поставила рядом ноги так, что стали видны все десять золотисто-сверкающих пальцев и золотые сандалии. Как бы проверив, что ноги при ней, она продолжала:

— Генерал Дембей просил меня доставить в Лахор два небольших ящика...—Она помолчала.— Это драгоценности, разные редкие вещи. Это не мои богатства. Я не имею к ним никакого отношения. Но дело не в этом. Ящики надо взять немедленно в комнату и переложить вещи в мешки и баулы, переменить упаковку. У меня не было времени для этого перемещения, а сейчас я не могу ехать дальше, не сделав этого...

— Хорошо,— сказал вдруг Фуст, слушавший ее, не прерывая.— Но почему вы в сари?

— Я приехала прямо с вечера, с шикарного танцевального вечера. Ах, если бы вы видели, как я бежала, выбрав момент, по ступенькам и грум нес за мной плащ и сумочку, которую я забыла в гостиной! Мне казалось, что я участвую в фильме. Правда, это очень походило на кино.

— Где же ваши сенсационные ящики? В Гульмарге или в Домеле, на границе?

— Как на границе? Они со мной!

— С вами? Но где вы их оставили?

— Они лежат в моем «пикапе». Их надо перенести сюда. Но их не должен никто видеть. Вы, например, не должны были бы нести их... Есть у вас здесь свой человек, шофер или кто другой из туземцев?..

— Шофер? — сказал Фуст.— Нет, мы обойдемся без шофера. У меня есть молодой охотник с гор.

— Давайте охотника. Я, как пантера, люблю охоту. Где он, этот Актеон Кашмира?..

— Сейчас я его отыщу.

Фуст ушел. Элен Ленсмонд приоткрыла занавески и старалась рассмотреть, куда он пошел, но на дворе было темно, и она снова села, но сердце ее стучало и руки слегка дрожали. Она старалась потушить свое волнение, вынула зеркальце и пудреницу и попудрила обветренное, покрасневшее лицо.

Вошли Фуст и Фазлур. Рядом с тяжелым, костистым Фустом Фазлур казался богом лесов. Загорелый, свежий, высокий и легкий, с белоснежными зубами и глазами, в которых был молодой огонь, он рассматривал женщину, как будто видел сон. Фуст разыскал его, разбудил, сделал знак, чтобы он не будил Умар-Али, и привел его к себе в комнату, где сидела по меньшей мере жена магараджи.

— Какой красивый молодой человек! — сказала, без стеснения рассматривая его, Элен Ленсмонд.— Вы не из героев Гилгита?

К Фазлуру вернулось его обычное чувство иронии. Яркая высокая женщина с дерзкой манерой разговаривать оказалась переодетой американкой или англичанкой. Смотря ей в глаза, он сказал:

— Нет, я не из героев Гилгита. Я вообще не герой.

— Это прекрасный ответ,— сказала она.— Вы здешний?

— Да, я родился в горах Читрала. Я горец.

— О, горцы Читрала, я знаю, обладают бесценной добродетелью: они умеют молчать! Это верно сказано про них?

Дерзость этой женщины, ее вишнево-алый рот, прямой взгляд холодных синих глаз, ее острые, чуть горькие духи, похожие на запах горных сухих трав, немного смущали привыкшего к простым вещам Фазлура. Он сказал:

— Если они дают слово, они его держат...

— Крепче смерти?..

— Крепче смерти,— повторил Фазлур.

— Вы сказали,— в ее глазах он прочел неожиданную благодарность,— как вас зовут?

— Меня зовут Фазлур, а один мальчик зовет меня Атеш Фазлур.

— Что это значит?

— Это значит: огонь, огонь Фазлур.

— Ну, что же, может быть, мальчик прав. Атеш Фазлур...— сказала она.— У вас красивое имя. У вас есть особые желания в жизни?

— У меня сейчас особое желание спать,— сказал он тоже дерзко и почти грубо.

Она засмеялась.

— Вы мне нравитесь, Фазлур. Вы дикий, я сама немного такая. Вы родились в горах, а я родилась на морском берегу, на Кипре. Есть такой остров. Я полугречанка, полуангличанка, полусирийка. В общем, я американка. Мои родители уехали в Америку. Но мне кажется иногда, что я родилась где-то в воздухе, под облаками, на большом самолете, вроде «Констелейшен». И я отпущу вас спать, молодой человек, но сначала я вас попрошу вот о чем. Там, за вашим домиком, стоит желтый «пикап», такой замызганный, с деревянными полосами. На нем нарисован фантастический цветок. Это работа моего шофера, он думает, что нарисовал розу. Шофер сидит в «пикапе». Скажите ему, что мем-сагиб велела ему вместе с вами перенести два ящика из «пикапа» сюда. Принесите сначала один, потом пойдете за другим. Идите, там нет других машин, и там вообще никого нет...

Фазлур, ничего больше не понимая, ушел, однако не только живо заинтересованный этим приключением, но и тем обстоятельством, что волей судьбы он становится участником какой-то необыкновенной тайны.

Когда шаги его затихли, Фуст, с восхищением смотревший на нее, сказал:

— Элен, зачем вы болтали вздор этому горцу? Зачем вы рассказывали ему о Кипре, о самолете, все эти сказки?

— Джон, милый Джон Ламер Фуст! Раньше

чем что-нибудь поручить, я должна своим нутром ощутить человека, почувствовать, доходят ли до него мои слова, как нужно. Я хотела узнать, поверил ли он мне. И я узнала: он поверил. Больше мне ничего не нужно. А вы, вы ему верите?

— Да, верю, но как объяснить ему дальнейшее? Ваш шофер?..

— Мой шофер — могила. А так как он переполнен могилами тайн, то он целое кладбище... А ваш читральский охотник ничего. Как жаль, что я не могу поехать с вами или похитить этого Ганимеда! Вы едете на север, я — на юг. Только бы мне добраться до Лахора — и все в порядке.

— Что мы скажем Фазлуру, когда он увидит вещи?..

— Мы скажем, что я ликвидировала свою старую торговлю драгоценностями, золотыми и серебряными вещами. Для Кашмира сейчас это обычно. Он посмотрел на меня так, что больше ни на что не обратит внимания. Я еще молода, Джон Ламер Фуст. А вы находите меня молодой?

Но Фуст не успел ответить, потому что появились мокрые от пота Фазлур и тихий, мрачного вида шофер, которые принесли небольшой, но тяжеленный ящик, оставив за дверью баулы и мешки.

— Селимшах, давай сюда остальное...

Селимшах поклонился и приволок в комнату баулы и мешки.

— Теперь,— сказала Элен,— надо открыть ящик. Нужно переменить упаковку. Я боюсь, что вещи пострадали в пути. Мы откроем сейчас ящик. Ах,— сказала она, обращаясь к Фусту,— знаете, когда приходится ликвидировать ввиду смуты и войны старую торговлю, так больно уезжать из любимых мест, и, однако, что же делать! Я слабая женщина. Семейные обстоятельства не позволяют мне оставаться, как вы знаете, Джон. Начинайте открывать, молодой человек, но только сейчас ночь, шуметь нельзя ни в коем случае. Надо вскрыть без шума, ни одного удара молотка. Я вам скажу, как вскрыть. Отогните эту скобку, отогните ее, вот так! Какие у вас сильные руки! Теперь просуньте эту стамеску под крышку и давайте чуть вбок, подложите эту тряпку в щель, вот так! Дело пошло на лад. А ты, Селимшах, помоги отсюда. Вот видите, как без шума мы открыли этот ящик!

Шофер, Фазлур, Фуст и Элен наклонились над куском толстой кошмы, которой было прикрыто содержимое ящика. Под кошмой было много разных предметов, завернутых в полотно и холст. Когда развернули холст, в руках у них оказался камень с каким-то узорным орнаментом, полустертым и старым.

— Что это? — спросила, прищурив глаза, нахмурившись, Элен.

— То, что в ящике, мем-сагиб.

— Посмотри дальше,— сказала она, и видно было, что она в замешательстве.

Развернули следующую вещь. Она оказалась кирпичом с какими-то таинственными буквами, пересекавшими его наискось.

Тогда стали разворачивать все подряд. На свет появились деревянные тарелки, каменные вазы, глиняные чаши с изображением листьев и цветов и каких-то животных.

Элен отошла от ящика в сторону и смотрела на него, что-то мучительно соображая. Наконец она сказала:

— Что там написано в углу на ящике?

Фуст наклонился, куда она указывала, и прочел: «Осторожно, не бросать: музейные вещи. Броссе».

— Броссе,— сказала она так, точно это имя было хорошо известно присутствующим.— Броссе — это археолог, старик-француз.

Она села на диван и смотрела на ящик белыми от бешенства глазами.

Шофер и Фазлур дошли до дна. Камни, кирпичи, глина и деревянная посуда грудой лежали на полу.

Они смотрели недоумевающе на ящик, на баулы и мешки и на хозяйку этих вещей, ставшую вдруг молчаливой.

— Можно перекладывать, мем-сагиб? — спросил, кланяясь, Селимшах.

Элен встала и толкнула ногой большое деревянное блюдо.

— Положите все обратно в ящик, положите, как было!..

С удивлением, ничего не понимая, они завертывали как попало вещи и укладывали их

снова в ящик. Фуст молчал и курил свою трубку. Элен торопила своих помощников.

Когда все вещи были уложены, Фазлур сказал с улыбкой идиота:

— Мем-сагиб так бесшумно открыла этот ящик, может быть, она научит нас так же бесшумно закрыть его?

Она ответила ему тихо и ясно:

— Идите спать, вы оба, шофер и охотник. Все в порядке!

— А ящик?

— Вы придете за ним на рассвете и тогда заколотите его.

— А другой ящик?

— Оставьте его там, где он лежит. Его открывать не нужно. А эти камни сейчас закрывать не нужно. Это не те камни, которые могут исчезнуть ночью. Идите!

— Мы повезем их в Лахор, мем-сагиб? — спросил Селимшах.

— Я бы охотно выбросила их под ближайший откос. Но их придется везти до Лахора, Селимшах. Примиритесь с этим. А оттуда ты отвезешь их в Барамулу.

— Обратно? — с ужасом воскликнул Селимшах.

— Ну, ну, может быть, ты и не повезешь. Мы найдем в Лахоре средство переправить их обратно. А теперь все. Спать!

Когда они ушли, Элен дала волю своей ярости. Изорвав свой шелковый платок, она ходила из угла в угол, и следивший за ней Фуст вдруг сказал ей нежно и тихо:

— Элен, сядьте. Я, кажется, понял, но не все. Элен, прошу вас, успокойтесь!

Все стало походить на семейную сцену, и Элен стало смешно, хотя от ярости у нее на глазах выступили слезы. Она ударяла кулаком по дивану, что было совершенно беззвучно, и говорила, как будто диктовала своей секретарше:

— Это ящики Броссе. Он собирает этот древний хлам отовсюду. Так мне погрузили ящики Броссе! Или это — недоразумение, или Дембей обманул меня. Но если он обманул меня, он дорого заплатит за это. О, он заплатит так, что последние волосы слетят с его желтого черепа! Я сейчас же извещу Дели об его операциях, и ему не поздоровится. Я добьюсь своего, дорогой генерал! Я вас вышвырну из Кашмира, и вы долго будете меня вспоминать. Я кончу вашу карьеру раз и навсегда!

Сон у Фуста давно прошел. Теперь он даже с интересом наблюдал припадок ярости Элен. То, что она беззвучно била кулаком о диван, то, что все происходило в тишине и слова произносились почти шепотом, казалось ему театральным и смешным. Он не знал, как прервать этот поток чувств. Вдруг Элен резко остановилась и сказала совершенно спокойным голосом:

— Я голодна. Найдется у вас что-нибудь поесть?

Фуст достал из чемодана бананы, яблоки, шоколад, сыр и виски. И бутылку содовой...

Она жадно глотала ломтики шоколада, ела яблоки и сыр и выпила виски. Уничтожив этот маленький ужин, она лениво потянулась, и стало видно, что от усталости у нее дрожат веки.

Потом взяла коробку, принесенную Селимшахом, и сказала:

— Все же мне надо переодеться. Маскарад кончился. Пора по домам. Где у вас ванная?

Он показал ей, и она ушла.

Элен появилась свежая, повеселевшая, в том же сари, подошла к выключателю и повернула его. Комната погрузилась в густой сумрак, и в ней было бы совершенно темно, если бы свет дальнего фонаря не проникал в комнату.

В этом густом сумраке Элен подошла к Фусту, он услышал шорох струившегося неудержимо, как золотистый ручей, сари. Шелк задевал ее руки и грудь, он увидел, вернее, угадал, ее глаза рядом со своими и губы, которые произнесли:

— Вспомним Непал, Джон!

— Вспомним,— сказал он, найдя во мраке ее плечи.

...Фуст проспал, и Гифт долго стучал ему, напоминая об отъезде. Все равно, пока собирались, завтракали, собирали вещи, прошли часы. Выехали поздно. Сразу стало жарко, и пыль клубилась по дороге, и от нее некуда было спастись.

Гифт видел, что Фуст в каком-то рассеянно-добродушном настроении, и решил испортить ему это настроение. Он спел свой куплет самым вызывающим тоном:

В старой, доброй стране,
Там я жил, как во сне...

Но пение никак не подействовало на Фуста. Тот только вздохнул, и если бы можно было перевести этот вздох на слова, то они звучали бы так: «Если бы ты только знал, что ты проспал, если бы ты знал, что произошло рядом с тобой, пока ты спал, ты бы никогда не простил себе этого сна! Но поздно, поздно! А теперь можешь петь, что хочешь, это меня никак не трогает».

Перед тем как проститься с Элен, он пода-

рил ей драгоценную иранскую миниатюру «Могольские принцессы, играющие в поло». Элен, взглянув на хорошенький ларец, поцеловала Фуста в щеку, но когда открыла ларец и увидела миниатюру, засмеялась:

— Милый Джон, у меня уже есть такая точно миниатюра. Это подарок Аюба Хуссейна, не так ли? Он всем дарит эти копии. Он, повидимому, очень любит эту вещь. Оригинал, помоему, я видела в музее, в Дели.

Растерявшись, Фуст все-таки рискнул заметить:

— Не находите ли вы, Элен, что одна из этих наездниц похожа на вас...

— Которая, дорогой?

— Вот эта, которая сражается в центре. И потом, может быть, те поздние копии, но моя, уверял эксперт, современная оригиналу.

— Будем думать так,— сказала она.— Конечно, я заберу этот подарок на память о Равальпинди.

Когда она шла к своему замызганному «пикапу», только встало солнце. Элен выглядела, как маленькое земное светило. Сари исчезло. На ней была нейлоновая вишневого цвета кофточка с короткими рукавами и юбка, расширявшаяся, как колокол, фиолетовая, светлая, с тремя спускающимися полосами-надставками, с большими круглыми пуговицами внизу на конце. Она сменила даже украшения. На правой руке у нее был плетеный золотой браслет, а на левой почти такой же, но рисунок плетения был более грубый. В ушах у нее были серьги с аметистами, а на шее ожерелье из розовых кораллов. Квадратное кольцо исчезло, осталось только то, которое никогда не снималось, из суеверия...

Фуст мало смотрел сейчас по сторонам. Он думал о странной судьбе этой женщины, ум и энергия которой так привлекали его. В его скитаниях по Азии каждая встреча с ней давала ему новую силу, бодрила его, он ловил себя на том, что когда долго ее не видит, то начинает по-настоящему скучать о ней. Она права, презирая Гифтов. Гифт, злопамятный и завистливый к успеху других, никогда бы не мог оценить достоинства такой женщины, как Элен. Но чтобы не стать в его глазах смешным, Фуст в разговоре с ним, упоминая имя Элен, держался тоже немного иронического тона.

Когда ее ужасный «пикап» с этими идиотскими ящиками, набитыми камнями и мусором, исчез в облаке пыли, Фуст долго с грустью смотрел ему вслед, на удивление Умар-Али, вставшему с рассветом, чтобы осмотреть машину.

...Аттокский мост остановил их внимание. Длинная громада с железными воротами и башнями, с пулеметными гнездами по сторонам, с огромными каменными быками, поставленными в желтые воды могучего Инда, и бесконечным переплетом металлических конструкций заставила Фуста выйти из мечтательного состояния.

— А вон, если хотите посмотреть, крокодилы,— сказал Фазлур.

В самом деле, когда они подъехали ближе, у самой реки, на отмели, у груды камней, лежали крокодилы, и были они похожи на бревна, зачем-то утыканные металлическими и острыми пластинками, мокрые, скучные бревна, блестевшие на солнце. Фуст пробовал их снимать, но близко подойти к ним было невозможно. После разных неудачных попыток в них выстрелили из ружья, они полезли в воду и лежали там, высунув маленькие глазки, положив на песок длинные чешуйчатые с черными наростами головы.

Второй раз за день Фуст оживился, когда дорога пошла по берегу широкой, плавной реки, не похожей на Инд.

— Что это за река? — спросил он.

— Это Кабул,— ответил Фазлур.

Ехали весь день, питались консервами, обедали в Наушере, поехали по направлению к Малаканду, и, когда увидели старый форт с его стеной, похожей на кусок Великой Китайской стены, его башни с бойницами, укрепленный холм на фоне голых суровых гор, над которыми было синее, уже не равнинное, без единого облачка небо, Фуст сказал:

— Каникулы кончились, начинается работа.

Что он хотел сказать этими словами, Фазлур не понял.

Продолжение следует.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Пламенный Акопян

К 90-летию со дня рождения

А. АКОПЯН.

Рисунок А. Яр-Кравченко.

Акоп Акопян, основоположник армянской советской поэзии, родился 29 мая 1866 года в Гяндже, нынешнем Кировабаде, в семье искусных ремесленников и прославленных ашугов. Дед, отец да и он сам в детстве носили очень лестную для ашугов фамилию — Булбуляны (булбул — соловей). Только при поступлении в школу его переименовали в Акопяна, по имени деда. Юный поэт выступал на цеховых праздниках, на свадьбах, крестинах и похоронах с песнями Нагапета Кучака и Саят-Новы.

За эпиграмму на Александра III Акопян был исключен из гимназии; с этого началось его вступление в революционную борьбу и в поэзию. Он принес на вооружение армянскому рабочему классу свои переводы «Марсельезы», «Варшавянки», «Интернационала». Позже он переводил М. Горького и Демьяна Бедного, что не могло не отразиться на его творчестве, развивавшемся также под большим влиянием М. Налбандяна, Раффи и Р. Патканяна. Называли Акопяна «армянским Верхарном», и не без основания: у него есть стихи, созвучные мотивам и ритмам бельгийского поэта-трибуна («Город», «В нижних этажах», «Сейфы», «В медных рудниках», «Революция»). Об особенностях Акопяна хорошо писал А. В. Луначарский: «Самым оригинальным в творчестве Акопа Акопяна с самого начала было, конечно, то, что это был не только поэт-революционер, — поэты-революционеры были и в русской и в европейской литературе,— а что это был поэт социал-демократ в тогдашнем лучшем смысле этого слова, поэт-большевик, поэт пролетарский». В 1904 году Акопян вступил в партию и имел основание заявить: «Я был партработником и поэтом-большевиком с девятисотых годов».

В ряде высказываний Акопян четко определил задачи поэта, решившего отдать все силы служению рабочему классу, и всю свою жизнь посвятил их осуществлению. В канун революции и в глухие годы реакции он стремился петь такую песню —

Чтоб душа горемыки
воспрянуть могла,
Чтобы счастьем
народная жизнь
озарилась,
Чтобы сердце народа
для битв укрепилось,
Чтобы песня в народе
надежду зажгла!

И поэт писал о величии человеческого труда, о беззаконии капиталистического гнета, неустанно звал к протесту, борьбе, революции, вселял уверенность в ее победе, обличал ее врагов и пламенно воспевал победы революции. В 1919 году Акопян посвятил стихи Ленину. Ряд стихотворений он написал о Ст. Шаумяне, который так много сделал для истолкования творчества Акопяна и защиты его от злопыхателей. С большой теплотой, в стихах и прозе, писал Акопян о Серго Орджоникидзе. В творчестве поэта нашла отражение тесная дружба с легендарным неистовым Камо (Тер-Петросяном). А когда Камо в 1907 году попал в лапы кайзеровской полиции, решившей выдать его царской жандармерии, Акопян бросился выручать друга. Мобилизуя общественное мнение в защиту Камо, Акопян объехал европейские столицы, побывал в Берлине, Женеве, Брюсселе, Париже.

В первые же годы социалистического строительства Акоп Акопян выступил с произведениями, посвященными новостройкам: Ширакскому каналу, Волховстрою, Дзорагэсу, Рионгэсу, Днепрострою, Магнитогорску и Кузнецку. До последних дней своих (Акопян умер в 1937 году) он стремился активно участвовать в жизни страны, откликался на важнейшие события. Отмечая великие перемены, он невольно обращался к прошлому. Воспевая новый Ереван, поэт воскрешал образы старого города:

Был лишь недавно
родной Ереван
Скопищем глиняных
кровель и стен,—
Точно верблюдов прилег
караван
И уж не в силах
подняться с колен.
А ныне:
Камни дробятся, стучат
молотки...
Сколько дворцов здесь
теперь вознеслось!
Стены из красного туфа
крепки,
Город как будто в
пылании роз.

Писал Акоп Акопян стихи, поэмы, очерки, воспоминания. Непреходящую ценность представляют его отдельные стихотворения о труде, революции, некоторые очерки. Они навсегда останутся лучшим памятником пламенному певцу, народному поэту Армении и Грузии.

С. ЕВГЕНОВ

Раздумье поэта

Новая книга стихов Николая Грибачева, «Раздумье», открывается стихотворением «Своему сердцу»:

Сердце мне сказало: я
устало,
Не кори меня и не суди,
Вспомни, как нас в жизни
помотало,
Глянь, какие дали позади.

Отвечая своему сердцу, поэт заявляет, что он не может «стоять затылком к бою» или жить «от большой дороги в стороне», не хочет огорчить друзей или порадовать врагов «выходом из строя хоть на миг». «С ненавистью давней и любовью» поэт проститься не может.

Значит, бейся, сколько
можешь биться,
А когда почувствуешь
беду,
Не проси меня
остановиться —
Можешь разрываться на
ходу!..

Н. Грибачев — поэт чуткий и отзывчивый. Новая жизнь колхозного села и кавказские впечатления, горячее сочувствие борьбе героического корейского народа, постоянные поездки по стране — все это вылилось в сильные, звонкие стихи.

«Раздумье» — это разговор поэта с самим собой. Строгим, придирчивым взглядом поэт поверяет свои чувства. Приметы нового вызывают у поэта не шумный восторг, а глубокую, осознанную радость. Сильные чувства героя не нуждаются в громких изъявлениях или красивых словах. Строже стали слова:

И, даль окидывая взглядом,
Мы видим: как там ни суди,
Но лучшее не здесь, не
рядом,
А вечно где-то впереди.

Задушевные интонации наполняют многие стихи книги. Здесь и откровенный разговор с другом и интимная беседа с любимой женщиной, философские размышления поэта и картины природы.

Ночь светла от голубого
чада,
По росе хоть до Днепра
плыви.
Над Десной опять поют
девчата
О весне, о счастье, о
любви.

Завершает книгу публицистическая поэма «У наших знакомых». Идти всегда в ногу со своим народом, с временем, не отставая ни на шаг, — в этом пафос поэмы.

В. ВОРОНОВ

Николай Грибачев. Раздумье. Стихи. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1955. 119 стр.

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Режет... ультразвук

Перед нами кусок оконного стекла, в котором аккуратно сделано отверстие в виде пятиконечной звездочки. Каким же путем удалось так искусно выпилить в хрупком стекле эту сложную фигуру? Оказывается, звездочка была вырезана на специальном станке.

Новый станок создан в лаборатории физических методов исследований Всесоюзного научно-исследовательского института железобетона. Режут на нем стекло, закаленную сталь, алмаз с помощью ультразвука.

Ультразвук — упругие механические колебания, не улавливаемые человеческим слухом. Частота их превышает 20 тысяч колебаний в секунду. Последнее время он находит все большее применение в технике. С его помощью осаждают дым, рассеивают туман, проверяют качество рельсов, ускоряют проявление и фиксирование фотопленки, производят пайку неподатливого алюминия...

Нам показывают новую ультразвуковую установку. Она состоит из двух частей: источника электромагнитных колебаний — генератора высокой частоты — и станка.

Режущая головка станка представляет собой вибратор из никелевых пластин, на которые надета обмотка из медного провода. Когда через обмотку проходит ток высокой частоты, то вибратор колеблется. С вибратором соединен рабочий инструмент — нож, звезда, треугольник...

Рабочий инструмент не касается обрабатываемой детали. Между ним и деталью помещают каплю жидкости, в которой во взвешенном состоянии находится мелкий порошок абразива — очень прочного вещества, например, карбида бора. Огромная частота колебаний рабочего инструмента приводит в движение мельчайшие частички абразива, которые стирают материал. Давления, вызванные ультразвуком в жидкости, в которой находятся абразивные частицы, значительно ускоряют обработку.

А вот и сами инструменты. Они имеют различную форму: звездочек, колечек, квадратиков... Ими любой материал — будь то самый твердый металлокерамический сплав или минерал — можно резать, точить, сверлить.

Нам показывают длинный список материалов, которые были обработаны на этом станке. Среди них обращают внимание германий и кремний, необходимые для изготовления полупроводниковых приборов.

Резание капризного германия обычными инструментами — сложный и кропотливый процесс. Больше половины ценнейшего металла идет в отходы. С помощью ультразвукового станка удалось в десятки раз ускорить обработку германия. Отходы снизились. Эта операция осуществляется лезвием безопасной бритвы, прикрепленной к конусной планке режущей головки станка.

Ультразвуковой станок разработан под руководством заведующего лабораторией физических методов исследований инженера И. С. Вайнштока и при участии старшего техника С. И. Беззубова.

Конструкторы этого станка совместно с профессором Московского стоматологического института Ю. В. Курляндским создали новую ультразвуковую установку для сверления зубов.

В настоящее время собран опытный образец такого станка, который заменяет бормашину. Предполагается, что сверление зубов с помощью ультразвука будет осуществляться совсем безболезненно. Ультразвуковые колебания рабочего инструмента (который, кстати, не касается зуба) не должны восприниматься нервной системой человека.

В ближайшее время новый ультразвуковой станок будет испытан в клинике.

А. САНИН

Фото Г. Санько.

Трактор-гигант

Из цеха, грохоча, выехал трактор, каких еще здесь не видели. Он почти вдвое больше обычных серийных машин, выпускаемых на ЧТЗ, и резко отличается от них своим внешним видом. Это первый опытный 250-сильный трактор, выпущенный челябинскими тракторостроителями. Его производство предусмотрено директивами XX съезда КПСС по шестой пятилетке.

Что представляет собой новый трактор?

Главный конструктор ЧТЗ П. П. Исаков сообщил нашему корреспонденту:

— 250-сильный гусеничный трактор предназначен для работы с новейшим прицепным и навесным землеройным оборудованием на различных новостройках страны. Особенно нужна эта машина на строительстве гигантских электростанций Сибири. Здесь придется вынуть миллионы кубометров грунта. И на смену трактору «С-80» с шестикубовым скрепером придут мощные 250-сильные машины с 15-кубовыми скреперами, новыми, высокопроизводительными бульдозерами.

Новый трактор может быть использован на лесоразработках, а также в сельском хозяйстве на глубокой пахоте по методу Мальцева.

Машина снабжена специальным обогревательным устройством, которое обеспечивает нормальный запуск двигателя даже при 50-градусных морозах. Новый трактор может быть использован и как передвижная электростанция. Ее мощности — 60 киловатт — достаточно, чтобы привести в движение агрегаты МТС или осветить поселок.

Многое предусмотрено и для удобства водителя. В жару и холод он будет чувствовать себя одинаково хорошо: между стенками цельнометаллической кабины уложен теплоизоляционный материал. Зимой кабину обогревает электропечь, а летом здесь будут работать вентиляторы.

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото А. Ходова.

Трижды за лето

Осенью 1954 года на полях Научно - исследовательского института картофельного хозяйства произошло событие, которое всколыхнуло этот тихий, мирный уголок. Простой рабочий института, ныне пенсионер Григорий Федорович Шанаурин, ухитрился у себя на огороде снять за сезон три урожая картофеля. Два урожая за лето — дело не мудреное. Но три?!

Творческую радость пенсионера искренне разделил профессор Александр Георгиевич Лорх, именем которого назван сорт картофеля, самый популярный в стране. Выгода шанауринского способа, по мнению профессора, хотя бы в том, что одна из трех посадок попадет под дожди. Следовательно, один урожай обязательно будет хороший, а остальные — хуже или лучше, в зависимости от погоды. В 1955 году весна была затяжная, холодная, а лето — изнурительно жаркое, и все же Шанаурин собрал в пересчете на гектар 888 центнеров.

После этого Ученый совет института признал несомненной ценность способа Шанаурина.

Григорий Федорович обязательно применяет самые раннеспелые сорта — «Эпрон», «Варба», «Приекульские» и другие. Сажает он только целые клубни, предварительно их яровизируя. Это сокращает вегетационное время по крайней мере на неделю. Вот еще один прием, правда, пустяковый, но и на нем Шанаурин выгадывает дополнительно дней десять: он кладет картофелину в лунку ростком кверху.

Шанаурин сажает картофель в квадратах 60 на 60 сантиметров. Дней за 12 до уборки первого урожая изобретательный огородник подсаживает в междурядьях клубни для будущего, второго урожая. Наступило время. Убирается урожай первой посадки, а выкопанная земля используется для окучивания стеблей второй.

Через 60 дней созрел и второй урожай. Незадолго до его уборки Шанаурин высаживает в старые лунки, оставшиеся от первой посадки, клубни для третьего урожая.

Всю работу Григорий Федорович производит лопатой. Однако весной подготовить почву — вспахать и заборонить — можно трактором.

На колхозных полях шанауринский способ неприменим, пока не будут придуманы карликовые машины, способные действовать в сдвоенных посадках картофеля, но способ Шанаурина полезен для индивидуальных огородов: ведь добрую половину всей посадочной площади под картофелем в нашей стране (четыре с лишним миллиона гектаров!) занимают «сотки» на приусадебных участках колхозников и огородах горожан.

По данным ВЦСПС, среди членов профессиональных союзов имеется 16—18 миллионов любителей-огородников. Вот для этих людей Григорий Федорович Шанаурин и сделал великое дело: открыл способ выращивать на тех же «сотках» дополнительно еще миллионы центнеров картофеля.

С. КАНЕВСКИЙ

Профессор А. Г. Лорх (слева) и опытник Г. Ф. Шанаурин.
Фото М. Савина.

ЖИЗНЬ НОВОРОЖДЕННОГО СПАСЕНА

Женщина стала матерью. Первый крик новорожденного, первое ощущение маленького сына у груди, первое кормление... Однако что это?

Молоко, проглоченное ребенком, выливалось обратно. Детский врач ленинградского родильного дома имени Карла Либкнехта заподозрил редко встречающийся порок — недоразвитие пищевода. Угроза голодной смерти нависла над мальчиком. «Скорая помощь» доставила младенца в клинику профессора А. В. Шацкого при Ленинградском педиатрическом медицинском институте, где круглосуточно дежурят детские хирурги. В рентгеновском кабинете врачи установили, что пищевод новорожденного заканчивается слепым мешком и сбоку имеет сообщение с легкими. Пища, попавшая в пищевод, пройти в желудок не могла, но частично проникала в легкие, вызывая воспаление легочной ткани.

Хирург Г. А. Баиров с Сережей Е.
Фото автора.

Как спасти жизнь мальчика? Выход есть только один — оперировать.

Операция на пищеводе, расположенном в глубине грудной клетки,— одна из сложнейших в хирургии. А тут малыш, новорожденный с хрупким и нежным организмом и крошечными пищеводом, легкими, сердцем... Справится ли хирург с такой трудной задачей?

Операция началась. В трахею ребенка ввели тонкую трубочку для дыхания. Впервые при помощи специального аппарата клинический ординатор Г. А. Баиров дал наркоз двухдневному ребенку, который не имел еще и имени. Одновременно производилось переливание крови. Порой казалось, что мальчик не сможет перенести необычной и сложной операции, но дыхание оставалось спокойным, а пульс удовлетворительным. Частично были удалены пять ребер, перевязаны кровоточащие сосуды, отделена тонкая, как пленка, плевра. Постепенно хирург с ассистентами подходили к пищеводу. Вот ушиты сообщения пищевода с легкими и восстановлена проходимость пищевода.

Операция, продолжавшаяся 2 часа 15 минут, закончилась благополучно. Сначала мальчику давали молоко только каплями: он не мог еще сосать. Но уже на пятые сутки ребенок жадно сосал рожок. В этот же день он был назван Сергеем. Сейчас Сереже Е. исполнилось 8 месяцев и 7 дней. Ребенок здоров и развивается нормально.

Через некоторое время хирург Г. А. Баиров проделал вторую удачную операцию на пищеводе другого новорожденного.

В. КУРГАНОВ

Т. В. Ряннель. ВЕЧЕР НА ЕРГАК-ТАЙГЕ. **Красноярск.**

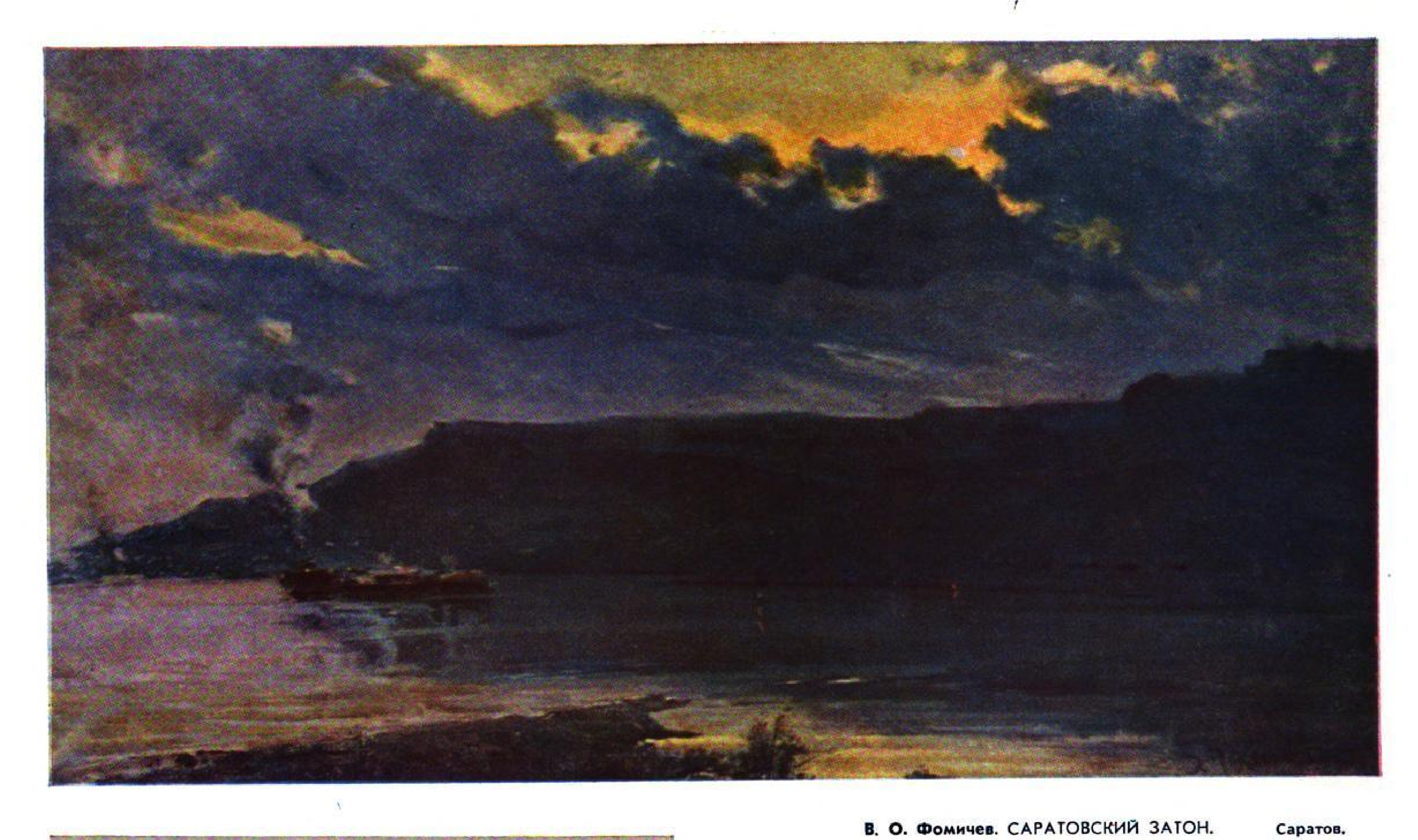
Выставка произведений художников РСФСР.

И. В. Рыбачук. ВЕСНА В ТУНДРЕ. **Владивосток.** **Выставка произведений художников РСФСР.**

Л. А. Фаттахов. ЮНОСТЬ. **Казань.** **Выставка произведений художников РСФСР.**

В. О. Фомичев. САРАТОВСКИЙ ЗАТОН. **Саратов.**

Д. К. Свешников. ОЛЕНЕВОД. **Архангельская область.**

Выставка произведений художников РСФСР.

В СТРАНЕ ПИРАМИД

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Царь рек

— Это Ниломер, родский Ниломер.— Шкипер Абдельхафиз указывает на поднимающееся из воды строение, похожее на замок или храм.

Мы сидим на борту большой фелюги, пришвартовавшейся к высокому берегу. Здесь, на окраине Каира, Нил разметнулся во всю свою исполинскую ширину, перед тем как несколько больших островов раздробят его на отдельные рукава. В реке отражается бездонное, словно отлитое из синего стекла, небо, и потому вода, в действительности коричневатая, кажется голубой. Много солнца, простора, а воздух как в сказке Шахразады. «Кто не видел Каира,— не видел мира...— говорится в книге «Тысяча и одна ночь».— Его земля — золото, и его Нил — диво; женщины его — гурии, и дома в нем — дворцы, а воздух ровный, и благоухание его превосходит и смущает алоэ».

Несколько египтянок в длинных черных одеждах полоскали белье на берегу. Они совсем не были похожи на сказочных гурий, как не похожи на дворцы унылые дома предместья. Но все остальное — земля, река, воздух,— все было столь же прекрасно, как в древней сказке.

Абдельхафиз — шкипер на фелюге, которая принадлежит его брату Саиду Абу-Мурси. Хозяин — рослый гибкий человек с белой повязкой на голове. Когда я взошел на судно, он отдавал какие-то распоряжения остальным членам экипажа, быстро и ловко передвигаясь между мачт, канатов, блоков.

— Сеида! — приветствовал я поарабски хозяина и протянул ему руку.

— Сеида, сеида! — с поклоном и улыбкой отвечал он, но руки не подал. Тут только я заметил, что хозяин слеп.

«На каждых двух египтян приходится только три глаза» — вспомнилась мрачная здешняя пословица. Тяжелые условия жизни, отсутствие медицинской помощи в годы иноземной оккупации страны привели к распространению болезней. В предреволюционные годы болезни глаз приобрели угрожающий характер.

Абу-Мурси с детства плавает на этой большой парусной лодке. Он хорошо знает каждый бугорок ее деревянного тела. Поэтому и теперь, когда болезнь навеки скрыла от него свет солнца, он ловко и точно передвигается по своей фелюге. Только сойдя на берег, он берет поводырем маленького сына Али.

Сейчас фелюга Абу-Мурси перевозит камни. Неподалеку венгерские инженеры по заказу египетского правительства строят новый мост через Нил.

— Да, да, это Ниломер,— говорит слепой Мурси, по памяти обратив незрячие глаза в сторону острова Рода.— Ниломер слушает дыхание царя рек,— объясняет он.

Я спросил: неужели понадобилось столь грандиозное сооружение для того, чтобы измерять уровень реки? Ведь для этого достаточно обыкновенной водомерной рейки. Но мое замечание даже слегка обидело собеседников. Для меня Нил был только рекой, а для египтян он источник жизни.

На юге страны, там, где Нил входит в пределы Египта, три тысячи лет назад на скалах была высечена надпись — гимн великой реке. В ней есть такие слова: «Вот Нил оживляет обе земли: пища и жизнь существуют только после того, как он разливается. Все живут благодаря ему, богатеют только по его приказанию».

Мурси и Абдельхафиз рассказали мне об обрядах и обычаях крестьян. Обряды сопутствуют рождению, свадьбе, похоронам, и все они связаны с Нилом. Даже когда заболеет ребенок, крестьянка приносит его на берег реки и, заставляя дитя кидать в священные воды финиковые плоды и хлеб, приговаривает: «Сделай, о Нил, чтоб мой сын был так же силен, как ты».

Ниломер на южной оконечности острова Рода построен тринадцать столетий тому назад. Это обширный колодец, стены которого украшены надписями из священных книг. В центре большая мраморная колонна с делениями в арабских мерах. Два туннеля соединяли колодец с рекой. Над колодцем — высокая многогранная пирамида.

Между прочим, родский Ниломер помог истолковать неясные строки Шекспира:

Они и воды Нила измеряют
меркой,
Что в пирамиде спрятанной стоит.

Теперь пришли к выводу, что Шекспир имел в виду не гробницы фараонов, довольно далеко расположенные от реки, а именно эту пирамиду на острове Рода. Древний водомерный пост ныне заменили сотней других, разбросанных по всему Нилу.

Шкипер Абдельхафиз.

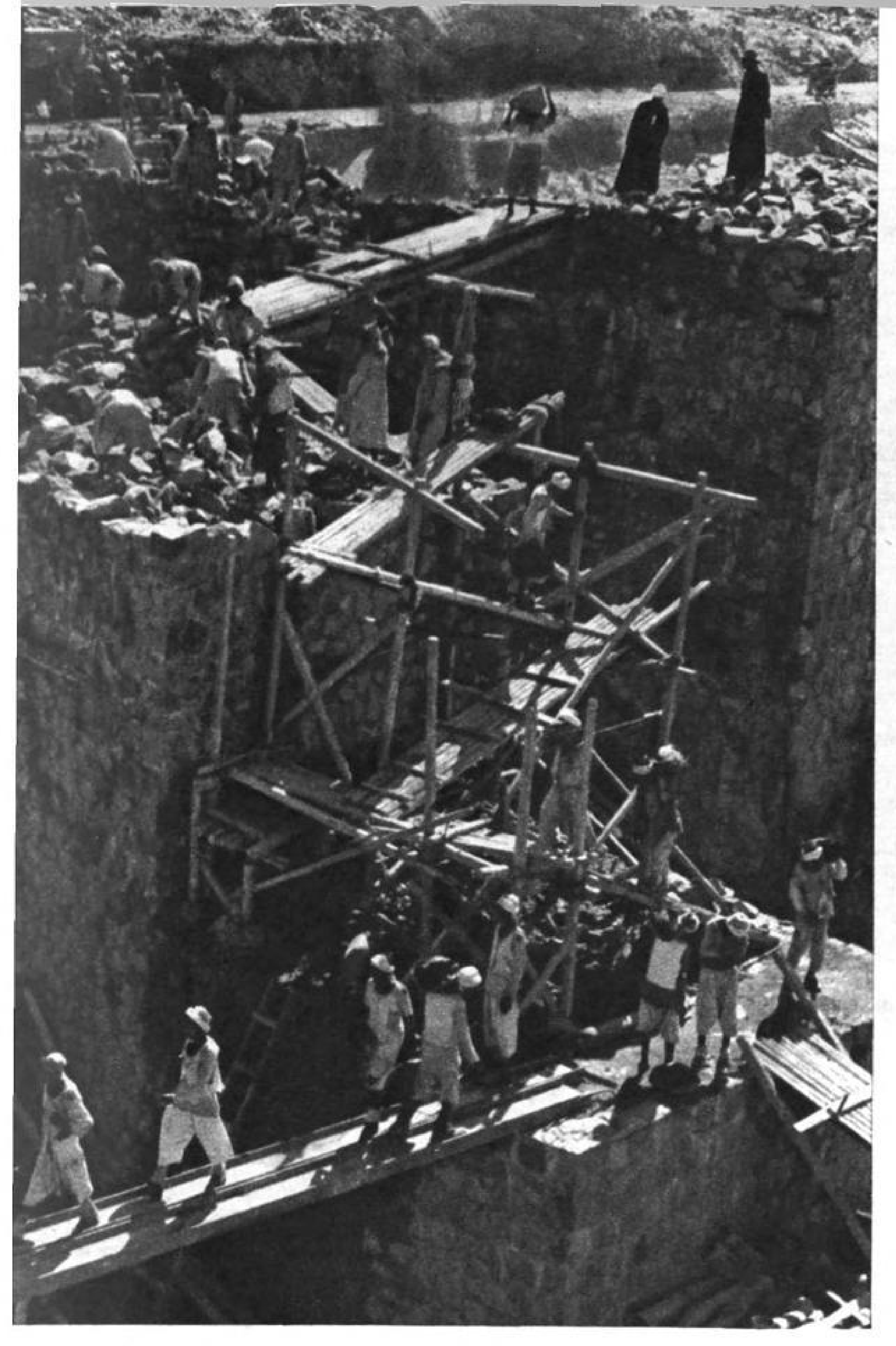
Ниломер на острове Рода.

Кладовая влаги

Экспресс остановился у высокой платформы Ассуанского вокзала. Тотчас к очень широким открытым окнам вагонов кинулась шумная толпа продавцов фруктов, сигарет, прохладительных напитков, сувениров. Какой-то дюжий человек вытащил в окно мой чемодан и скрылся в толпе.

— Не беспокойтесь,— сказал мой спутник, инженер-ирригатор,— если носильщик вас не найдет, он принесет багаж в контору туристской полиции.

У меня было рекомендательное письмо департамента прессы к шефу туристской полиции Ассуана, и я зашел в его контору, которая находилась здесь же, на перроне.

В котловане Ассуанской ГЭС.

Большой щит, висевший на стене, заполнили несколько десятков фотографий людей в чалмах и фесках.

— Это гиды, шоферы такси, извозчики, агенты отелей,— пояснил дежурный.— Ведь мы должны их всех знать в лицо.

Несколько фотографий было оторвано. Это уволенные.

Вскоре появился рослый смуглый офицер со стеком и ослепительной улыбкой в сопровождении человека, несшего мой чемодан.

— Я вас разыскиваю. Майор Бутрос,— представился он.

Он любезно проводил меня в гостиницу, по пути пояснив, что сюда приезжает много иностранных туристов, особенно в зимнее время, и задача туристской полиции — ограждать их от всяких печальных неожиданностей.

— Государство очень заинтересовано в притоке туристов: это дополнительный источник валюты,— сказал майор.

Через час майор заехал за мной, чтобы отправиться на знаменитую Ассуанскую дамбу.

...Солдат в большом черном берете вскинул ружье на плечо и приложил вытянутую лодочкой ладонь к прикладу. Он отдавал честь майору Бутросу. Миновав пост, мы оказались на гребне знаменитой плотины. Слева раскинулась обширная водная гладь — озеро, созданное дамбой. Справа, далеко внизу, из открытых отверстий плотины с грохотом низвергались каскады воды. В туче брызг светилась радуга.

Эта дамба — пока крупнейшее гидротехническое сооружение на Ниле. Ее возвели в 1902 году, но затем дважды надстраивали. Сейчас ее высота над основанием — около 40 метров, а длина — без малого 2 километра.

На территории Египта Нил преграждают несколько больших плотин. Они приподымают уровень реки с таким расчетом, чтобы вода самотеком попадала в магистральные каналы, а оттуда — на поля.

Задача Ассуанской плотины особого рода: это кладовая влаги. Обширное озеро, которое мы видим справа, возникает к декабрю и исчезает к июлю. Во время паводка заполняется огромное водохранилище.

Но вот паводок прошел, и река быстро мелеет. Тогда приподымают щиты и подливают в Нил запасенную впрок воду.

Генеральный директор и главный инженер строительства на Верхнем Ниле Ибрагим Заки Кинаури — один из крупнейших гидротехников Египта. Он окончил Каирский университет, затем четыре года учился в Лондоне и получил ученую степень в Массачузетском колледже в Соединенных Штатах. Он работал на строительстве многих нильских плотин, в том числе надстраивал Ассуанскую дамбу.

— Долгое время, — рассказывает г-н Кинаури,— огромные запасы гидроэнергии Ассуанского водохранилища не использовались. Было много проектов, но они оставались на бумаге. Новое правительство, взявшее курс на развитие национальной промышленности, немедля распорядилось начать работы.

Был принят проект, составленный шведским инженером. Он учитывал все особенности сооружения электростанции при уже готовой плотине. Техническую документацию разработал концерн «Шнейдер», главные работы производит французская фирма «Гран Траво де Марсей».

Мы прошли к котловану, глубоко вырубленному в твердых прибрежных скалах. Здесь отсутствовали обычные для наших строек краны и деррики над котлованом.

— Мы не стремимся все механизировать, как в Европе,— говорит г-н Кинаури,— и много шире используем ручной труд.

В котловане работало тысячи две людей. Одни по зыбким мосткам на плечах носили каменные глыбы. Другие укладывали камни, скрепляя их цементом. Все сооружение возводится из крепчайшего местного гранита. Ассуанский гранит служил материалом и для древних сооружений Египта, которые стоят уже тысячи лет.

Инженер показал, где будут установлены шесть турбин по 65 тысяч лошадиных сил. Отработанная вода пойдет по четырем большим туннелям, пробитым в скалах, в реку ниже плотины. Два туннеля почти готовы. Электростанция строится уже четыре года, работы будут завершены в 1959 году.

Я спросил у инженера, как будет использовано электричество, которое даст станция,— ведь в городе нет сколько-нибудь крупных предприятий.

— Здесь построят большой завод химических удобрений,— ответил г-н Кинаури.— Он сможет потреблять восемьдесят процентов электроэнергии. Имейте в виду, что эта станция — лишь первая крупная стройка республики. У Верхнего Египта большое промышленное будущее. Здесь будет сооружена «Большая дамба»!

Большая дамба

У штурвала стоит усатый с большой чалмой на голове рулевой Абдулла Хасан. Он правит судном торжественно и важно. Мы плывем вверх по Нилу к границам Судана. По берегам реки — фантастические нагромождения красноватых скал. Ни травы, ни кустов.

Главный инженер проекта «Большой дамбы» Тавфик Шемути, грузный мужчина в белом

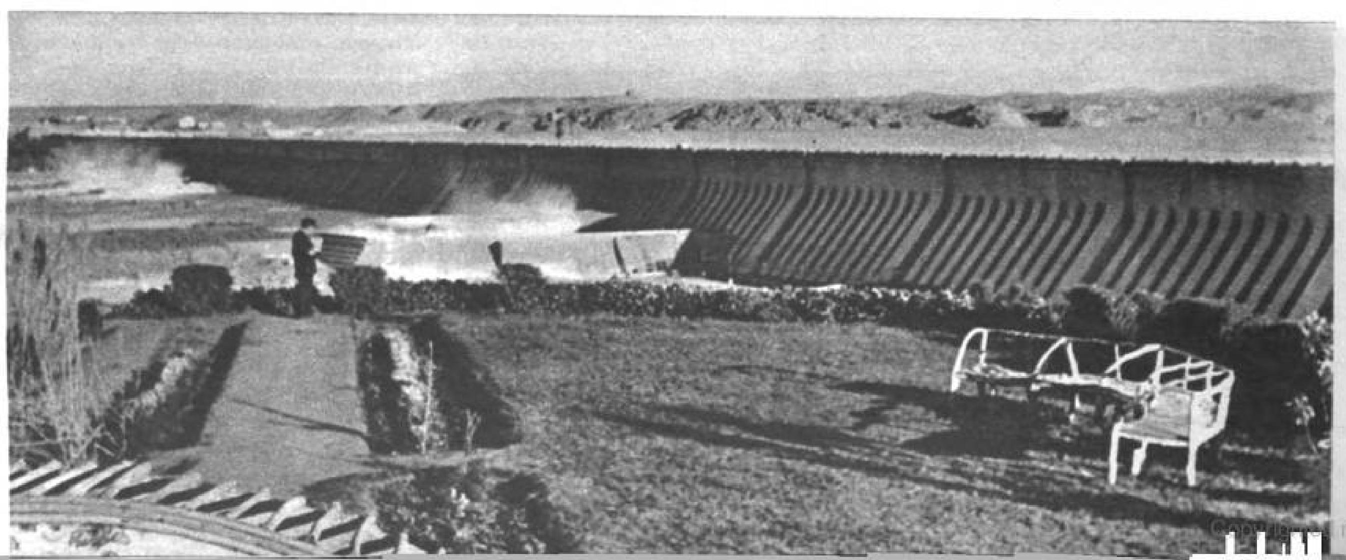
Здесь будет сооружена «Большая дамба».

пробковом шлеме, рисует в моем блокноте схему будущего гидроузла.

Сейчас об этом проекте в Египте говорят больше, чем о чем-либо другом. С ним связывают возрождение страны, разрешение ряда важных экономических проблем. На гигантской стройке сможет получить работу множество людей; дешевая электроэнергия пойдет на развитие индустрии; огромное водохранилище даст возможность на треть увеличить обрабатываемые земли в стране, где крестьяне страдают от безземелья. «Большая дамба» стала как бы символом нового Египта.

Тавфик Шемути кончил рисовать схему и стал рассказывать. Это будет гигантское сооружение. Плотина высотой в 110 метров и длиной в 5 километров перекроет

Ассуанская плотина.

Нил выше Ассуанского водохранилища. Она создаст новый резервуар воды объемом в 130 миллиардов кубометров. Сейчас большая часть нильской воды во время паводка бесполезно уходит в море. «Большая дамба» задержит много влаги и обратит ее на орошение. Гидростанция будет вырабатывать 10 миллиардов киловатт-часов в год — примерно столько же, как наша Куйбышевская ГЭС...

Катер приблизился к берегу. Красные скалы поднимались высоко в небо. На них были нарисованы длинные белые линии.

— Это горы Хур-Кунди,— сказал инженер.— Линии показывают, где пробьют семь туннелей. Длина каждого — более двух километров, диаметр будет равен высоте четырехэтажного дома.

С туннелей и начнется сооружение гидроузла. Первое время они сыграют роль отводного канала: по ним потечет Нил, пока строится плотина. Но и после этого они будут служить для сброса излишков воды.

На противоположном берегу появятся еще четыре таких же туннеля в скалах. Вода, которая пойдет по ним, станет вращать шестнадцать турбин по 120 тысяч лошадиных сил каждая.

Таков проект «Большой дамбы», которую намечено построить за десять лет.

В нескольких местах на реке стояли на якорях спаренные баржи. Мы подплыли к одной. Шестеро рабочих под руководством инженера вручную бурили дно.

— Сейчас я вам покажу первый строительный объект «Большой дамбы»,— сказал г-н Шемути.

Мы пристали к левому берегу. Долго и трудно поднимались по очень крутой тропинке в скалах, пока перед глазами не открылась великолепная картина. До самого горизонта был виден Нил. Величаво текла в каменных берегах река. Старомодный пароход не спеша плыл в Судан. С высоты он казался совсем маленьким.

— Вот и первый объект.— Г-н Шемути указал на площадку, где рабочие возводили дом.— Здесь будет лаборатория по исследованию грунта. Скоро начнем прокладывать сюда шоссейную дорогу из Ассуана.

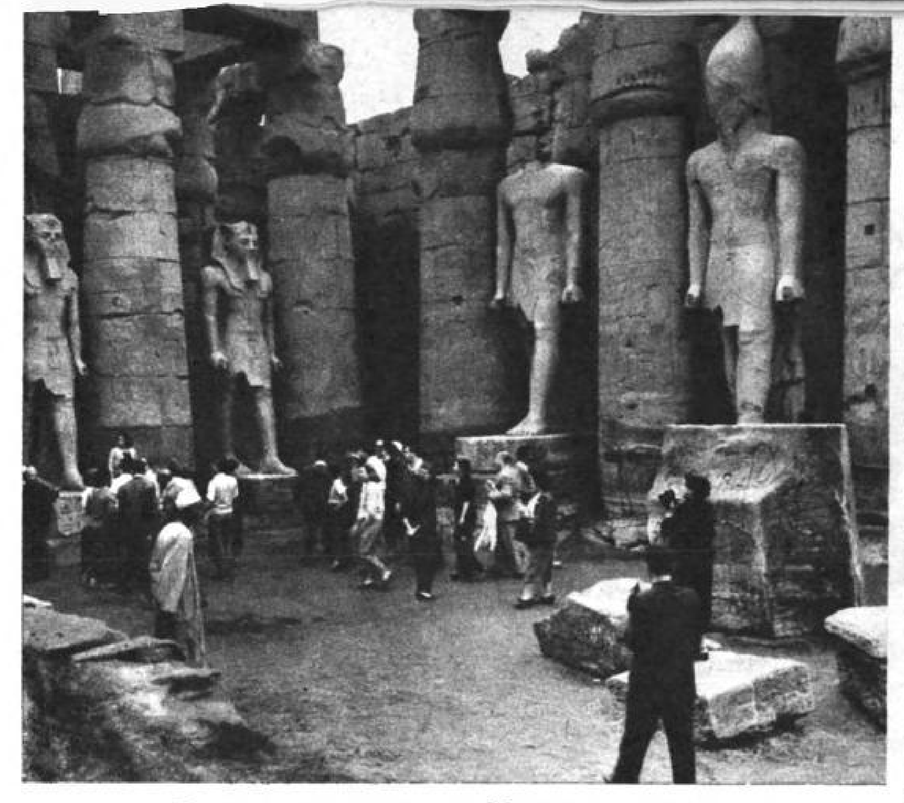
— А когда начнутся генеральные работы?

— Предполагаем начать с 1 августа. Но возможно, что отложим до будущего года. Еще не решены финансовые вопросы.

«Большая дамба» — дорогостоящее сооружение. Египетское правительство обратилось в Международный банк реконструкции и в Соединенные Штаты с просьбой предоставить заем для строительства плотины. Люди, столь красноречиво разглагольствующие о помощи слаборазвитым странам, хотя и согласились дать взаймы, но при этом поставили такие условия, которые не могли быть приняты. Переговоры еще продолжаются. Но египтяне говорят: «Не дадут займа американцы — обойдемся без них. У Египта есть много друзей».

Прошлое и будущее

На полу просторной комнаты — камни, покрытые какими-то таинственными письменами. За столом, заваленным бумагами, сидит невысокий, чуть сутулый человек. Сильные стекла очков, в

Туристы в одном из залов Луксорского храма.

руках большая лупа. Он рассматривает фотографию каменной плиты, сплошь испещренной иероглифами.

— Этот камень я нашел здесь два года назад. Надпись высечена по приказанию царя двенадцатой династии Сенусерта. Она рассказывает о строительстве дворца — первого строения, которое дошло до нас в сохранности из эпохи Среднего царства.

Г-н Шегата Адам — египтолог и государственный инспектор памятников старины в Луксоре. Он производил раскопки в девяти местах и сейчас готовит доклады о своих исследованиях.

В Египте существует специальный департамент, который наблюдает за охраной многочисленных памятников древности, проводит реставрацию и раскопки. Луксор — центр этих работ. Здесь стоят два знаменитых дворца-храма, величественные руины которых до сих пор поражают воображение людей.

— Несколько дней назад,— говорит г-н Адам,— мы начали раскопки «Проспекта Сфинксов», который три тысячи лет назад соединял оба дворца. Но это лучше посмотреть на месте.

Мы сели в фаэтон (в городе мало автомобилей и масса извозчиков) и поехали к храму.

— Проспект Сфинксов находится где-то под нами или под этими зданиями,— рассказывал египтолог, когда мы ехали по тихим улицам Луксора. Этот небольшой зеленый городок стоит на месте, где некогда была знаменитая столица древнего мира — Фивы. В то время Египет достиг высшей точки своего могущества и расцвета. Но опустошительные набеги многочисленных завоевателей разрушили «стовратую» столицу, время довершило их работу.

Облако пыли стоит над холмом, где идут раскопки. Несколько сот человек мотыгами разрыхляют землю и в корзинах выносят прочь. Ее тотчас расхватывают крестьяне, приехавшие сюда на ослах и верблюдах. Эта земля — нильский ил — лучшее удобрение для полей.

Шегата Адам ведет меня к величественным каменным пилонам — главным воротам храма. Огромный гранитный обелиск стоит у входа. Обелисков было раньше два. Но второй уже давно увезен в Париж и ныне стоит там на площади Согласия.

— Отсюда начинается Проспект Сфинксов,— сказал египтолог.— Он идет до самого Карнакского храма, по другую сторону города. Для раскопок этой улицы департамент древностей выделил 40 тысяч фунтов. Часть этих денег пойдет на оплату владельцам домов, которые сейчас стоят над сфинксами. Работы уже начаты. Эти фигуры, которые вы видите впереди, недавно освобождены из тысячелетнего плена.

Два ряда каменных фигур, близко стоящих друг к другу, образуют широкую аллею. Она упирается в стену земли. Последний сфинкс отрыт лишь наполовину. Наверху еще стоит дом...

Я пошел осматривать храм. Меж гигантских колонн, капители которых напоминали цветы папируса, толпами бродили туристы. В парадном зале, где стояли каменные фараоны, гид в национальном одеянии давал пояснения группе иностранцев.

Он указывал на маленькую фигурку женщины, стоявшую рядом с исполинским каменным изваянием Рамсеса II в военной форме. Скульптура женщины не доходила и до колена полководца. Это была фигура жены Рамсеса. Гид перевел выбитую здесь надпись: «Я поставил ее слева, где мое сердце, ибо я люблю ее. Я не поставлю ее на голову, но и не поставлю под ногами». Сообщив, что у Рамсеса было 115 сыновей и 80 дочерей, гид повел туристов дальше.

В окрестностях современного Луксора находятся и другие великолепные памятники истории Египта. Грандиозный храм Амона-Ра в Карнаке, дворец царицы Хатшепсут, построенный среди багровых скал в Деир-эль-Бахари, исполинские каменные фигуры, стоящие среди полей, колоссы Мемнона.

— Вы собираетесь на юг,— говорил мне в Каире министр просвещения республики г-н Камаль-эддин Хусейн.— Имейте в виду: там наше прошлое, и там наше будущее.

Величественные храмы и дворцы, построенные тысячи лет назад, и поныне вызывают восхищение. Они красноречиво свидетельствуют о великом прошлом египетского народа.

«Большая дамба», новые заводы, цветущие розы в пустыне — это будущее древнего народа, завоевавшего себе национальную независимость.

Будущее...

Андрей ДОСТАЛЬ

Будет время,
Лишь грамм
Вещества распыля,
Мы получим энергии столько,
Будто бы пять
Эшелонов угля
Прибыло к нам
на стройку!

Электричество станет
Дешевле воды,
Урожай будем
В месяц выращивать!
Фотосинтезом
Созданные плоды
Станут втрое крупней
настоящих.

Сколько новых
Путей и дорог!
Знаю я,
не пройдет и полвека —
Оживет настоящий,
Чудесный белок
Под рукою
у человека.

Полетят
Межпланетные корабли,
Станет просто металлом
Золото.

Никогда
Не коснутся
Народов Земли
Черные
пальцы
голода.

Золотистым зерном
Закрома полны,
Ледниковые массы
Раскованы!

«Атом — Центры»
Во все уголки страны
Посылают
Энерговолны!

Ливень,
Холод,
Бури
И зной —
Все, что было
случайной помехой,
Направляется в русло
Упрямой рукой
Человека!

Это значит —
В пустыне
Весенний сад
Свои белые руки
раскинет...
Наливаются гроздья,
Колосья шумят
В преображенной
Пустыне.

Города —
Посредине весны!
Верно, будет в них
Вечная молодость...
Поднимайтесь
С просторов страны,
Легкие
белые
голуби!..
Как же можно,
Чтоб солнце —
В багровом
дыму,
Чтобы пепел
До неба
Вырос!..
— Люди мира,
Не дайте себя обмануть,
Люди мира!

Школьные фотокорреспон

С. ФРИДЛЯНД

Когда видишь человека, приникшего к фотокамере, сразу угадываешь в нем собрата. Фотокорреспондент, отрешенный от всего окружающего, в эту долю секунды прикован только к маленькому кусочку жизни, вместившемуся в прямоугольник видоискателя. Щелчок затвора — и фотокорреспондент снова пытливо и настойчиво ищет нужный ему кадр. Своих непоседливых и беспокойных коллег я встречал всюду. Куда только не заносит их неистощимый азарт журналиста! Недаром шутя говорят, что чуть ли не вся земля истыкана ножками фотографических штативов.

Особенно обрадовало меня знакомство с целой группой фотокорреспондентов в одной из московских школ. Дальние пути-дороги еще ждут ребят в будущем, а пока что полем журналистской деятельности моих юных коллег служит родная школа со всем многообразием жизни ее шумного населения.

Дома тоже нашлась тема!

Десятиклассник Миша Суслов начал очередное занятие фотокружка следующими словами:

— Наверно, каждый из вас слышал, как фотографы иногда говорят: «Спокойно! Снимаю!». Правильно ли это? Ведь мы, фотокорреспонденты, должны показывать жизнь, а в ней все в движении. Вот посмотрите, с каким неподдельным интересом, хотя и не во-время, рассматривает Панфилов новый «Фэд». Заметьте, как сейчас же пропала на лице эта заинтересованность, когда мы оторвали его от дела. «Неспокойно! Снимаю!» — вот как мы должны работать на съемке...

Давно ушел из 273-й школы живой и любознательный паренек Борис Афанасьев. Теперь он солидный врач. Шестнадцать лет назад он обучал фотографии группу младших школьников. Подрастая, они, в свою очередь, брали под опеку следующую группу малышей. Так завелась в школе добрая традиция передачи фоторепортерской эстафеты — от старших к младшим.

Это не просто фотокружок, участники которого всегда находятся в томительных поисках сюжета съемки: уже по нескольку раз запечатлены на пленке и папа, и мама, и сестричка, и домашний пес — на кого бы еще направить «глаз» своего фотоаппарата? У фотокорреспондентов 273-й школы занятия фотографией носят характер общественной работы. В каждой из восемнадцати сменных редакций школьной газеты имеются сейчас «штатные» места фотокорреспондентов. Перед ними вся быстротекущая жизнь школы, — успевай только отбирать темы, не задерживая очередного выпуска школьной газеты. В съемках представляется полная инициатива: не жди заданий, увидел интересное, новое, полезное дело — снимай и быстро неси фотографию в редакцию.

С осветительными лампами и фотоаппаратами они путешествуют по всем этажам своей школы. Ни одно сколько-нибудь примечательное событие здесь не обходится без фотокорреспондентов: прибыло новое оборудование для политехнических мастерских; ученики и ученицы старших классов монтируют рабочие механизмы и приборы; отличились на районных соревнованиях школьные физкультурники; Коля И., недавний двоечник, с помощью товарищей добился первого успеха; участники химического кружка соорудили действующий серный завод на лабораторном столе; рукодельницы из третьего класса приготовили художественные вышивки на выставку «За честь школы»; бывшие школьники — ныне студенты и рабочие — пришли сюда на вечер; происходит торжественная выдача грамот отличникам... События в школе неисчерпаемы.

И вот уже в руках мокрая лента. Журналистам хорошо знакомо радостное ощущение удачи, если

Идет занятие кружка фотокорреспондентов.

дентьі

В заголовке: Гена Николаев — 5-й класс, Люся Успенская — 10-й класс, Петя Панфилов — 6-й класс, Боря Кий — 9-й класс, Леша Фомин — 10-й класс, Дима Хаит — 5-й класс.

ожидаемый кадр получился: завтра или послезавтра снимок уже появится в очередном выпуске газеты.

— Очень интересно в нашем кружке работать,— сказал нам шестиклассник Леня Федоров.— Я еще не знаю, кем буду, когда вырасту, но фотоаппарат всегда останется со мной.

— А времени хватает? Ведь надо и уроки добросовестно сделать.

— Занимаюсь я неплохо, фотография совсем не мешает.

Фотокорреспондентская группа — только часть клуба юных мастеров, издавна существующего в 273-й школе. Тут всегда многолюдно: ребята и девочки строгают, выпиливают, паяют, точат, красят. Другие заняты сборкой радиоаппаратуры, переплетают книги, а вот и группа вышивальщиц — чудесный самоуправляемый мирок разностороннего детского трудового творчества.

...На стене одной из комнат висит стенд с фотопортретами питомцев школьного клуба. Под каждым из них указана фамилия и клубная «профессия» — слесарь, радист, электрик, бригадир, фотокорреспондент. Напрасно искать их в классах: это уже взрослые люди. Но, сохраняя привязанность к своей школе, многие приходят на традиционные годовые встречи, никогда не забывая признательно и тепло помянуть тех, кто учил их не только наукам, но и умению трудиться.

На съемку!

СНИМКИ ШКОЛЬНИКОВ

Сверху вниз:

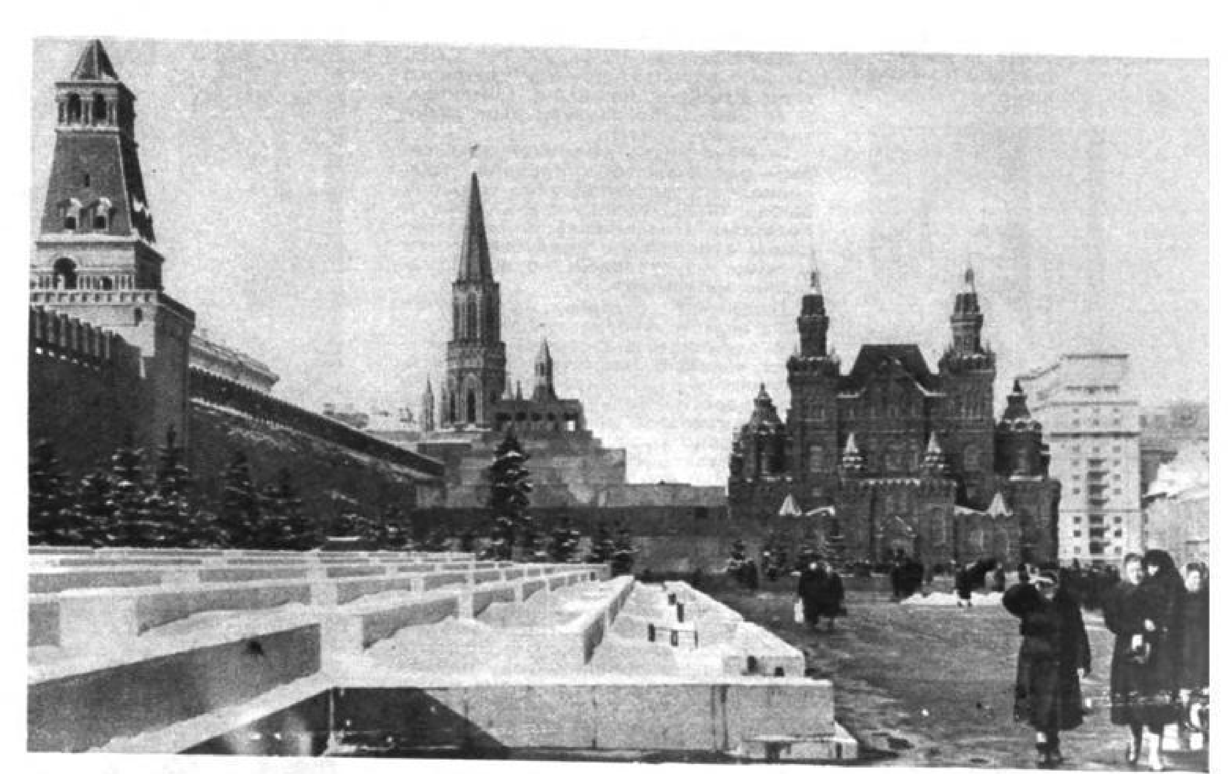
Л. Федоров. УРОК ТРУДА.

М. Суслов. НА ШКОЛЬНОМ ВЕЧЕРЕ.

А. Фомин. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ ЗИМОЙ.

ПРОДУКТЫ ДОСТАВЛЕНЫ НА ДОМ

Каждое утро, в семь часов, Нина Кольцова выходит из московской булочной № 524. Она несет плетеную корзинку с теплыми булками, плюшками, буханками хлеба в новый двенадцатиэтажный дом № 9/11 на Краснопрудной улице.

Девушку в белом халате приветливо встречают покупатели:

— Как раз во-время... Я только на стол накрыла.

За два месяца Нина изучила вкусы своих покупателей. Сначала она записывала заказы, сейчас помнит их наизусть. Она знает, что в 174-ю квартиру на двенадцатом этаже надо принести булочки, что сыновья машиниста метро Большакова из 162-й квартиры любят рижский хлеб, а Наташа и Аня из 144-й — калорийные булочки.

Разносчицы приносят всегда свежий хлеб. Они точны, внимательны и вежливы, поэтому число покупателей быстро растет. Сейчас булочная № 524 обслуживает уже около шестисот квартир.

Во многих районах столицы на дом доставляют не только хлеб, но и молоко; недавно некоторые столовые и фабрики-кухни начали разносить по квартирам мясные полуфабрикаты — котлеты, рагу, шницели.

Такая форма торговли быстро завоевывает популярность. Уже доставляют на дом продукты сотни магазинов, булочных и молочных.

«В нашем доме живут в основном рабочие семьи. Хозяйки одобряют доставку хлеба на дом. Надеемся, что скоро нам будут носить и другие продукты»,— пишут жильцы квартиры № 52 дома № 9 по улице Красная Пресня.

«Молоко и хлеб мы получаем рано утром. Без хлопот можно приготовить завтрак и не спешить перед уходом на работу. Это очень удобно»,— сообщают женщины из дома № 1 по Автозаводскому проезду.

Да, действительно, какая хозяйка откажется от свежего молока к завтраку, хорошо приготовленных котлет или рагу, принесенных к обеду, от кефира или простокваши, доставленных к ужину?

Но при такой форме торговли обязательны четкость и отличная организация, ранний, без перебоев завоз продуктов в магазины, аккуратность и пунктуальность самих продавцов-разносчиков.

Однако молочные заводы (например, Останкинский) нередко задерживают продукцию и привозят ее в магазины поздно. Хозяйка напрасно ждет молоко в восемь часов утра, когда оно ей нужно. Разносчица с красивой металлической корзиной, специально изготовленной для доставки, появляется в домах часов в десять — одиннадцать... Многие квартиры уже на замке: одни ушли работать, другие отказываются от запоздалых услуг — ребята уже в школе, хозяйка успела купить молоко на рынке...

Начавшаяся в Москве доставка продуктов на дом одобрена покупателями. Самое главное — она экономит время. Но еще удобнее просто взять на дом готовый обед и совсем не возиться со стряпней: в таком случае у женщины высвобождается уже не полчаса или час времени, а несколько часов, весь вечер.

На фабрике-кухне № 13 Железнодорожного района, в столовой № 740 Электролампового завода, в столовой № 340 на Ленинградском шоссе готовые обеды пользуются доброй славой у работающих женщин.

— Мне после болезни врач прописал лечебное питание,— говорит пожилая работница обойной фабрики Софья Дмитриевна Кузнецова.— Но когда же мне делать паровые котлеты, протирать овощи и крупу для супов? Я получаю все готовое в диетическом зале фабрики-кухни № 13. Готовят неплохо, разнообразно. В общем, я довольна...

Два с половиной года берет здесь обеды воспитательница детского сада Клавдия Павловна Семенова. В ее семье все заняты: двое работают, один учится.

— Меня очень выручают эти обеды,— рассказывает Клавдия Павловна.— На фабрике-кухне большой выбор блюд, можно взять обед и подороже и подешевле. Многие женщины относятся с предубеждением к пище из столовой, но я не разделяю их мнения...

Готовыми обедами пользуются пока еще не многие: главным образом одинокие или семьи из двух — трех человек. Несмотря на десятипроцентную скидку, обеды пока еще дороги. Большим семьям выгоднее готовить дома.

Неудобно и то, что нельзя заранее заказать обед и договориться о доставке его на дом.

— Сложно, очень сложно организовать такую доставку. Нужна специальная посуда, люди,— заявили нам в Управлении общественного питания Москвы.

Может быть, и трудно, но зато удобно для покупателей. А ведь это самое важное! В некоторых небольших городах, например, в Орехово-Зуеве, еще в прошлом году начали доставлять обеды в рабочие общежития и на квартиры. Почему же доставка так сложна для столичных работников общественного питания?

И. ИЛЬИЧЕВА

Фото Г. Санько.

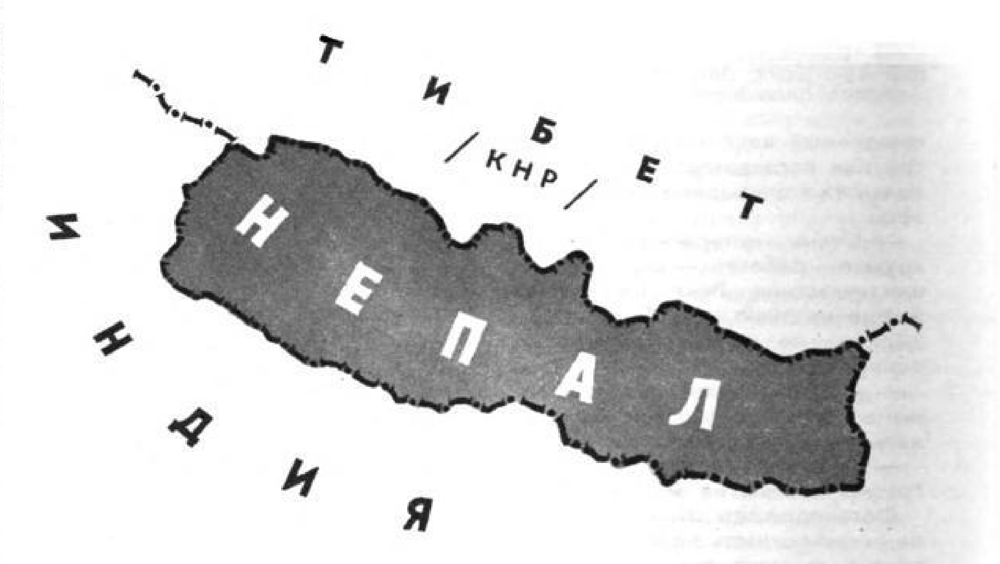

А. И. Попова доставляет молоко жильцам дома по Тюфелеву проезду.

Разносчица булочной № 524 Нина Кольцова принесла хлеб в квартиру осмотрщика вагонов метро М. Ф. Кокорева.

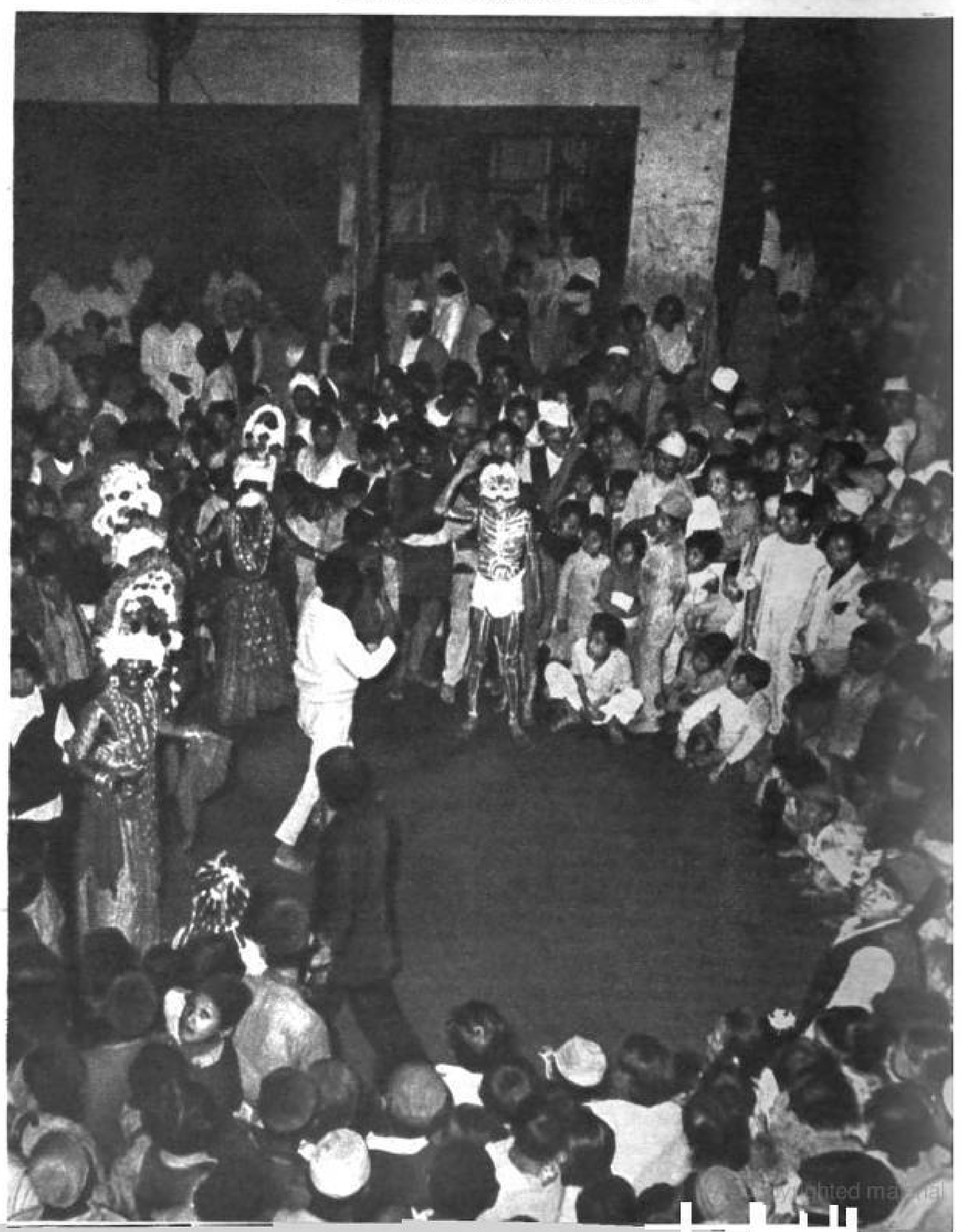

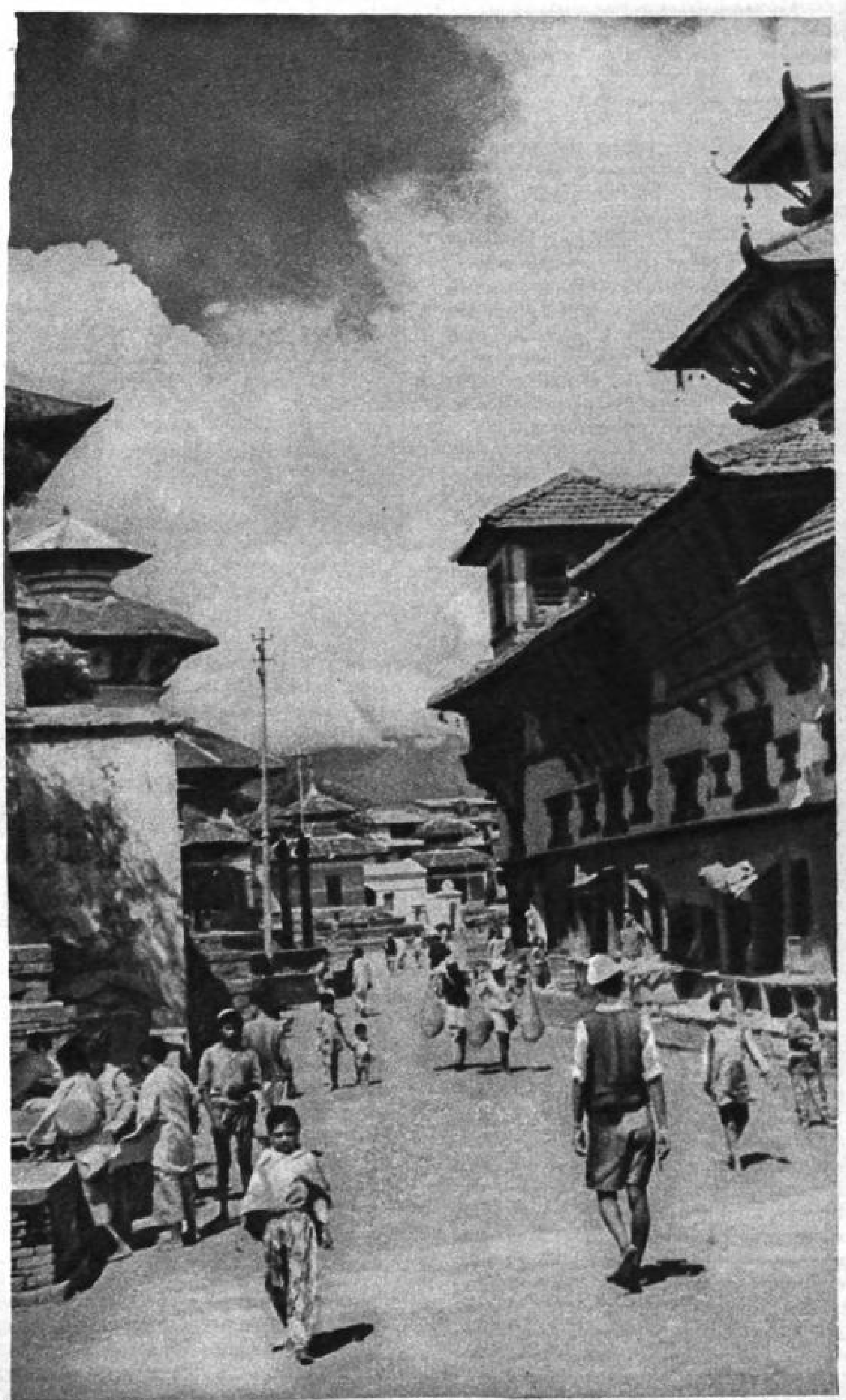
НЕПАЛ

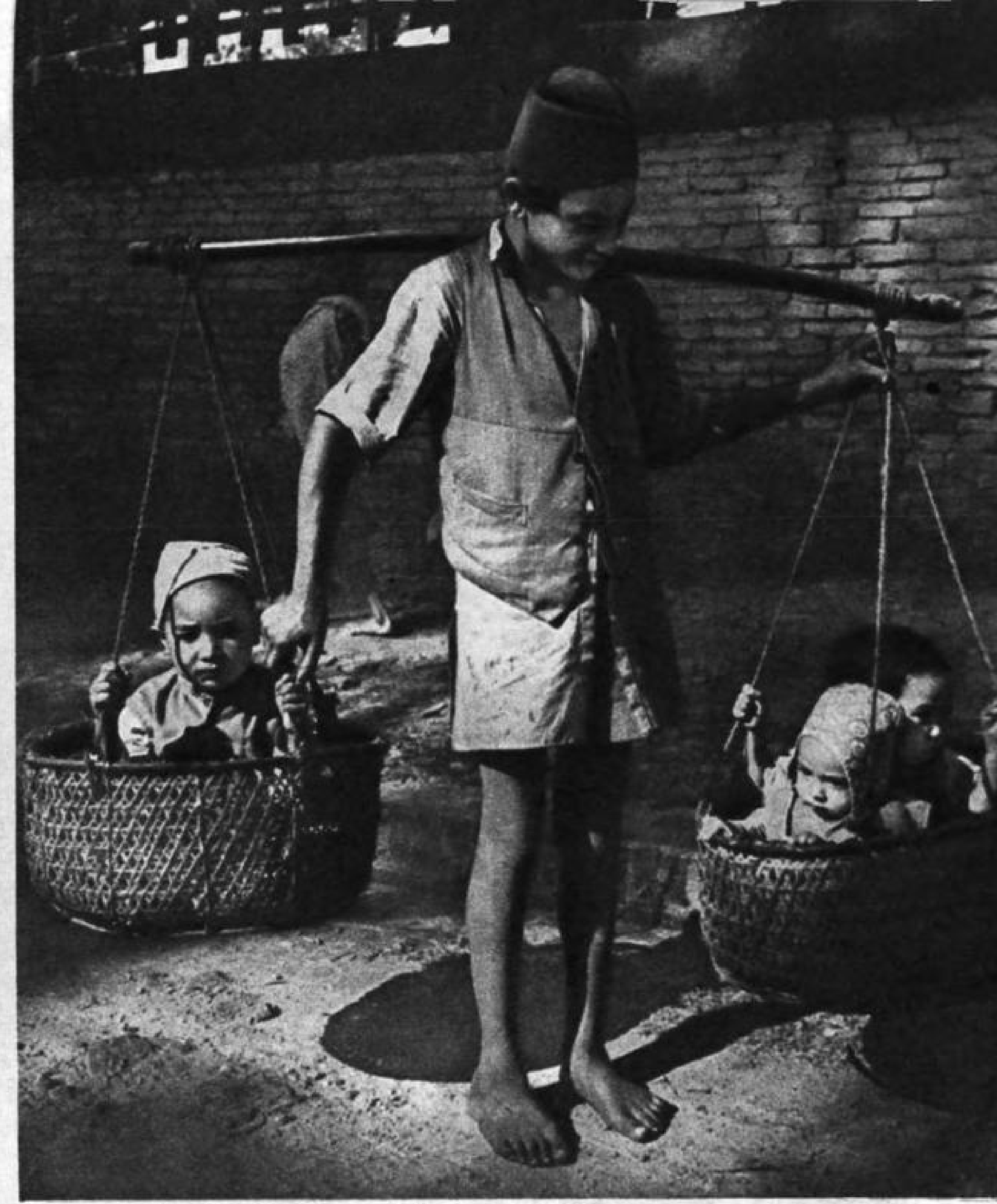

Высоко среди гор лежит королевство Непал. Его площадь составляет около полутораста тысяч квадратных километров, а население — около восьми с половиной миллионов человек. Непал граничит с великими азиатскими державами — Китаем и Индией. Престол королевства Непал занимает Махендра Бикрам-шах. Мы помещаем несколько фото, сделанных в Непале индийским корреспондентом П. Н. Шарма.

Праздник народного танца.

Обычно в таких корзинах, плетенных из верхнего слоя бамбука, переносят фрукты, зерно или другие грузы. Но используют их и таким образом.

← Столица Непала — Катманду. Широкие пологие крыши защищают дома от сильных дождей и снега.

В непальской деревне. Торговля украшениями.

На высоких стойках сушится кукуруза

ТЕАТР имени Сундукяна

Дереник ДЕМИРЧЯН

Среди участников декады армянской литературы и искусства в Москве — Ереванский государственный драматический театр имени Г. Сундукяна. Это коллектив, в творчестве которого, может быть, всего ярче видны особенности армянской театральной культуры.

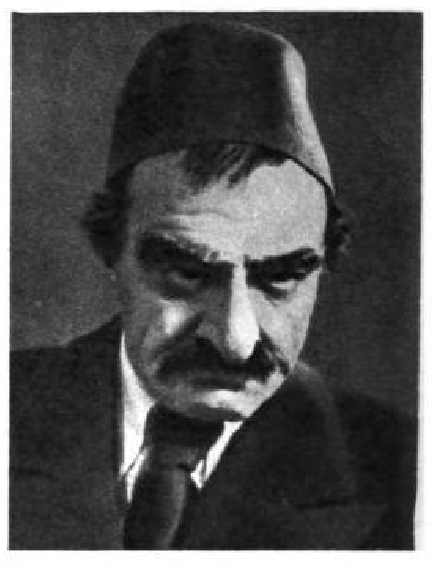
Театр — не новое явление в жизни армянского народа. Можно утверждать, что истоки театрального искусства относятся еще к последним десятилетиям до нашей эры. Но если говорить о зарождении профессионального театра, то уже в первые периоды своей истории он отличался многообразием форм, включая трагедию, комедию, сатиру, буффонаду, пантомиму.

Интересно отметить, что тогда на сцене шли произведения греческой и римской античной литературы, что уже с первых лет существования армянского театра в нем создавалась своя, национальная драматургия. Но это все проступает из глубины веков. Расцвет же профессионального театра начался в Армении значительно позднее, с XIX века, в пору укрепления связей русской и армянской культур. Именно тогда под влиянием передовой русской литературы и передового русского театра складывались в Армении основы национального демократического сценического искусства. Огромную роль в формировании таких устремлений армянских деятелей сцены сыграл великий революционный демократ Микаэл Налбандян, разделявший взгляды Белинского на общественное предназначение театра. Начало же новому плодотворному периоду истории армянского театра было положено развитием сценического мастерства. Оно было представлено такими силами, как Геворк Чмшкян, замечательный актер-реалист, убежденный просветитель, требовавший правды и естественности игры на сцене,' и Габриэл Сундукян, выдающийся драматург и театральный деятель. Именно им обязан армянский театр созданием нового, передового репертуара.

Можно сказать, что три главных начала определяли, начиная с прошлого века, репертуар армянского театра: классическая трагедия, бытовая драма и комедия, представленные произведениями Габриэла Сундукяна, Акопа Пароняна, Александра Ширванзаде, и переводная русская и западная драматургия. Так передовой армянский театр поднимался на высшую ступень, стремясь идти в ногу с русским и европейским театрами. С тех пор армянский театр воспитал несколько поколений талантливых артистов. Напомню, что еще в 60—70-х годах прошлого века общественность Тифлиса, Одессы, Москвы и Петербурга дала высокую оценку знаменитому артисту-трагику Петросу Адамяну за исполнение ролей Гамлета, Отелло, Арбенина и других.

После установления Советской власти первый государственный драматический театр Армении обосновался в столице республики Ереване и был назван именем Г. Сундукяна. И не случайно особое место в армянском театральном искусстве принадлежит именно этому театру. В его стенах собралась целая плеяда подлинных мастеров сцены — артистов, режиссеров, художников. Бережно сохраняя свои многолетние традиции — показывать зрителям трагедийно-драматический и комедийно-бытовой репертуар,— сундукяновцы много и упорно работают и над созданием современного репертуара. В этом одна из причин того богатства актерских индивидуальностей, которым отличается театр. Его актеры и режиссеры избрали своим девизом «умение делать все». Разве не примечательно, например, что талантливый комический артист Авет Аветисян с огромным успехом выступает, скажем, в роли Яго, а затем переходит к бытовым национальным комедиям и опять к европейской классике?

«Егор Булычов и другие» А. М. Горького. Егор Булычов — народный артист СССР Вагарш Вагаршян, Гаврила — заслуженный артист Армянской ССР В. Маргуни.

«Дядя Багдасар» А. Пароняна. Багдасар — народный артист Армянской ССР Г. Нерсесян.

Или тонкий художник-артист Вагарш Вагаршян, в котором гармонически сочетаются бурный сценический темперамент и мягкий лиризм. Начав с бытовых персонажей армянского репертуара, он поднялся до таких вершин русской и европейской классической драматургии, как Егор Булычов и Гамлет.

Многообразны и всегда оригинальны выступления Грачьи Нерсесяна, талантливого и находчивого Гургена Джанибекяна, предпочитающего выступать в сильных характерных ролях. А Давид Малян, Вавик Вартанян, Гегам Арутюнян и другие? Зритель видит их и в романтически-героических ролях и в жанровых пьесах. А рядом все новые и новые имена молодых артистов, смело берущихся за сложные роли.

Своеобразное место в театре имени Сундукяна занимает хорошо знакомый русскому зрителю блестящий трагик Ваграм Папазян, который все еще сохранил очарование таланта молодых лет. Роль Арбенина Папазян играл впервые на армянской сцене 30 лет назад, а сейчас лермонтовский герой в исполнении артиста приобрел новые краски, новую силу трагического звучания. Но, безусловно, венец творчества Папазяна — Отелло; этой роли он отдал много лет своей творческой жизни.

Более полувека назад начала сценический путь Ольга Гулазян, из них три десятилетия — в театре имени Сундукяна. Глубокое проникновение в сущность образа, художественная правда, богатство и тонкость детали — все это вместе с неистощимой энергией отличает работу О. Гулазян в родном театре.

Спектакли театра имени Сундукяна, которые показаны во время декады в Москве, познакомили московского зрителя с творчеством многих наших артистов. «Еще одна жертва» Г. Сундукяна, «Намус» А. Ширванзаде, «Дядя Багдасар» А. Пароняна, «Утес» В. Папазяна, «Отелло» и «Егор Булычов и другие» — эти лучшие свои постановки национальной, русской и западной классики коллектив театра вынес на суд общественности Москвы.

Перевод с армянского Л. ТЕР-МКРТИЧЯН.

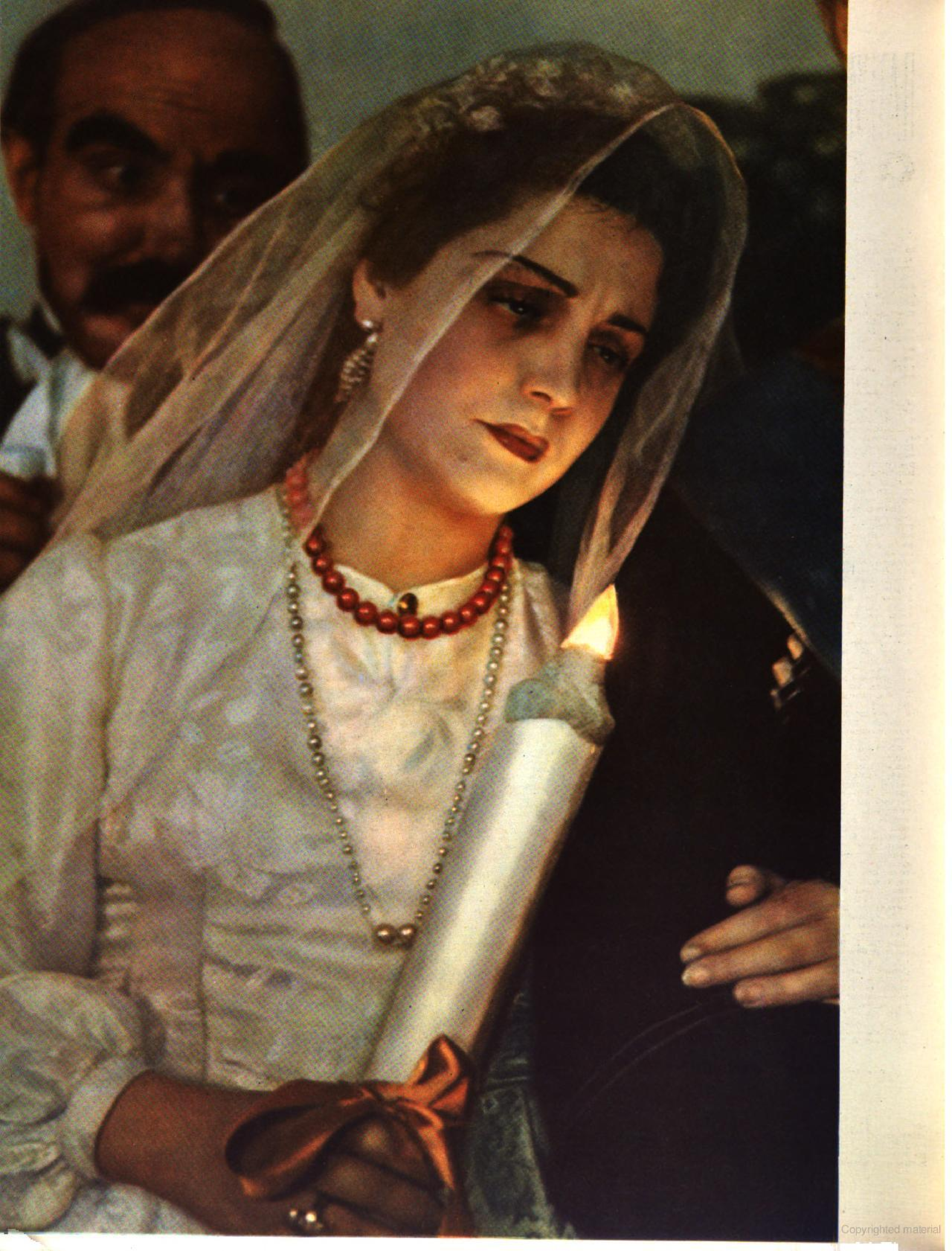
«Еще одна жертва» Г. Сундукяна. Сцена из последнего акта.

Народный артист Армянской ССР Ваграм Папазян в роли Отелло. Армянский Государственный драматический театр имени Г. Сундукяна.

Фото И. Тункеля.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ОПЕРА

С первого июня на сцене Большого театра Союза ССР идут спектакли Государственного театра оперы и балета имени А. Спендиарова. И все эти дни спектакли собирают полный зал зрителей, с большой заинтересованностью встречающих музыкальное искусство армянского народа.

Детище Советской власти, Армянский театр оперы и балета существует около 25 лет. Во время декады в Москве этот молодой театр показал свою творческую зрелость, высокое мастерство.

«Театральная культура Советской Армении всегда связана в моем представлении с яркими, крупными и смелыми образами, с пламенным темпераментом, с красотой и благородством внешнего воплощения»,— писал в 1947 году народный артист СССР В. И. Качалов. Эти слова выдающегося русского актера невольно вспомнились нам, работникам оперного искусства, уже на первом спектакле театра имени Спендиарова — опере А. Тиграняна «Давид-бек».

Народно-героическая опера «Давид-бек» рисует одну из ярких страниц национально-освободительной борьбы армянского народа в начале XVIII века с иноземными захватчиками. Герой оперы, выдающийся полководец и государственный деятель Давид-бек, возглавляет борьбу народа против персидских завоевателей, вторгшихся в Армению. Свободолюбивому армянскому народу оказывает содействие Россия, протянувшая братскую руку помощи. И армянское войско под руководством Давида-бека изгоняет врагов с родной земли...

Таков вкратце сюжет патриотической оперы «Давид-бек», поставленной ярко и талантливо народным артистом Армянской ССР В. Аджемяном и заслуженной артисткой республики Г. Мелкумян в замечательном оформлении народного художника М. Сарьяна, художников Х. Есаяна и А. Мирзояна.

Глубоко национальная музыка оперы А. Тиграняна «Давид-бек», насыщенная народностью, богата монументальными хорами, поэтичными лирическими ариями и дуэтами. Партию Давид-бека выразительно исполнял заслуженный артист Армянской ССР Н. Ованесян, владеющий богатым по тембру голосом. Певицы народные артистки Армянской ССР Г. Гаспарян (Шушан) и Т. Сазандарян (Тамар) доставили слушателям большое наслаждение и своими чудесными голосами и проникновенной сценической игрой. Хоровой коллектив хорошо показал себя в массовых сценах, занимающих значительное место в этой опере.

За время декады москвичи ознакомились и с другой национальной исторической оперой, «Аршак II» Т. Чухаджяна, и современным балетом «Севан» Г. Егиазаряна о труде и жизни советских людей Армении. Кроме того, театр показал «Пиковую даму» Чайковского и известную оперу А. Тиграняна «Ануш», прошедшую на сцене театра республики более 500 раз.

Спектакли театра имени Спендиарова — радостное событие в музыкальной жизни Москвы.

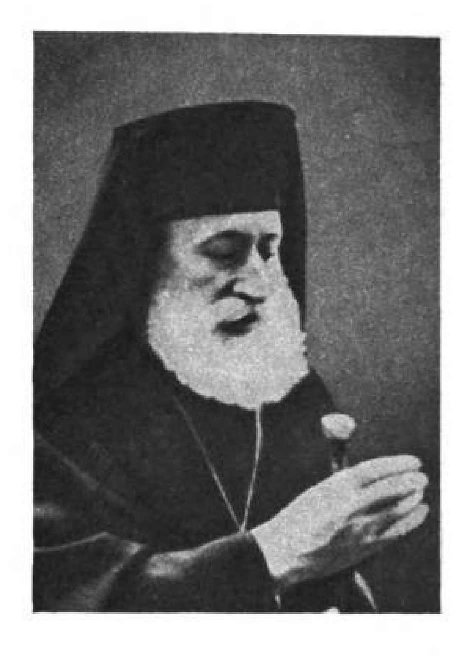
Лев ПЕТРОВ,
заслуженный артист РСФСР.

←
«Намус» А. Ширванзаде в Армянском государственном драматическом театре имени Г. Сундукяна. Сусан — заслуженная артистка Армянской ССР Метаксия Симонян.

Фото И. Тункеля.

Я Россию пою

Поэма, написанная ливанским митрополитом Нифоном Саба на пути из Ленинграда в Москву.

المطران نيفن

Нифон Саба, митрополит Захля и Баальбека, автор этой поэмы, в свое время относился к Советской стране недоброжелательно. Обманутый империалистической пропагандой, всячески третировавшей Советский Союз, он опубликовал много статей, в которых критиковал социалистический строй.

В 1954 году он был приглашен в Россию вместе с Антиохийским патриархом Александром и митрополитами Абу-Регейли — епископом Триполи, Карамом — епископом Горного Ливана и Гехой — из Хомса. Он пробыл в Советском Союзе два месяца, вместе с делегацией посетил города и церкви. И быстро понял несостоятельность лживых измышлений, распространяемых империалистами о Советском Союзе.

По возвращении на родину Нифон Саба опубликовал брошюру, озаглавленную «Придите и посмотрите», в которой он описал свои впечатления в двух аспектах: социальном и религиозном. Вскоре вышла и другая его книга: «На каждый вопрос — один ответ».

В результате своих наблюдений Нифон Саба пришел к правильной оценке советской действительности. Он стал горячим борцом за мир во всем мире.

22 июня 1955 года вместе с другими сторонниками мира Нифон Саба был приглашен на Всемирную Ассамблею мира в Хельсинки. Он возглавил сирийско-ливанскую делегацию и был избран членом Всемирного Совета Мира.

Из Хельсинки Нифон Саба отправился, как представитель Антиохийской церкви, в резиденцию русского патриаршества в Москве.

Он провел в Советском Союзе один месяц и написал книгу «Путешествие в Хельсинки и в Советский Союз».

Поэму «Я Россию пою» Нифон Саба создал на пути из Ленинграда в Москву. Он прочел ее по московскому радио для арабских слушателей во всех арабских странах и, вернувшись на родину, опубликовал. Поэма выдержала несколько изданий и была включена в его книгу «Путешествие в Хельсинки и в Советский Союз».

Я Россию пою! Я пою нашу чистую дружбу,
Что пылает, как факел, и сердце мое согревает.
Не успела разлука, подобно отливу, пролечь между нами,
Смотришь — новый прилив обещает нам новые встречи.
Я плыву по просторам морей — и могучие волны
Бьются в лад с моим сердцем: и волны и сердце мечтают
Добежать поскорее до берега славной России...
Я лечу в облаках — и в бескрайних пространствах воздушных
Сердцу видится образ привольных российских просторов...
Я Россию пою! Я душою и мыслями с нею!
И влюбленное сердце мое никогда, никогда не изменит:
Для влюбленных сердец не страшна никакая разлука.
Не забыть мне великого дня, когда, жаждой томимый,
Я пришел, о Россия, к тебе и воды твоей чистой
Выпил залпом из чаши доверья, согласья и дружбы.
Есть ли в мире другой животворный источник, что мог бы
Утолить мою жажду, как ты утолила, Россия!
Я Россию пою! Я пою необъятных просторов величье,
Красоту ее нив и садов, аромат пробудившейся розы,
И сплетенье ветвей, и листвы изумрудную зелень.
Я Россию пою! Я пою, и вселенная вторит
Этой радостной песне, что рвется из самого сердца.
Так влюбленные птицы, над садом весенним порхая,
Славят песней своею красу распустившихся листьев,
И дыханье цветов, и прелесть травы шелковистой,
И бездонных небес синеву... И нигде в целом мире
Песни птиц не звучат так привольно, так звонко и гордо,
Как под сенью твоих плодородных садов, о Россия!
Я Россию пою, и мой стих улыбается нежно,
Обращаюсь к тебе, о страна молодого цветенья!

* * *

Пробегают в окне и поля, и луга заливные,
И пастух, что пасет свое тучное стадо...
В этой мирной стране — и пастух, и министр, и рабочий —
Все равны пред законом, все трудятся миру на благо.
И сияет ли ясное солнце с небес безмятежных,
Орошают ли землю дождя проливного потоки,—
Все на благо идет, все на пользу стране и народу...
Благородных и верных детей родила и взрастила отчизна.
И по праву гордится страна поколеньем свободных и юных,
Дочерьми и сынами своими, что новое общество строят.

* * *

Справедливый закон направляет на путь благородный
И мирские свершенья людей и религии поступь.
Справедливости солнце для всех одинаково светит,
И угрюмые тени обид убегают от яркого света,
И великий народ, что в борьбе многолетней, суровой
Отстоял свою землю и взял ее в крепкие руки,—
Этот славный народ не таит в своем сердце открытом
Ни коварства, ни злобы, ни зависти, ни вероломства.
Духом братства проникнут весь труд повседневный,
Созидательный, творческий труд равноправных народов.
Малыши, чьи родители пали в борьбе за свободу,
Ни нужды, ни печали, ни доли сиротской не знают.
Для сирот весь народ и отцом стал и матерью нежной!
В этой славной стране гражданину дано небывалое счастье:
Счастье строить, работать, творить, отдыхать и учиться.
Перед каждым раскрыты широкие двери в науку.
Путь открыт к мастерству, и к искусству, и к славе.

* * *

Поздравляю, Россия, тебя: ты для мира пример благородный,
Ты надежда народов, опора для бедных и слабых!
Пусть другие в погоне за славой себя истязают,—
Ты спокойно, уверенно держишь ее трудовыми своими руками.
Если ты говоришь, все вокруг тебе чутко внимают,
А молчанье твое красноречья любого достойней!
Ты прекрасна, ты счастьем полна, о Россия, о друг мой!
В исступленьи враги на тебя свои громы и молнии мечут.
Но бесплодны проклятья пустые и злоба врагов твоих жалких!
Много горьких годин пролегло у тебя за плечами,
Но тем слаще победы, что гордо вкушаешь ты ныне.

Так иди же вперед, шествуй поступью твердой, Россия!
Охраняй, о Россия, священное дело народов —
Дело дружбы, доверья и мира на нашей планете!
И народы Китая и Индии рядом с тобою,
И народы всех западных стран ненавидят войну и насилье,
И народы Земли подают тебе верные руки,
Чтобы вместе за мир и за счастье бороться.

Крепость мира, что ты, о Россия, построила в мире,
Пусть стоит нерушимо в веках человеку на благо!

Перевел с арабского М. ВАКСМАХЕР.

ФИЛЬМ МОЛОДЫХ

Съемочная группа фильма «Надя» просматривает отснятые кадры. На экране Надя — Нина Иванова.
Фото И. Тункеля.

Когда на экране появляется скульптура Мухиной — фигуры колхозницы и рабочего, в едином порыве устремленные вперед, — зрители знают, что фильм, который они сейчас увидят, сделан на киностудии «Мосфильм». У киноработников, особенно молодых, с этой скульптурой связана и другая ассоциация: статуя эта, открывающая въезд на сельскохозяйственную выставку, стоит возле Всесоюзного Государственного института кинематографии. Сколько мыслей, воспоминаний будит она в памяти!

Направляясь в институт, торопливо пробегают мимо нее студенты по утрам и медленно, большими группами вечерами возвращаются домой. С первой роли, с первых кадров — первых сантиметров самостоятельно отснятой киноленты — стояла она перед ними, напоминая о большом искусстве кино.

Но вот наступило полное тревог и волнений время подготовки дипломной работы.

Предстоял первый самостоятельный и уже профессиональный разговор с экрана. С ученичеством покончено. Нет больше опеки. Все надлежит решать самому. По собственному разумению выбрать тему дипломного фильма, найти и продумать выразительные средства, жанр, наиболее близкий, товарищей единых с тобой устремлений...

Много думала Искра Бабич о своем дипломе, и все же, когда подошло время окончательного выбора темы, она растерялась, долго ни на чем не могла остановиться. Как-то попался в руки сценарий Л. Аграновича «Человек родился», сделанный для «Мосфильма»: судьба молоденькой девушки Нади, которой пришлось пережить разочарование в любимом человеке, горечь одиночества в чужом городе, боязнь за судьбу своего ребенка. Сердечное участие незнакомых людей, счастье, которое Надя вновь обретает, когда на работе, в коллективе, находит новых друзей, — все взволновало Бабич. Но сценарий рассчитан на восемь частей, а диплом требовал не более трех. Искра переделала сценарий. Следующий, не менее сложный этап — подбор актрисы.

Однажды Бабич увидела фотографию белокурой девушки с косами. Особенно привлекали глаза, большие, глубокие, задумчивые, выразительные... Такой должна быть ее Надя! И у дипломницы появилась дерзкая мысль — попробовать поработать с девушкой, чье фото ее так пленило. С трудом разыскали эту девушку, ее звали Ниной. Она работала секретарем в одном из московских учреждений. Когда Искра стала объяснять ей процесс съемок, Нина прервала ее: «Все это я уже знаю». И Нина Иванова рассказала, что в 1943 году ребенком она снималась в фильме «Жила-была девочка» в главной роли.

Все свое время, свободное от работы, Нина Иванова теперь отдавала роли. Товарищи ругали Искру: легкомысленно так рисковать дипломом — главную роль поручить не профессиональной актрисе! Но Искра верила в нее. Три пробы были отданы на утверждение — наряду с Ниной на роль испытывались еще две исполнительницы. Минуты, когда заседал совет, были мучительными. Но вот декан сказал: «Утверждена Иванова!».

Прошло еще несколько месяцев, и Искра защищала диплом — фильм «Надя». Даже закаленные во всевозможных «кинопереживаниях» студенты ГИКа часто лезли в карман за платками: простой и искренний рассказ о судьбе Нади трогал каждого. Комиссия оценила работу дипломантов — режиссера И. Бабич и оператора Л. Штефанова — на «отлично». Но это оказалось своеобразным «дипломом» и для Нины Ивановой: дебютантка была приглашена Одесской киностудией сниматься в главной роли в готовящемся фильме.

Первый фильм. Сколько мук, волнений, сомнений, исканий! Оператору-дипломнику Л. Штефанову надо было заснять сцену в быстро мчавшейся автомашине «Победа». Рира, то есть приспособления с движущимся фоном, создающим впечатление быстро мчащегося автомобиля, в учебной киностудии не имелось. Молодой оператор придумал другое. И вот на улицах Москвы появилась загадочная автомашина. Водитель ее походил на «марсианина»: на голове у него было замысловатое сооружение с огромной светящейся автомобильной фарой на затылке. Машина-такси была превращена оператором в кинопавильон. Заднее сиденье служило съемочной площадкой — там разместились герои. Свет на них направлял шофер, добровольно взявший на себя «по совместительству» функции осветителя. Рядом с шофером втиснулся оператор. Сидя на корточках в ногах у героев, давал им указания режиссер. Заснятая сцена выиграла в своей правдивости: за окном был подлинный пейзаж Москвы.

В Доме кино, в Доме актера на молодежных вечерах демонстрировался этот фильм и был очень тепло встречен аудиторией, но дальнейшая его судьба неизвестна. Правда, в ГИКе говорят, что, возможно, выпустят киноальманах из дипломных фильмов. Но так много посулов слышали за пять лет гиковцы, что и в этот не очень верят.

А как ни велик энтузиазм молодых дипломников, как ни увлекает их процесс создания первого фильма, но сознание, что картина, которую ты снимаешь, нужна только для диплома, а затем пойдет в лучшем случае на полку институтского фильмохранилища, а то и просто ее смоют с пленки, охлаждает даже самых горячих. Правда, были единичные случаи, когда некоторые фильмы показывались на телевидении. «Узаконить» эту пока небольшую практику было бы полезно и телецентру, который порой даже в Москве в течение одной недели дважды демонстрирует одну и ту же картину. Да и периферийные телестудии могли бы использовать дипломные фильмы. Все это повысило бы чувство ответственности дипломников за художественно-техническое решение темы.

Но не только от студентов зависит качество их фильмов. По учебной программе студенты начинают заниматься дипломом лишь по окончании весенней сессии, то есть в июле. На подготовительный период уходит 1½—2 месяца. Наступает сентябрь, когда в средней полосе страны погода, как правило, не съемочная. И студенты тянутся на юг — на натуру. В результате десятки фильмов воспроизводят виды Крыма и Кавказа. Мы побывали на защите дипломов операторского факультета; из четырех показанных фильмов только один не был создан на юге. Два же начинались совершенно одинаково: скала (не берем на себя смелость утверждать, что одна и та же, но очень похожая), о которую разбивается волна. Студенты уверяют, что достаточно передвинуть сроки сессии, и это расширит географию дипломных фильмов, а вместе с тем и тематику.

Так обстоит дело с видовыми и хроникальными фильмами. Не в лучшем положении и дипломники, которые работают над созданием художественно-игровых картин. У учебной студии всего два малюсеньких павильона. Правда, существует проект нового здания учебной киностудии с шестью павильонами, но «строительство» идет... семнадцать лет, и до сих пор сдано в эксплуатацию только 35 процентов площади. А пока павильоны дипломникам предоставляются только на время каникул — в течение учебного года там ведутся курсовые съемки.

Студенты-актеры летом отдыхают. По этой ли причине или по другим, но актерский факультет, как правило, не участвует в дипломных работах будущих режиссеров и операторов. И режиссеры вынуждены искать подходящий типаж либо подбирать актеров на стороне, в зависимости от средств, отпущенных на кинофильм. А ведь в дипломной работе очень важно показать умение работать с актером. Много теряют от такой постановки дела и киноактеры-выпускники. Они вынуждены защищать диплом на сценической площадке, то есть без учета специфики своей будущей профессии.

В фильме «Вольница» участвуют двенадцать выпускников ГИКа. Постановщик «Вольницы» Г. Л. Рошаль увидел их впервые на выпускном экзамене, где студенты играли в небольших инсценировках. Показ прошел хорошо, и все же режиссер окончательно сделал выбор тогда, когда увидел на экране их учебные работы.

Реже стали актеры-дипломники участвовать в картинах, выпускаемых киностудиями. Если когда-то фильм «Молодая гвардия» явился, по существу, защитой диплома чуть ли не целого курса, то теперь такие случаи единичны.

...Они защитили диплом — первую свою самостоятельную работу! Впереди широкий путь большого искусства. «Пусть этот путь не повторяет старого, пройденного. Пусть на нем не будет указателей с надписями: «рутина», «пошлость», «лакировка». Пусть он не будет ограничен никакими догмами и культами, никакими предрассудками и условностями... лишь бы это был путь искренних поисков самого ценного в искусстве — правды. Трудного вам пути, товарищи!»

Такие пожелания в институтской стенгазете шлют дипломникам их младшие друзья. «Трудного, но плодотворного пути, товарищи!» — пожелаем молодым кинематографистам и мы.

И. ВЕРШИНИНА

В цехах здоровья

В зале заниматься гимнастикой хорошо, а на свежем воздухе еще лучше.

Е. ВАСИЛЬЕВ

Фото А. Бочинина.

— Побывайте в цехах здоровья! — посоветовал нам директор Воскресенского химического комбината Николай Иванович Докторов.— Они имеют непосредственное отношение к производству.

Под цехами здоровья директор подразумевал не поликлинику и не профилакторий, а спортивный стадион химиков, водную станцию, гимнастический зал, физкультурные площадки. Мы последовали его совету.

На стадионе, вмещающем три с половиной тысячи зрителей, шел футбольный матч между командами фосфоритной мельницы и отдела капитального строительства. На поле выбежало двадцать два ладных, хорошо тренированных парня, каждый из которых горел желанием отправить мяч в ворота противника и не пропустить его в свои.

У шофера Юрия Майорского (слева) первый спортивный разряд по боксу. К совету более опытного товарища внимательно прислушивается молодой боксер — экскаваторщик Борис Ларионов.

Состязание, в котором строители потерпели поражение, было очень интересным, но, пожалуй, самое интересное произошло уже после финального свистка: многие зрители не покинули стадион, а разошлись по разным его концам и тут же сами превратились из болельщиков в спортсменов.

Взлетел мяч над волейбольной сеткой. Городошники взялись за свои тяжелые биты, загремели выстрелы на стрелковом стенде, а на гаревой дорожке появились бегуны.

Тренировками легкоатлетов умело руководил энергичный молодой человек, и мы решили, что это и есть инструктор заводского совета физкультуры Сергей Ростовский, о котором нам рассказывали.

— Нет, я Арбузов, а Ростовский уехал с велогонщиками,— сказал молодой человек.

— Вы инструктор?

— У себя в цехе я столяр, а здесь, конечно, инструктор... только общественный... Да у нас во всех секциях инструкторы — общественники... Вы насчет легкой атлетики хотели узнать? Я вполне в курсе.

Иван Арбузов рассказал, что в соревнованиях по легкой атлетике выступает больше ста работников комбината. Сейчас многие из них готовятся к заводской спартакиаде, уже добившись третьего и второго спортивных разрядов. Арбузов назвал аппаратчика Семена Зобова, автослесаря Анатолия Бурова, плотника Александра Яичникова, обмотчицу Екатерину Петрову. Потом он вздохнул:

— До первого разряда пока никто не дотягивает!.. На Спартакиаду народов СССР нашим легкоатлетам не попасть. Зато уж из пловцов обязательно кто-нибудь попадет! Знаете, какие у нас пловцы? Прямо дельфины!

...Водная станция химиков стоит на Москве-реке. Это дощатый павильон и опущенный в воду деревянный бассейн с четырьмя дорожками. Есть и вышка для прыжков.

Все очень скромно, несложно, однако именно здесь физкультурники комбината научились плавать так, что приобрели известность на всю Московскую область. Воскресенцами почти полностью укомплектована и сборная команда пловцов Центрального совета спортивного общества «Химик».

В бассейне плавали девушки. Держась за доски, они старательно двигали ногами, а тренер похаживал вдоль борта, внимательно наблюдая за спортсменками. И здесь тренер оказался инструктором-общественником. На комбинате он работает слесарем, зовут его Владимир Бастрыгин.

Летом на берегу Москвы-реки можно встретить чуть ли не всех жителей Воскресенска. Много в городе хороших пловцов, но добиться высоких скоростей способен не всякий, и Владимир Бастрыгин внимательно изучает возможности каждого пловца. А если тебя уж приняли в секцию, изволь тренироваться, соблюдать дисциплину, не нарушать спортивный режим!

Сейчас в секции плавания сорок пловцов, и все они имеют спортивные разряды. Токарь Тамара Максимова, смуглая жизнерадостная девушка, в плавании вольным стилем подошла вплотную к норме первого разряда. Шестнадцатилетняя школьница, дочь работника комбината Светлана Семыкина еще в прошлом году выполнила второй «взрослый» разряд, а в плавании на спине стала чемпионкой Московской области не только среди девушек, но и среди женщин. Чемпионом общества «Химик» является воспитанник секции перворазрядник слесарь Виктор Петров. Первый разряд по плаванию и у рабочего Василия Шманцера.

Пловцы Воскресенска надеются попасть в команду РСФСР, которая будет выступать на Спартакиаде народов СССР.

Стадион находится рядом с Дворцом культуры. Спортивный сектор занимает в нем целое крыло. Здесь и просторный гимнастический зал, и сверкающие белым кафелем раздевалки и душевые, и хорошо оборудованный медицинский кабинет.

В зале тренировались боксеры.

Шофер Юрий Майорский, имеющий первый спортивный разряд, учил новичков двигаться по рингу. Высокий мускулистый парень обрабатывал затянутыми в перчатки кулаками туго набитый мешок. Все тут дышало здоровьем, силой, напряженной энергией.

Майорский справлялся со своими тренерскими обязанностями весело и уверенно. Он объяснил, почему руководить занятиями ему легко.

— Недавно приезжал к нам Грейнер, заслуженный мастер... Приезжал несколько раз. Помог здорово! Наладил работу секции, составил мне подробный план тренировок... По его указаниям и действую. Да и ребята у нас подобрались хорошие! Бокс любят, тренируются крепко... Вот, скажем, Александр Гимодеев, Вячеслав Фомин, Виктор Кравцов, да и другие занимаются боксом недавно, а скоро наверняка уже получат разряд!

Как только боксеры кончили занятия, в зал вошли гимнасты со своим тренером, преподавателем ремесленного училища Юрием Николаевичем Махновым.

— Давно мы собирались открыть гимнастическую секцию... Да много ли сделаешь, не имея помещения?! Но вот получили зал, и дело сразу пошло. Интерес к гимнастике большой!

Закончив разминку, спортсмены выдвинули на середину зала параллельные брусья и чинно уселись на низких скамьях. Первой подошла к брусьям токарь Люба Бузанова. Она чуть присела, подпрыгнула, и через секунду ее стройная фигура легко взлетела над снарядом...

Год назад на комбинате было восемьсот физкультурников. Теперь их тысяча.

Год назад здесь было двести спортсменов-разрядников. Теперь их триста.

Год назад воскресенцы занимались шестнадцатью видами спорта. Теперь занимаются двадцатью.

Как же низовой спортивный коллектив сумел добиться таких успехов?

Мы спрашиваем об этом председателя заводского совета физкультуры Алексея Рудницкого, в прошлом комсомольского работника, ныне редактора многотиражки комбината.

— Да вы же видели... Когда люди работают с увлечением, бескорыстно, дело всегда движется хорошо. Ведь у нас одних только инструкторов-общественников пятьдесят человек! И вот что еще очень важно: любое наше начинание встречает общественную поддержку. Нам всегда идут навстречу. Не случайно директор комбината Николай Иванович Докторов награжден значком «Отличник физической культуры».

— Чем заслужил он награду?

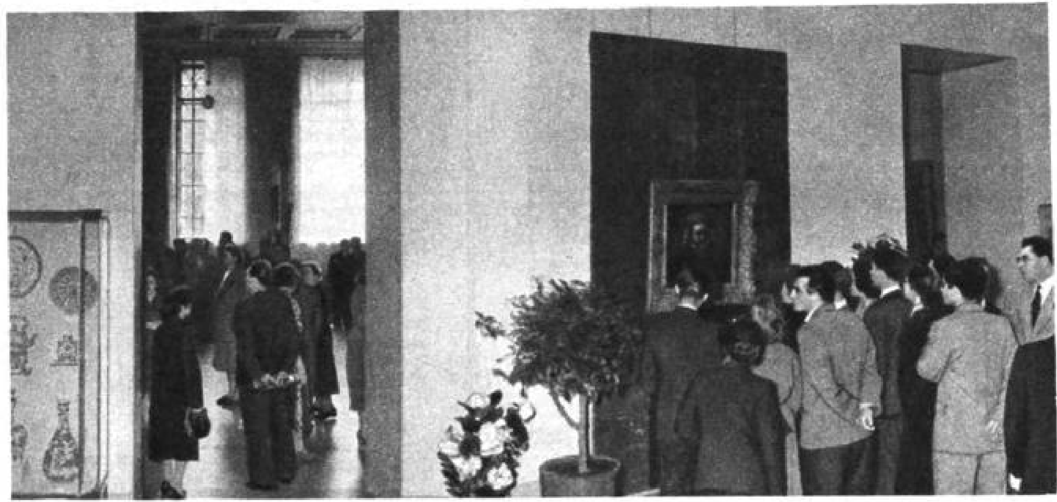
— Многим. В частности, своей постоянной заботой о базах для спортивных занятий... Сейчас мы расширяем стадион, хотим строить закрытый плавательный бассейн и летний искусственный каток...

Все, о чем мы рассказали, имеет непосредственное отношение к тому, что произойдет 5 августа в Москве на новом стадионе в Лужниках, в день открытия Спартакиады народов СССР. Подъем флага соревнований завершит радостную и напряженную подготовку к ним всех советских спортсменов. Больше года плодотворно готовится к Спартакиаде и спортивный коллектив Воскресенского химического комбината.

На тренировке.

Гениальный художник

На выставке произведений Рембрандта и его школы. Зрители перед автопортретом Рембрандта из Амстердамского музея.

Фото Е. Умнова.

Всемирный Совет Мира принял решение — во всех странах широко отметить в этом году 350-летие со дня рождения великого художника Рембрандта Харменса ван Рейна. В Москве, в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, открылась выставка «Рембрандт и его школа», на которой представлены 72 картины предшественников и учеников Рембрандта, 30 полотен, 116 офортов и рисунков самого мастера. Эта экспозиция после выставки, открытой в Амстердаме, самая значительная в юбилейном году.

Московская выставка Рембрандта собрана из произведений, принадлежащих музеям многих городов — Киева, Харькова, Калинина и других. Но, конечно, лучшими коллекциями работ Рембрандта обладает Эрмитаж и Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Выставка дополнена шестью картинами, принадлежащими музеям Голландии, которые присланы в обмен на шесть картин Рембрандта из Эрмитажа, экспонирующихся сейчас в Амстердаме.

Свадьба в посольстве Индии

Н. А. Михайлов расписывается в качестве свидетеля в книге регистрации браков.

Невеста надевает ожерелье на шею жениху.

Во время визита Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Индию сопровождавший их сотрудник индийского посольства в Москве г-н Вишну Ахуджа познакомился с переводчицей г-жой Аминой Ахмад. Молодые люди тогда и полюбили друг друга. 1 июня 1956 года Чрезвычайный и Полномочный Посол Индийской Республики в СССР г-н Менон устроил прием по случаю бракосочетания Вишну Ахуджа и Амины Ахмад. Новобрачных сердечно поздравили министр культуры СССР Н. А. Михайлов, глава дипломатического корпуса в Москве шведский посол г-н Рольф Сульман, председатель Всеиндийского комитета защиты мира С. Китчлу.

Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев прислали В. Ахуджа и А. Ахмад букеты живых цветов.

Фото индийского фотокорреспондента П. Н. Шарма.

Они учатся торговать

В этом большом магазине множество отделов: обуви, тканей, галантереи, фото и радио, книг и канцелярских принадлежностей, музыки, игрушек, продовольственных товаров...

Каждый день здесь идет бойкая торговля, только нет оборота. В кассу не поступают деньги, а проданный товар снова расставляется по полкам.

Это магазин учебный. Мы присутствуем на практических занятиях учащихся черниговской торгово-кооперативной школы. Ученики работают за прилавком, рассказывают «покупателям» о товарах, меряют, взвешивают, подсчитывают стоимость покупок, учатся выкладывать товары на полках и витринах.

В школе занимается около четырехсот пятидесяти учащихся, преимущественно девушек, окончивших десятилетку.

Школа готовит заведующих магазинами и продавцов для работы в сельских местностях. Учащиеся проходят практику в лучших магазинах и ресторанах.

В. ШУМОВ

В учебном магазине. Мария Мартыненко занята выкладкой товаров в отделе игрушек.

Фото Н. Пирковского.

КНИЖНОЕ ИСКУССТВО ФРАНЦИИ

В залах Академии художеств СССР состоялась выставка французской книги — брошюры и редкие издания для коллекционеров, медицинские справочники и романы, журналы и научные исследования,— словом, все, что может отразить большую и яркую культуру талантливого французского народа.

Широко и своеобразно показали устроители выставки свою книжную продукцию, и каждый экспонат говорит о хорошем вкусе, о продуманном, ясном и четком художественном оформлении. Ничего лишнего, никакого нарочитого украшательства— только самое нужное, необходимое.

Бросается в глаза обширное использование фотографии, причем не только в книгах научных или научно-популярных, но и в оформлении художественной и даже детской литературы. Каждая фотография — художественное произведение, в котором острое композиционное решение всегда связано с познавательной ценностью изображения. Чрезвычайно интересны книги, представляющие собою собрание фотографий, объединенных какой-либо темой: то это сцены парижского быта, то это Индия во всем своеобразии ее национального колорита, то отдельные эпизоды, увиденные в Англии или Испании замечательным художником-фотографом, как Картье-Брессон. Словом, это сама жизнь во всех ее проявлениях, схваченная мгновенно.

Интересен и богат раздел книг по искусству и особенно по живописи. Среди них — монографии о музеях, о художниках прошлого и главным образом о мастерах современного французского искусства — от Курбэ до Пикассо. В каждой — превосходные репродукции, черно-белые и цветные, много увеличенных деталей картин, благодаря которым можно ясно и точно представить творчество художников.

В отличие от нас французы выпускают художественную литературу без иллюстраций. Иллюстрируются обычно только дорогие издания для библиофилов, причем рисунки в таких книгах, сделанные в широкой и свободной манере, часто в виде автолитографий или офортов, не столько раскрывают текст, сколько ему сопутствуют. Таковы, например, автолитографии Верте к стихам Верлена или рисунки Гуса Бофа к балладам Франсуа Вийона.

Для чтения издаются книги небольших форматов, всегда в мягкой обложке, отпечатанные часто на очень тонкой, но плотной бумаге. Таковы, например, переведенные на французский язык романы Ф. М. Достоевского или «Война и мир» Л. Н. Толстого, полностью уложенный в полторы тысячи страниц мелкого и очень убористого текста.

Богато представлены детские книги.

Нельзя не сказать о том, что искусство репродукции во Франции сильно шагнуло вперед. Мы видели это не только в книгах по искусству, но и в настенных картинах-репродукциях работ французских мастеров.

Техника воспроизведения акварели, или масла, или любого другого материала живописи достигла совершенства. Часами готов был задерживаться у репродукций пастелей Эдуарда Мане или Тулуз-Лотрека, стараясь не дышать, чтобы не потревожить легких, как бы осыпающихся штрихов карандаша,— так изумительно точно передается характер подлинника.

Мы горячо признательны нашим французским друзьям за то, что они познакомили нас с лучшими образцами своего книжного искусства.

А. ГОНЧАРОВ,
главный художник Государственного издательства художественной литературы.

Юбилей мастера

Мастера А. Я. Туттава поздравляют с юбилеем.

Фото Ф. Ключнка.

С утра в механическом цехе таллинской кожевенной фабрики «Коммунар» чествовали юбиляра — мастера Александра Яковлевича Туттава. Товарищи по работе выступили с приветствиями. Зачитали приказ директора: Александру Яковлевичу вынесена благодарность, выдана денежная премия.

Мастер был растроган, с лица его не сходила смущенная улыбка.

— Ну что вы так торжественно, товарищи, — ответил он на поздравления.— Нет большого дива в том, что человеку исполнилось семьдесят лет, что он вполне здоров и способен работать. Таких ведь много.

Свою трудовую жизнь Александр Яковлевич начал пастухом, батрачил до двадцати лет, пока не отважился уйти в город на фабрику.

Старый рабочий участвовал в двух революциях. Честными, преданными делу рабочего класса он воспитал своих сыновей: они сражались в годы Великой Отечественной войны против фашистов; старший погиб в бою под Великими Луками.

В 1947 году мастер вступил в Коммунистическую партию. Его не раз избирали заседателем в народные суды и в Верховный суд республики. Творческие силы Александра Яковлевича еще в полном расцвете, он вносит рационализаторские предложения, улучшает машины.

Н. ХРАБРОВА

О вкусах спорят

Дорогой, МНОГОУВАЖАЕМЫЙ...

С. МОРОЗОВ

Фото Е. Тиханова.

В мебельном магазине на Пушкинской, одном из крупнейших в Москве, было, как всегда, многолюдно. Покупатели осторожно пробирались по узким проходам между шкафами, письменными столами, гарнитурами спален и кабинетов. Одни с сантиметром в руках обмеривали пузатые комоды и буфеты, другие досадливо охали, завидев на мебели аккуратные таблички с надписью «Продано». Третьи слушали щедрых на обещания продавцов, заранее прикидывая, как бы завтра пораньше попасть в магазин. Стоило нам вынуть из кармана и разложить перед собой фотографии, как тотчас вокруг собралась оживленная толпа, посыпались вопросы, реплики.

— Это как же называется?.. Детский уголок... Обязательно купила бы своей дочке,— говорила домохозяйка, рассматривая фотографию, на которой сняты раскрытый шкафчик, вплотную примыкающая к нему постель, а над ними полочка с игрушками и книгами.

— Очень уютно,— разглядывала следующий снимок молодая женщина в железнодорожной форме,— вы посмотрите только: если постель спрятать в шкаф, на ее место выдвигается рабочий столик, ребенок может здесь приготовить уроки, почитать.

Инженера заинтересовал комбинированный секретер с выдвижной кроватью:

— Толково придумано, ничего не скажешь. Тут тебе и кабинет, и библиотека, и спальня.

Потом, однако, повертев снимок в руках, он недоверчиво покачал головой:

— Видел я подобные картинки в журналах не раз. А в продаже такой мебели днем с огнем не сыщешь.

— Верно, верно,— поддержал разноголосый хор покупателей.

И, сразу потеряв интерес к нашим фотографиям, все с раздражением заговорили о том, что ходить по мебельным магазинам — чистая мука, что иной раз неделю, а то и месяц ищешь самый обыкновенный шкаф и никак не можешь найти. Хочется, чтобы и платье было где повесить, и книги сложить, и чайную посуду расставить. А в магазинах, как назло, предлагают либо гардеробы темных, мрачных тонов, либо громоздкие буфеты в стиле «древнего Мосдрева», либо книжные шкафы таких размеров, которые под стать, пожалуй, только публичной библиотеке.

По чьему «вкусу» изготавливают эту мебель? Кто выступает в качестве «законодателя мод»?

В общую беседу вмешались и работники магазина. Они полностью соглашались с претензиями покупателей и вместе с ними произносили немало горьких слов по адресу мебельщиков.

Почему все-таки мебель новых образцов, удобная и красивая, существует только в проектах и на выставках? Неужели столь непреодолима дистанция от кабинета конструктора до заводского цеха?

— К сожалению, это так,— подтвердил Ю. Б. Соловьев, начальник архитектурно-художественного бюро Министерства судостроительной промышленности, того самого бюро, которому принадлежат проекты комбинированной мебели.

Образцы шкафа-секретера с выдвигающейся кроватью, детского уголка и других предметов обстановки, изготовленные более двух лет назад, демонстрировались тогда же во Всесоюзной торговой палате. И там экспертиза решила: такая мебель не найдет покупателя, в массовое производство не пускать...

Не удивительно, что после такого решения небольшой мебельный завод судостроителей, занятый меблировкой строящихся кораблей, вынужден был отказаться от начатого было производства комбинированной мебели для квартир.

Но почему инициатива судостроителей не заинтересовала мебельщиков-профессионалов, крупные предприятия мебельной промышленности?

За ответом на этот вопрос мы поехали на Московский мебельно-сборочный комбинат № 2. Просторные, многоэтажные корпуса его, выстроенные и оборудованные в пятой пятилетке, занимают едва ли не целый квартал. Теперь, когда уже действует первая очередь комбината, годовая программа его исчисляется десятками миллионов рублей, а ежедневный выпуск продукции — около трехсот предметов различной мебели. Тут и кушетки, и оттоманки, и диваны-кровати, и кресла-кровати. Но все это изготовляется по устаревшим, давным-давно известным образцам. Новая мебель (ее можно так назвать только условно) представлена пока лишь платяным шкафом.

— Ба, знакомая фигура! — воскликнули мы, когда работники комбината не без гордости начали демонстрировать нам мрачноватый и тяжелый гардероб таких размеров, которые никак не подходят для небольших и даже средних комнат. Такие же точно шкафы, остроумно прозванные продавцами «гробовидными», мы видели накануне в магазине, и там покупатели старательно обходили их.

— Почти из тех же самых деталей, которые идут на изготовление этого гардероба, можно без особого труда делать комбинированные шкафы с отделениями для книг и посуды,— говорит начальник Центрального проектно-конструкторского бюро мебельной промышленности В. А. Сизов, перелистывая альбом новых образцов мебели.

Скажем без преувеличения, у нас разбежались глаза: так много оказалось тут простых, удобных и небольших по размерам шкафов, столов, диванов, кресел! Сто десять образцов мебели, созданных конструкторами в прошлом году, были тогда же одобрены министерством.

— А сколько освоено производством в нынешнем, 1956 году?

— Один...

Да, один! Тот самый «гробовидный» гардероб. Поистине «дорогой, многоуважаемый шкап!»

«Подороже, да побольше, поплоше, да поскорей!» — стало неписаным девизом многих наших мебельщиков. В погоне за «валом», за выполнением плана по валовой продукции, некоторые руководители предприятий забывают об ассортименте изделий.

В любом магазине наглядно можно видеть, как покупатели относятся к продукции московских мебельных предприятий. Равнодушно проходят мимо столичных буфетов и шкафов. Зато выстраиваются очереди за «ивановскими» шкафами, за «харьковскими» буфетами.

Сколько же мебели, самой обыкновенной, такой, какую отлично можно производить в Москве, привозят сюда из других городов! Многие тысячи вагонов заняты под встречные перевозки мебели.

С транспортной проблемой связано и снабжение предприятий сырьем. Ведь добрая половина древесины, получаемой заводами и фабриками, в процессе производства идет на опилки, на стружку. Если бы в Москву и другие города на мебельные предприятия возили не «черновую древесину», а «чистовые заготовки», то потребность в вагонах уменьшилась бы вдвое. Так самой жизнью выдвигается необходимость создания специальных предприятий, производящих стандартные детали для мебели непосредственно в лесных районах страны.

Выпуск мебели к концу шестой пятилетки должен возрасти более чем вдвое. В докладе на XX съезде КПСС Н. А. Булганин говорил о необходимости «безотлагательно наладить массовый выпуск недорогой, но удобной и красивой мебели с учетом требований, предъявляемых населением, а также расширить производство комбинированной мебели».

Теперь дело за мебельщиками.

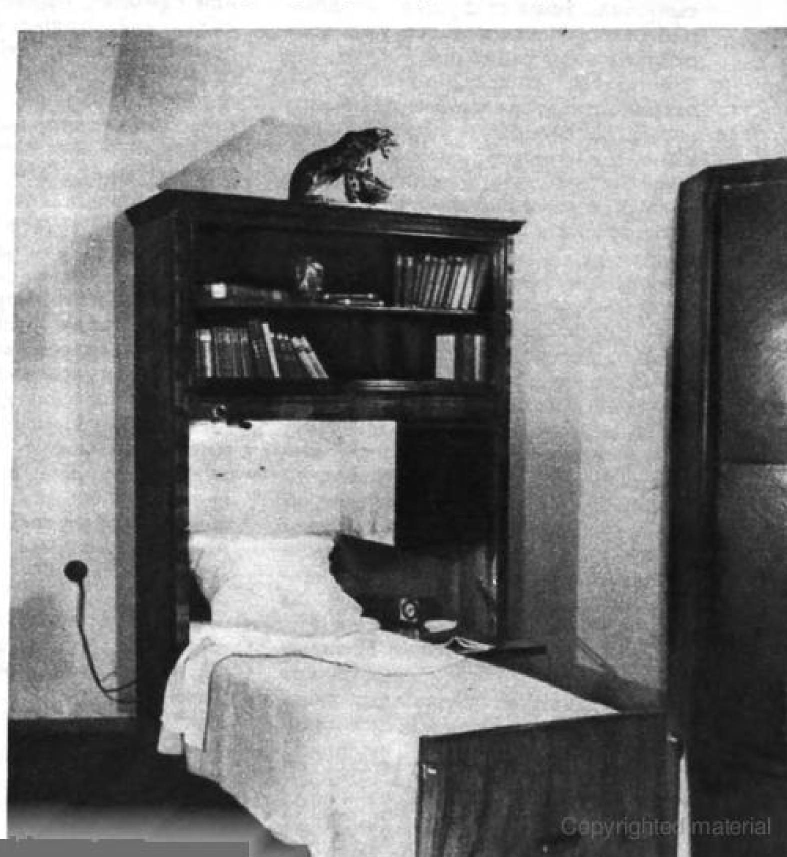

Детский уголок. Тут и платяной шкаф, и диван с полкой для книг и игрушек, и письменный стол.

Диван-кровать.

Шкаф-секретер с выдвижной кроватью.

«Дорогой, многоуважаемый шкап!».

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки Ю. УЗБЯКОВА.

В доме пятьдесят шесть квартир. И если Иван Иваныч из второго этажа не знает, как чувствует себя Петр Петрович из шестого, и даже вообще не знает никакого Петра Петровича, то все жильцы во всех квартирах ежедневно осведомлены о состоянии здоровья Бориса Борисыча. И не только о его здоровье, о нем знают всё: что фамилия его — Знаменоско, но в молодости была другая, как будто даже не совсем благозвучная и уж, во всяком случае, идейно никуда не направленная, и он ее своевременно переменил. Знают, что ему сорок семь лет; что рост у него — 1 метр 88 сантиметров, а вес — 96 килограммов; что одевается он, пожалуй, лучше всех в доме; что утром он гуляет по набережной, днем сидит в ресторане, едет на футбол или на бега, а вечером смотрит телепередачу.

Если кто-нибудь спросит: «Почему же такой крепкий мужчина, в расцвете сил, нигде не работает?»,— ему тотчас же объяснят, кое-кто с улыбкой, а некоторые на полном серьезе:

— Да ведь вот, говорят, что нервная система у него не в порядке. Что-то такое психическое.

Кроме нервной системы, у Бориса Борисыча есть еще жена, сынишка, теща-старушка и домработница Настя. Но это уже второстепенные сведения.

Впрочем, Настя чаще других встречается с жильцами дома, поэтому разговоры о Борисе Борисыче начинаются именно с нее:

— Вы слышали, Настасья сказала: «У нашего Борис Борисыча расстройство седалищно-нервной системы».

— Настя говорила: «Нынче наш в полуморальном состоянии».

— Настя сегодня брала билеты в кино, рассказывала: «За билетами было такое давление, но наш приказал достать, хоть умри!»

Однако о Борисе Борисыче знают не только от Насти. Когда окна квартиры Знаменоско открыты, то по всему двору, как из репродуктора, разносится мощный бас:

— Я никому не позволю играть на моих нервах! Я человек психически неуравновешенный и за свои поступки не отвечаю!

И все знают, что Борис Борисыч психический и что с ним лучше не связываться. Однажды, явившись в домоуправление по поводу засорившейся канализации (Знаменоско живет в отдельной квартире, и ему нельзя ссылаться на злодеев-соседей), он так трахнул кулаком по столу, что стол сначала вздрогнул, потом закачался на своих четырех ногах и рухнул, обливаясь лиловыми чернилами. И хотя лицо управляющей домом тоже все было забрызгано чернилами, а главное, был испорчен ее новый пуховый платок, она не послала дворника за милиционером и не составила акта. Все равно, какую кашу ни завари, никто ее расхлебывать не станет. Всем известно, что у Бориса Борисыча расстроенная нервная система и он за свои поступки не отвечает.

О нервных заболеваниях Борис Борисыч может прочесть лекцию не хуже врача-невропатолога, легко и уверенно оперируя твердо заученными медицинскими терминами. Но если задать ему самый простой вопрос: при каких именно тяжелых обстоятельствах он получил свой недуг,— Борис Борисыч раздует ноздри, с шумом и свистом вберет в них воздух и молча посмотрит на вас таким глубоко мрачным взглядом, что вам сразу же представятся мрачные картины. Может быть, это танки, с ревом идущие в атаку, или самолет, пылающим факелом падающий прямо в смерть, или переправа, от которой навеки остались в памяти окровавленные льдины и черные полыньи... Все это, безусловно, могло бы отразиться на таких сверхчувствительных струнах, как человеческие нервы.

Но ничего такого в жизни Бориса Борисыча не было. Был далекий тыл и ящики с макаронами. Но, на счастье Бориса Борисыча (многие люди понимают слово «счастье» совсем в другом смысле), в тот момент, когда ящик упал ему на голову, на Борисе Борисыче была надета необношенная, с иголочки военная интендантская форма. Конечно, она не являлась панцырем, предохранявшим его от ушиба. Но зато эта новенькая форма дала ему возможность тут же лечь в тыловой госпиталь.

Соседи Бориса Борисыча по госпитальной койке, едва почувствовав улучшение, бежали из госпиталя снова в строй. А Борис Борисыч не бежал. Он лежал тихий и послушный и только иногда, глядя на врачей прозрачно честными глазами, говорил жалобно:

— Выпишите меня! Иначе я все равно убегу, какая разница?..

Но разница между словами и делами выявлялась сразу. Когда Бориса Борисыча собирались выписывать, у него вдруг закатывались глаза под лоб, дрожали руки и ноги и пугающе дергалась левая щека. Никто не знал тайны Бориса Борисыча: он умел дергать щекой с самого раннего детства, что составляло в свое время его мальчишескую гордость. Теперь к дерганию щеки он относился серьезно. Щека производила впечатление, она дрожала, как студень, мясистый нос рвался куда-то в сторону, как будто хотел покинуть насиженное место, а левый глаз глядел диковато и подмигивал. И Бориса Борисыча снова тщательно и терпеливо лечили вплоть до 1945 года, а он артистически изображал томление духа и неподражаемо грустно умолял выписать его, иначе он все равно убежит...

Начиная примерно с 1946 года и по настоящее время Борис Борисыч ежегодно ездит в санатории. У себя дома он щекой не дергает, а потому, прибыв в санаторий, предается этому занятию с особенным увлечением.

Если ему не нравится санаторный суп с цветной капустой, он швыряет тарелку на пол. После этого его как триумфатора под руки уводят из столовой.

— Вы же видите, человек борется со своим недугом, но не так-то это легко, дорогие товарищи!

Если в санатории встречаются люди на протезах и если эти люди, отдыхая, много и с увлечением говорят о работе и собеседнику становится ясно, что без работы они просто изнывают, Борис Борисыч предпочитает не умножать собой число их собеседников. Он отходит в сторону и дергает щекой так, чтоб издали было видно, какой у него убийственный тик. Если же все-таки разговор становится неизбежным, он говорит, мучительно заикаясь (в детстве он в совершенстве копировал своего дядю-заику):

— Б... б... батенька мой, т... т... тебе на п... п... протезе еще тудасюда, а мне с моей нервной си... си... ссссистемой — амба и к... к... к... каюк!

У себя дома он не заикается. Заикается его жена:

— Бо-ря...

— Молчать!

— Бо...

— Заткнись, тебе говорят!

Она когда-то была веселой и жизнерадостной. Теперь она редко улыбается. Она делает вид, что ничего не знает о тике и забыла о макаронном ящике. Но такие вещи не забываются. Она не поддерживает версии о контузии, но и не опровергает ее. У нее сын, это значит семья. Сын не знает о ящике, не знает и о том, как ловко, будто игральными картами, устраивал Борис Борисыч фокусы со своими документами: то он их терял, то восстанавливал в том самом виде, в каком, по его мнению, они выглядели наилучшим образом. Сыну неизвестно и то, как его папочка всю жизнь устраивается, изворачивается, кого-то немножко (не до уголовно наказуемой степени) надувает и что девиз у него: для себя, в себя, на себя и я превыше всех!

Жена Бориса Борисыча узнала обо всем этом тоже не сразу. И хотя ей временами становится противно и тошно и завидно бывает смотреть на семьи, где мужья не изворачиваются, не обманывают и не карабкаются на пьедестал, она не уходит от Бориса Борисыча. Потому что она не героиня из пьесы, а самая обыкновенная женщина, из тех, что терпят, страдают и с надеждой смотрят фильмы, где плохие мужья становятся хорошими. Она больше всего на свете любит сына и хочет, чтоб он подольше ничего не знал о макаронном ящике.

Она работает. Это — единственное право, которое она отстояла. Впрочем, это вполне соответствует желаниям Бориса Борисыча, потому что свою пенсию он тратит исключительно на себя. Но зато, когда она возвращается с работы домой, она обязана ублажать Бориса Борисыча, иначе будет скандал на весь дом. А ей невыносимо стыдно, когда Борис Борисыч скандалит.

Сын — троечник. Он предпочитает убегать из дому в кино или к приятелям. Дома — психика, попробуйте поготовьте уроки! Престарелая теща утром и вечером ходит в церковь молиться о здравии раба божия болящего Бориса. Днем, когда болящий Борис гуляет или сидит в ресторане, старушка отдыхает дома, слушает рассказы Насти об очередном скандале и удивляется, что молитвы так долго не доходят до престола всевышнего.

Но нельзя сказать, чтоб у Бориса Борисыча не было никакого занятия. Он приобрел пишущую машинку, научился печатать и часа полтора — два в день печатает анонимные письма или заявления в пяти, а то и в десяти экземпля-

рах. Первый экземпляр, самый четкий, как правило, он посылает в Центральный Комитет; второй — в редакцию «Правды»; остальные — в прокуратуру, в милицию, даже в святейший синод, в зависимости от затронутого вопроса. Когда он печатает на машинке, он волнуется, шевелит губами, подбирая особенно бичующие слова. Потом, заклеив конверты и надписав адреса, ложится на диван и приказывает жене немедленно вызвать врача.

...Так было и на этот раз. Борис Борисыч просидел за машинкой почти три часа. Для разгона он написал о бездушном отношении к пассажирам со стороны городского транспорта. Его, человека с травмированной психикой, прищемили в дверях метро! Он нарочно вернулся на ту станцию, где его прищемили, и узнал фамилию начальника станции:

...«Этакая краснощекая девица с перманентом и маникюром, которая больше думает о кавалерах, чем о подвергающихся смертельной опасности пассажирах — советских гражданах!!!»

Затем написал о театре в десяти экземплярах, из коих один направил в газету «Советская культура», другой — в Министерство культуры, остальные — по инстанциям:

...«Вместо того, чтобы показывать повсеместно нечто бодрое и заряжающее, вроде «Свадьбы в Малиновке», зрителя — советского гражданина!! — заставляют в течение многих часов смотреть сплошные убийства и называют это «Гамлетом». Куда смотрит Министерство культуры?!!»

И, наконец, обрушился на редакторов журналов. Тут уже понадобилось переменить три закладки, по пять экземпляров каждая:

...«В редакциях упомянутых журналов царит круговая порука, шайка-лейка и своя бражка!!! Кого печатают? Смешно сказать, таких писак в кавычках, как Иванов, Петров, Рубцов, и даже... Ватрухину, для коей единственное место — коммунальная кухня! Редакторы, эти типичные ставленники, упорно отвергают мои «Записки бывалого человека», тогда как именно в них раскрывается все многообразие, а также вскрываются безобразия, с которыми мы обязаны бороться, а не замазывать...»

Запечатав тридцать пять конвертов, он лег на диван и потребовал врача.

Пришел врач. Новый, незнакомый, совсем молодая девушка с очень озабоченным лицом. Может быть, это был ее первый вызов к больному.

— Это вы больная Знаменской? — сразу же спрашивает врач, как только жена Бориса Борисыча открыла дверь. — Что же вы это сами открываете? Немедленно в постель! У вас синюшная бледность, а что нервы не в порядке, я это вижу с первого взгляда.

— Доктор, это не я больная, — шепчет жена Бориса Борисыча.— Это...

Молодой врач смущен своей поспешностью и первой ошибкой. Ведь в карточке сказано: мужчина. Врачу на глаза попадается худенький подросток с лиловыми тенями под глазами и недоверчивым взглядом. Врач забывает о возрасте, так хочется поскорее исправить ошибку:

— Я понимаю, ребенок...

— Нет, не ребенок. — Жена Бориса Борисыча настойчиво тянет врача в комнату.

— Так, так, я вижу: больна эта старушка. Но ведь она едва держится на ногах! (Тут молодой врач вспоминает, что в некоторых случаях нужно проявить властность.) Послушайте, гражданин! Вы же кровь с молоком, единственный здоровый человек в квартире! Что же вы лежите на диване? Помогите мне перенести бабусю...

Борис Борисыч медленно подымается с дивана и смотрит на врача зловещим взглядом. Домашние замирают.

— Это я-то к... к... кровь с молоком? Я здоровый? Да знаешь ли ты, соп... соп... сопливая девчонка, что я за свои слова и поступки не отвеч... ч... чаю?..

У врача горели щеки и глаза были полны слез, когда жена Бориса Борисыча, стоя на площадке лестницы, говорила, сама чуть не плача:

— Доктор, уж вы не обижайтесь, вы извините! Вы в первый раз, а все буквально знают, что он психически неуравновешенный. Он... Ах, да что говорить!

А Борис Борисыч для куражу выпил коньяку и с новым приливом энергии уселся за машинку. Печатал он долго, сообщал в Центральный Комитет, в редакцию «Правды» и в Министерство здравоохранения об издевательском, нечутком, граничащем с вредительством отношении врача Пташкиной А. В. к нему, честному гражданину с травмированной психикой, с абсолютно расстроенной седалищно-нервной...

— А, черт! Подвернулось выражение дурехи Настасьи, придется вставлять новую закладку.— Борис Борисыч с треском крутит валик машинки. Как-никак, в высокие инстанции! С помарками неудобно!

Всерьез заняться проблемой использования энергии малых рек

ДОСТУПНО ВСЕМ

В связи с опубликованными в нашем журнале (№ 22) материалами о «карманной гидростанции» многие читатели просят редакцию рассказать о ней подробнее. Мы обратились к ее конструктору Михаилу Ивановичу Логину. Вот что он говорит.

Энергия тысяч рек, которые бегут по лугам, лесам, горам — одни быстрее, другие медленнее,— до сих пор использована далеко не полностью. Между тем даже мелкая узкая речушка может привести в движение, например, колхозную мельницу.

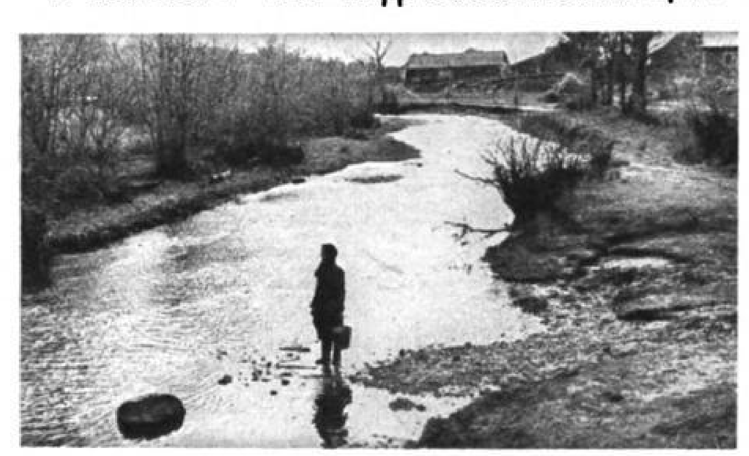
Современные гидротурбины имеют высокий коэффициент полезного действия, но ведь они немыслимы без значительных земляных и бетонных работ, без сооружения плотин и зданий гидростанций. Мне хотелось сконструировать такую бесплотинную гидростанцию, которая могла бы пользоваться силой течения даже маленьких рек, арыков, ручейков, и чтобы ее легко могли построить колхоз, небольшое промышленное предприятие, пионерский лагерь. Мне кажется, что я добился кое-каких успехов в этом направлении. Маленькая гидростанция — карманная, как ее называют,— стоит недорого, и оборудование ее несложно.

На плоту, на понтонах или на сваях находятся стойки для крепления коленчатых валов, а на них подвешиваются лопатки, которые входят в воду вертикально, поперек потока. Лопатки подвешены на штангах и располагаются одна от другой на расстоянии 1—2 метров. Колен на двух валах не менее трех, они соединены между собой последовательно при помощи штанг. Когда опускается первая штанга вниз, вода одновременно ударяет сразу по всем лопаткам, и вал поворачивается; тогда в воду опускается вторая штанга и так далее. С валом через редуктор соединяется генератор электрического тока.

Если двигатель будет иметь лопатки общей площадью в один квадратный метр, то его мощность, по моим расчетам, при скорости течения реки примерно 1,5 метра в секунду — около киловатта. Когда такой двигатель поставят на реку шириною в пять метров, а глубиною метр — полметра, он сможет выработать энергию в несколько киловатт. При установке серии таких двигателей, образующих как бы «батарею», можно получить мощность, достаточную для освещения колхоза, небольшого населенного пункта или для выполнения некоторых несложных работ.

Предложенная мною конструкция, вероятно, не решает всей проблемы. Можно найти и другие конструкции гидростанций, которые могут быть осуществлены силами любого колхоза или даже группой любителей.

В КОЛХОЗЕ — ТРИ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

Вот наша речка Таложенка!..

Журнал «Огонек» своевременно поднял вопрос о широком использовании колхозами энергии малых рек.

Наш колхоз «Рассвет», Новоторжского района, Калининской области, «оседлал» свою речку Таложенку. В некоторых местах нашу речушку можно перепрыгнуть, а глубина ее в среднем — около пятидесяти сантиметров. Работают на ней круглый год три колхозные гидроэлектростанции. Одна из них называется Таложенской, ее мощность—четырнадцать киловатт. Дает она электроэнергию для четырехсот ламп, питает радиоузел и радиосеть всех девяти селений колхоза. Станция обеспечивает выполнение таких сельскохозяйственных работ, как молотьба и сортировка зерновых культур, вытирание клевера, околот и сортировка льна, а также и распиловку леса. ГЭС приносит колхозу тридцать тысяч рублей дохода в год.

Вторая ГЭС, Кузовковская,— мощностью всего в восемь киловатт. Ежегодный доход от этой ГЭС — двадцать тысяч рублей. Такой же мощности и третья ГЭС — Подольская. Таким образом, наш колхоз, построив в 1946—1948 годах три небольшие плотинные ГЭС, получил от них дохода, по самым скромным подсчетам, более полумиллиона рублей.

Но дело не только в доходе, а в социалистической культуре нашего труда и быта, в том, что мы собственной электроэнергией облегчили тяжелый труд, осветили электрическим светом все жилые дома, школу, клуб, библиотеку, больницу и аптеку, светло у нас на животноводческих фермах, горят лампы и на улицах, со всем миром связывает нас радио.

Мощность наших трех ГЭС равна тридцати киловаттам, но если поднять плотину на один метр только лишь Таложенской ГЭС и тем самым повысить на столько же уровень воды, то ее мощность возрастет до двадцати пяти киловатт. Однако как строительство ГЭС в нашем колхозе, так и их эксплуатация, видимо, мало интересуют работников «Сельэлектро». Следует прямо сказать: они пренебрегают мелкими колхозными гидроэлектростанциями.

Очень правильно академик С. Я. Жук ставит задачу разработать проекты наиболее пригодных для колхозов гидростанций. Интересен почин изобретателя бесплотинной станции М. И. Логина. В самом деле, не пора ли ученым и конструкторам всерьез взяться за оказание помощи колхозам, расположенным вдали от высоковольтных магистралей, и дать им возможность самим строить бесплотинные и другие наиболее удобные и экономически выгодные для них ГЭС?

Еще одно пожелание: надо издавать книги, освещающие опыт работы колхозных ГЭС. В них мы должны найти деловые советы ученых-энергетиков и соображения новаторов-практиков об использовании электроэнергии в колхозном производстве и быте.

Заведующие гидроэлектростанциями И. ВОЛКОВ, В. ЩУКИН, В. НИКОЛАЕВ. Председатель колхоза «Рассвет» А. ЯКУБОВИЧ.

Калининская область.

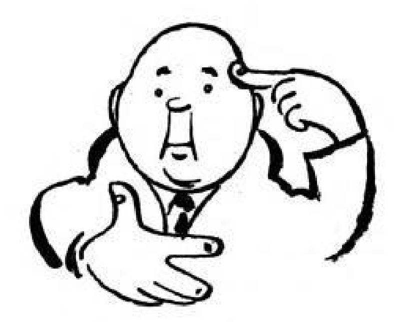
Эпиграммы

«ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА»

Он за много-много лет
Не сказал ни «да», ни «нет».
Лишь начнутся прения,
Он, блюдя нейтралитет,
Выйдет тихонько в буфет
На предмет курения.

«НЕ СОБСТВЕННИК»

Он беден. Более того,
Он духом бос и гол.
Он даже мненья своего
Еще не приобрел.

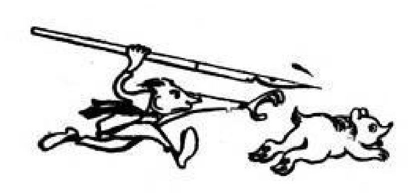
Не верь заученному им:
«По мненью моему»,—
Лишь то, что нравится другим,
Понравится ему.

ВЫНУЖДЕННОЕ МОЛЧАНИЕ

Когда цитатчики смолкают?
Когда цитаты иссякают.

ЖИВОТНЫЙ СТРАХ

Медведь занервничал:
— Предчувствую беду —
В плохую басню попаду!

Эмиль КРОТКИЙ

Подарок вьетнамца

Когда советское судно стояло в порту Ханоя, один из вьетнамцев подарил советскому моряку С. Н. Шлыкову на память... двухметрового удава. Подарок необычный, но был сделан явно от всей души.

Большую часть пути в Одессу удав мирно лежал в ящике, свернувшись в клубок. Питался он кроликами.

Вернувшись домой, С. Н. Шлыков передал удава своему сыну Виктору. Дар вьетнамского друга вызвал восхищение ребят.

Ю. ВЛАДИМИРСКИЙ

Одесса.

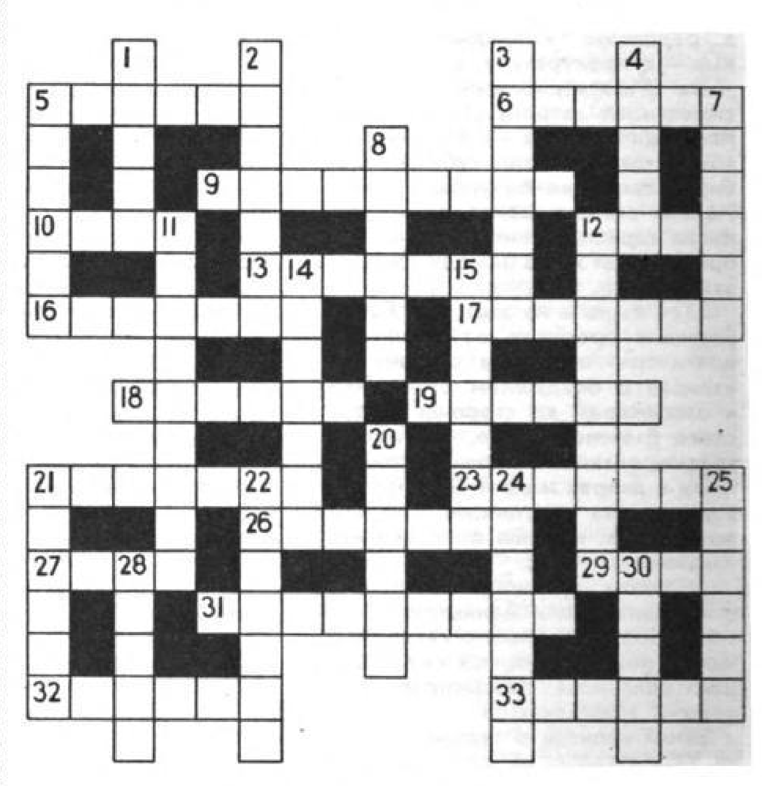
Из прошлого

Держиморда и... комета

В середине прошлого века московским обер-полицмейстером был Лужин. При появлении кометы им был издан такой приказ:

«До сведения моего дошло, что вчерашнего числа, на Пятницкой улице видима была комета, о чем не последовало ко мне донесения от пристава Пятницкой части. Приписывая это обстоятельство небрежности по службе со стороны пристава означенной части, объявляю ему строжайший выговор».

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Человек, обладающий глубокими познаниями. 6. Цветок. 9. Положительная оценка трудов, заслуг. 10. Пища. 12. Курс судна относительно ветра. 13. Часть речи. 16. Парламент. 17. Город в Архангельской области. 18. Название шерстяной ткани. 19. Электронавигационный прибор. 21. Корзина. 23. Чешский композитор. 26. Стремление, побудительная причина. 27. Метрическая музыкальная единица. 29. Помещение в театре. 31. Украшение мелодии. 32. Поле, на котором сжаты зерновые. 33. Рыба семейства лососевых.

По вертикали:

1. Народный музыкальный инструмент. 2. Одна из поверхностей. 3. Растение с цветком причудливой формы. 4. Пряность. 5. Античный мыслитель. 7. Полуостров на северо-западе Америки. 8. Опросный лист. 11. Крупное ископаемое животное. 12. Работник по съемке, изучению и описанию водоемов. 14. Специалист по сельскому хозяйству. 15. Способ бега лошади. 20. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 21. Вместимость сосуда. 22. Столица союзной республики. 24. Свидание. 25. Зажим. 28. Страна в Восточной Африке. 30. Мнение, оценка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

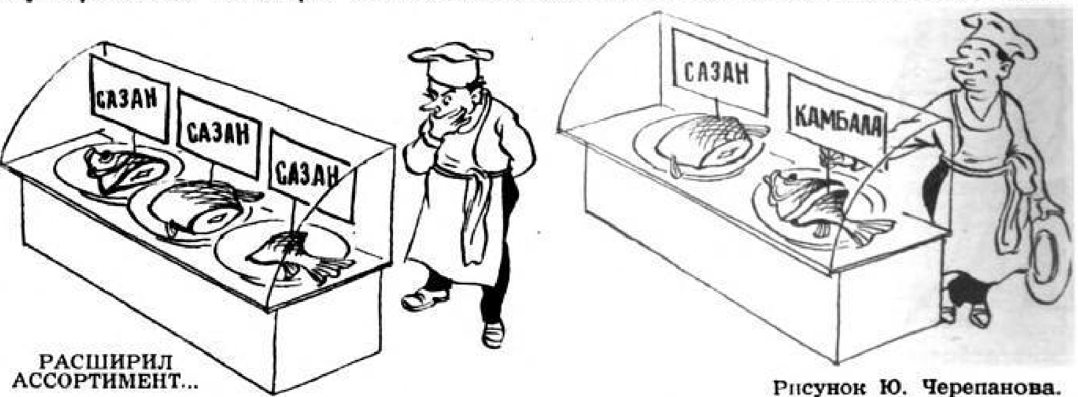
По горизонтали:

4. Ковалевская. 9. Электродинамика. 12. Пенька. 13. Стратег. 14. Омметр. 17. «Рамаяна». 18. Циркуль. 19. Твердыня. 20. Беркутов. 23. «Портрет». 24. Поленов. 26. Лосось. 27. Тегеран. 28. Гагара. 31. Шарикоподшипник. 32. Достоинство.

По вертикали:

1. Полька. 2. Меридиан. 3. Панама. 5. Александровская. 6. Бретань. 7. Андезит. 8. Укомплектование. 10. Реставратор. 11. Стратосфера. 15. Магнето. 16. Скрепер. 21. Черенок. 22. Бомарше. 25. Демокрит. 29. Мисхор. 30. Оправа.

На вкладках этого номера две страницы акварелей В. Климашина, репродукции картин художников Т. Ряннеля, И. Рыбачука, Л. Фаттахова, В. Фомичева и Д. Свешникова и две страницы цветных фотографий.

РАСШИРИЛ АССОРТИМЕНТ...

Рисунок Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-39-05; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

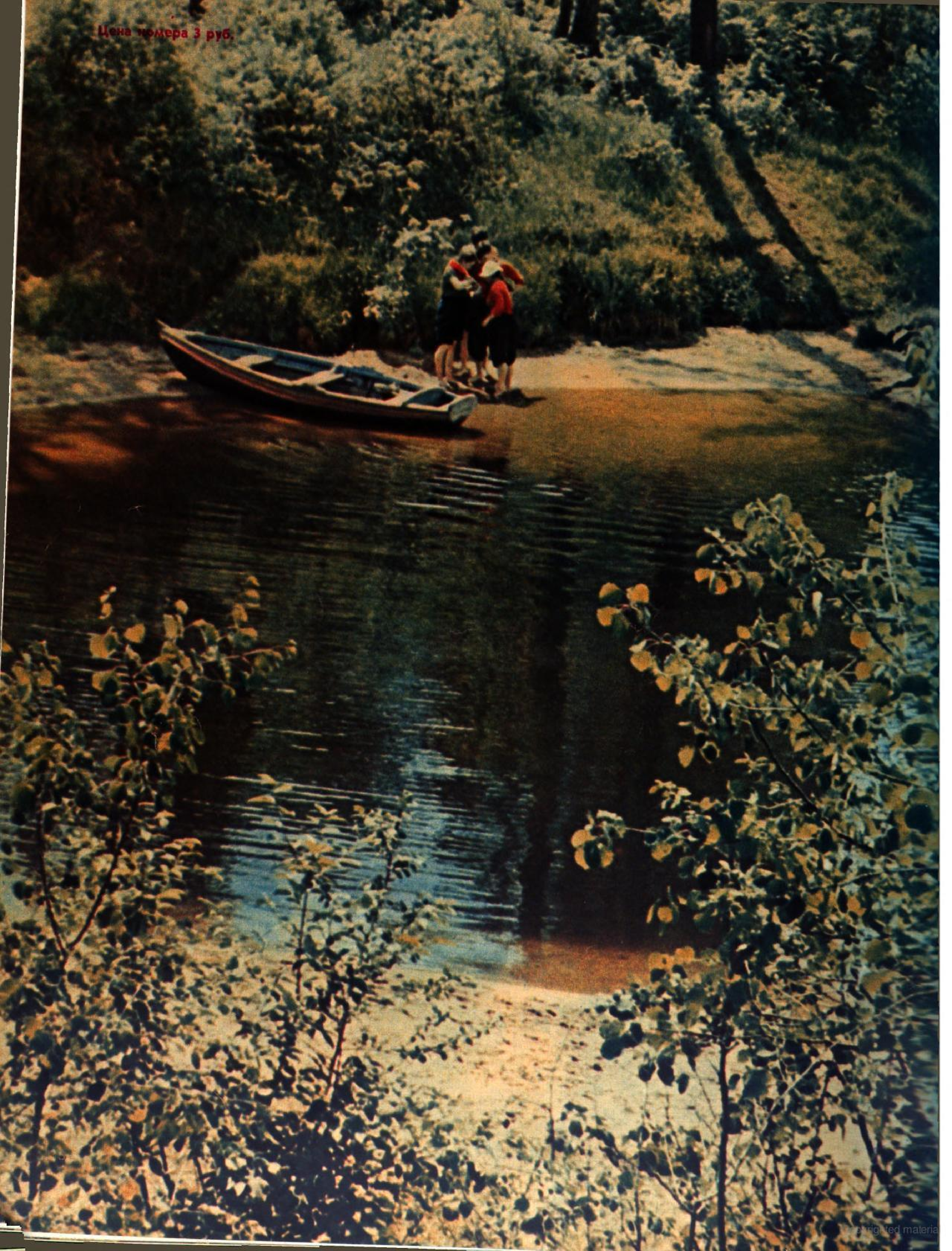
А 05763. Подп. к печ. 6/VI 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 527. Заказ № 1421. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В клубе колхоза имени Ленина, Дымерского района, Киевской области. Любители бильярда — заведующий конефермой И. К. Еременко и садовод Я. Т. Карпенко.

Фото Н. Козловского.

Цена номера 3 руб.